Александр Чернобук

Ангел Украины

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Страны, как люди… У каждого человека своя судьба. Одни с рождения обречены на счастье. Другие мучаются всю жизнь, борясь за выживание. А если вдруг случится, что Фортуна повернется к ним лицом, то они, ошалевшие от неожиданной удачи, совершают немыслимые глупости, не зная, как распорядится подарком судьбы во благо. Вот так и наша Украина. За многовековую историю, в которой ничего похожего на счастье не было, у нас появился шанс. Мы независимое, суверенное государство, большое и далеко не бедное. У нас есть все для достойного развития! Нам бы жить и радоваться, но почему-то все у нас не так. Вся государственная система направлена на разрушение страны и изощренное издевательство над своим народом. Словно запущена чьей-то сильной рукой глобальная и мощная программа уничтожения государства Украина…

- Александр Чернобук
  -
  - Сергей Высоцкий
  - Дядя Грач
  - «Смертельное убийство»
  - Я — Человек, Сын Бога
  - Герой нашего времени
  - Умножая познания, умножаем скорбь
  - Концепция
  - Первый Украинец
  - Лекция
  - Служу Отечеству
  - Клятва Гиппократа
  - Земля и деньги
  - Консумация
  - Продам Родину: оптом и в розницу!
  - Берем ответственность
  - «Воля народа 34»
  - Удельная безопасность
  - Последняя

Александр Чернобук
Ангел Украины

Как бы плохо мы ни говорили о правительстве,
оно думает о нас еще хуже.
Г. Малкин

Любая демократия в этой стране
заканчивается диктатурой
мелких лавочников.
А. Розенберг

Нет ничего страшного в переменах,
если они идут в правильном направлении.
У. Черчилль

Бог не такой, каким его выдумали люди.
Н. Бохан

Как-то в этот раз мне совсем нерадостно, невесело и незабавно. Неуютно, прямо скажем. Это если говорить саркастически. А что? Имею право! Почему бы и нет? Будем пытаться сохранить чувство юмора до последней возможности. До самого конца. Кто-то красиво, емко и безапелляционно заявил, что все беды в этом мире от людей без чувства юмора. Эх, если б только от них!

На самом деле, мне довольно паршиво. Хотя, пожалуй, и это неправильно звучит, еще хуже. Если точней — мне дико не по себе. Дискомфорт полнейший. Если так можно выразиться применительно к моему состоянию.

И почему же так? Да потому, что лежу я с пробитой оболочкой, и из развороченной ауры вытекает миллиметр за миллиметром моя жизненная сила. Похоже, в этот раз вся. Не до веселья как-то в таком состоянии. Не до радости, не до забав. Подыхаю. Дышать или что я, тварь бестелесная, вообще по определению должен делать, дабы сохраниться и продолжить свое существование, становится все трудней. Да уж, дорого дались мне эти столь желанные знания.

Окружающий мир начинает расплываться и сливаться в некий сплошной светящийся спектр… Радуга… Красота… Через нее проходят рябью некие узнаваемые пейзажи: опушка леса с озером, берег моря, горная гряда, стремительный ручей, степь… Конец это мой так настает, что ли?

А как ты хотел? Получить такой заряд негатива от очередного гражданина Украины и весь целиком принять в себя. И так немерянное количество раз. Собрал на себя столько мерзости… постоянным накопительным итогом. Переработай поди эту дрянь. Какие они у нас здесь… Да уж, не ту страну назвали Гондурасом. Неужели в этот раз уже все?

А ведь обещал, что я теперь бессмертный, или как там он говорил? Дядя рукокрылый. Говорить не говорил вроде бы, но подразумевалось что-то примерно в этом роде. Вечный… Как-то непохоже, если судить по ощущениям. Не тяну я на Агасфера. Все… Фенита ля комедия… Что в переводе на наш язык означает: конец кретину. Хотя что тут такого: одним больше, одним меньше…

Жаль только, сколько еще всего собирался хорошего сделать. Можно сказать, только начал. Прав Воланд, беда с этой внезапной смертностью. Не только все планы рушит, еще и угнетает неимоверно.

Вообще-то перед смертью, по расхожему мнению, принято вспоминать всю свою жизнь. Попробовать что ли? Что там у меня в прошлом такого, что должно мелькать, как в калейдоскопе, перед глазами умирающего человека? Человека? Ха-ха, очень смешно! Хотя не всегда же ты был тем, кем сейчас умираешь…

Когда-то ты был… был… был… Кем же ты был? Человеком? Ну да, конечно, человеком. Или, наверное, человеком. Как правильно? Впрочем, какая разница: двуногим, так называемым разумным, короче…

Был ты… был ты… А был ты Сергеем Высоцким, вроде бы как журналистом. Представителем одной из самых подлых и мерзких профессий, которые только придумал род человеческий… Хуже дворников, гаже проституток…

Сергей Высоцкий

«Ревет и стонет Днепр широкий»… Так уж ревет и стонет? Разве? Пора разъяснить свои старые сомнения. Давно хотел, с самого детства. Я обратился в слух и даже склонился над заклейменным пентаграммой чугунным парапетом, рискуя грохнуться вниз с многометровой высоты моста в темную воду. Ничуть не бывало. Ни рева, ни тем более стона…

Абсолютно спокойно несет свои великие воды могучая река, неторопливо и с чувством собственного достоинства омывая и крутой правый, и пологий левый берег. Как же так? А где же указанные в рифму шумовые эффекты разбушевавшейся водной стихии? Ошибся, что ли поэт, почитаемый с такой помпезностью вот уже второе столетие?

Или он за прототип в своем вирше взял другую реку, на склонах которой расположен тот, другой великий город, где он прожил большую часть своей жизни? Где цена его свободы определилась в стоимость всего лишь одной картины, пусть даже довольно известного художника. И та, закованная в гранит река послужила мастеру рифмы предметом вдохновения? Она действительно течет несколько иначе. Хотя тоже, вроде бы, если не изменяет память, не ревет и не стонет…

На ее берегах расположен не менее известный в историческом плане, но более молодой мегаполис. Если в сравнении, можно сказать даже юный. Сотворили его руки человеческие совсем недавно. Северная столица могучей некогда империи едва четвертое столетие распечатала. До этого были там непролазные чащи, смертельно опасные топи и царство диких животных. Вот…

А на кручах этой реки пятнадцать веков назад уже кипела жизнь. Кузнецы ковали мечи, щиты и доспехи. Ремесленники мяли кожи, изготовляли необходимую для обихода утварь. Крестьяне пахали землю, сеяли, собирали урожай, разводили скот. Праздновали свои многочисленные языческие праздники. Поклонялись великому Перуну и целому сонму других, менее могущественных профильных богов. Люди влюблялись, женились, рожали детей.

Здесь же русские князья из века в век занимались интригами, кровавыми распрями, грабежом, междоусобицами, поборами и насилием. Ходили воевать другие земли и, как следствие, были вынуждены отбивать набеги всех своих воинственных соседей: печенегов, аланов, буртасов, кирпчаков, касогов, половцев, хазар и многих других. Истина старая и общеизвестная: как аукнется,

так и откликнется. Закон сохранения неизменен и действенен в любые времена. Скудоумие и жадность правителей всегда приносят горе, в первую очередь, своему народу.

В святых пещерах этого города прятались от набегов монахи и неизменно выходили отстраивать его заново. Здесь объявились Рюрики. Здесь, подло обманутые, были убиты Аскольд и Дир, бесславно сложили головы дружинники Игоря, а сам великий князь был наказан за жадность по дороге сюда. Пал древний город под копытами войска хазара Песаха. Здесь пролегал судьбоносный путь из варяг в греки. Здесь великая княгиня Ольга велела истопить древлянам баню и сожгла их всех, рассчитавшись за смерть своего мужа. Здесь мудрые правители, желая сближения с Византией, недоумевающих и сопротивляющихся людей загнали мечами в воду, обращая в христианство…

Здесь, здесь, здесь… Все здесь. В Киеве — матери городов русских! Всего не перечислить. Да, многое видели воды сей реки и не раз ее волны пенились кровавыми гребнями…

Костры захватчиков, глухой топот копыт степных коней по песку, пьяные гортанные выкрики победителей, бесноватые пляски в сатанинских отблесках, стоны пленных, умирающих и раненых, кровавые пожарища, вопли насилуемых невольниц…

Тысячи и тысячи людей из века в век страдают из-за глупости, жадности, чванства, гордыни, подлости и бездарности правителей этого райского края… Почему же так не везет этой плодородной, богатой и красивой земле? Где справедливость? Или это действует тот же закон сохранения? И Бог в довесок к многочисленным благам природы добавил именно такую, всеуничтожающую национальную ментальность?

Тряхнул головой, прогоняя наваждение. Видения из глубины веков неспешно рассеялись. Сознание вернулось к реалиям жизни: в свое время, в свой город, к привычным запахам и звукам. За спиной проносились, вот уж действительно, которые с воем, а иные со стоном и даже скрежетом редкие автомобили. В три часа ночи мост Патона в Киеве не самое оживленное место на Земле. К счастью.

Совсем другое дело днем, и не только на этом, на всех мостах города не протолкнешься: пробки, аварии. И не разберешь, первое — причина, а второе — следствие или наоборот. Толкотня, визг тормозов, рев двигателей, нескончаемая какофония звуковых сигналов, вонь бензина, клубы выхлопных газов и нервы, нервы, нервы. Конец света. Хоть не выезжай.

— Можно было и на машине приехать, а не бросать ее Бог знает где. Поставил бы на аварийку… даром, что на мосту остановка запрещена… пробку ночью б не создал, как теперь

видно…

Произнес вслух, пребывая еще под впечатлением картин средневековой жизни, не имеющую совершенно никакого права на существование мысль. Поставить на мосту автомобиль, а самому рядом философствовать под водку. А потом что? Как многочисленные друзья в погонах, почти не ориентируясь в пространстве и имея единственным путеводным маяком огни лаврской колокольни, путая педали, рулить в сторону дома? Нет уж, увольте! Не по мне это!

Прикурил очередную сигарету, плеснул из стоящей на ограждении моста бутылки немного, на два пальца, водки в пластмассовый стаканчик, отсалютовал им правому, залитому миллионами огней берегу города, спохватившись, то же проделал с левой, более скромной в плане иллюминации стороной, и неторопливо выпил. Глубоко, с наслаждением затянулся и выдал в теплый ночной воздух:

— Это надо, куда тебя занесло: патриарх украинского слога, хазары, князья, измены, грабежи, мерзость правителей, беды народа… К чему бы это? Сегодняшняя реальность гораздо банальней, проще и куда актуальней, чем все вместе взятые великополитические подлости былинных предков. Впрочем, связь тут на поверхности. Мало что изменилось с тех пор. Государственные деятели Украины (как бы не называлось в иные лета наше государство) всегда, во все времена думали в первую очередь о своем месте во власти, а не об интересах страны. Вот почему из пучин подсознания и выплеснулись прежние смуты, подлости и предательства… Аналогия прямая. Что было тогда, то происходит и сейчас. Безудержная, всепоглощающая жажда власти и материальных благ мелких людишек, прорвавшихся благодаря нелепому случаю к рулю управления страной. Поэтому-то ревет и стонет полтора тысячелетия не Днепр, а народ, который живет как на левом, так и на правом берегу реки. И наши дни, к сожалению, все так же далеки от столь желанного исключения из этого печального правила…

Механическим движением руки нашел бутылку и, почти не глядя, плеснул еще. Поднял стаканчик, начертил им несколько замысловатых фигур в воздухе, но пить не стал. Поставил тару на парапет. Упер в еще теплый после солнечного дня чугун ладони и, глядя в мерцающие огни ночного города, раздельно произнес старую истину:

— Театр без зрителей не имеет смысла! — поняв, что на меня отсутствие публики особо не влияет, продолжил размышления, но все же не вслух. К чему напрягать связки, если вокруг никого нет? Что за неронщина? К тому же, город не горит. Пока, во

всяком случае.

Больной, можно сказать, выстраданный на крови и глубоко личный, почти интимный вопрос, к которому ты периодически возвращаешься, а сегодня обошел вниманием. Пока обошел. Все. Момент настал? Пора? Ну-ну, с чего ты там обычно начинаешь? «Может все же надо написать ЭТУ книгу?» — кажется, с этого. И смешно и грустно одновременно. Ээээхххххххх…

Книга, книга, книга. М-да! Материал так долго собирал. Из кого только информацию не вытрусил. «Ободрал» многих. Где только не был. Что только не делал. А как хотел… Горел идеей и желанием… Казалось — вот это будет вещь! Куда там «потрясателю мира» Джону Риду с его «Десятью днями…» Романтик, греющийся у большевистского костра, не более…

Такие надежды возлагал на этот проект. А на поверку оказалось: никому такое произведение не нужно. Никому. Абсолютно. И забросил…

Какое там лучшее из перечня рабочее название было? «После революции, в среду». Так, кажется. Другие менее выразительными показались…

Книга о всем известных «оранжевых» событиях 2004 года в Украине. Как те победили на президентских выборах этих. Или эти победили тех? Кто они ТЕ, а кто они ЭТИ? Есть ли между ними хоть какая-то разница? И кто помогал тем, а кто тянул этих. Короче, была идея выложить всю подноготную этой «революции». Объективную, реальную картину. Ни за одних или других, а как было на самом деле. Правду написать хотелось…

Ну и кому это знание надо? Все, кому был интересен механизм сего действа с прагматично-меркантильными целями, в курсе. До мельчайших подробностей. Многие в теме. А те, кто не в курсе… их так и называют — народ. Люди, простые люди… Им-то оно зачем? Вся эта «высокая» политика? Эта мерзость, подлость и откровенная грязь? Зачем лишать сограждан последних призрачных иллюзий? Хотя вряд ли на сегодняшний день остались в стране романтики, верящие хоть кому-то из вещающих с экранов телевизоров о всеобщем братстве, росте ВВП, прорывах в светлое будущее, великой идейности украинских «вождей», национальной идее и экономическом чуде…

Какое нас может ждать светлое будущее с такими «лидерами»? Если первые лица государства, даже не вдумываясь в сказанное, говорят, что только мечтают о том, чтобы в стране не стало нищих, голодных, больных стариков, которые не в состоянии оплачивать себе лечение, беспризорных детей… Мечтают… Эти проблемы, что сами как-то рассосутся? Не вы ли сегодня у руля власти? То одни, то другие. Делать, господа,

ничего не пробовали? Кроме выкачки денег из бюджета себе в карманы, я имею в виду. Может, и получилось бы…

А люди наши все терпят. Всю жизнь что те, что эти ноги о них вытирают. Стоп! Вот это ты сказанул: «о них!» А себя ты к кому отнес? К китайцам? О нас, о нас вытирают, так будет точнее. О тебя тоже, не скромничай.

Или таки надо написать эту книгу? Кому нужна ТАКАЯ книга? Тем? Этим? Людям? Вряд ли. Тебе? Еще меньше. Ну так забудь, плюнь и разотри. Жаль, конечно, книга получилась бы интересной. И в смысле произведения и в материальном плане определенная перспектива прослеживалась…

Ведь были предложения от обеих заинтересованных сторон: как временных «победителей», так и ненадолго «побежденных». Облей грязью, изобличи подлые игры оппонентов против своего народа, а про нас напиши, какие МЫ хорошие, честные и патриотичные, в отличие от иных представителей политического террариума страны, и все… Ты будешь, мальчик, нашим королем! Со всеми вытекающими последствиями.

Сейчас уже был бы избранной политической силой обласкан со всех сторон. Сыром в масле катился б по жизни. И все без особых напрягов. Погавкивай на оппонентов благодетелей периодически, да оды хвалебные последним сочиняй позабористей. Как все, ну или почти все, украинские собратья по перу и делают.

На телевидении какую-нибудь высокоинтеллектуальную передачку для умственно недоразвитых вел бы сейчас с гордым видом эрудированного идиота. Сам бы регулярно мелькал на канале мерзких новостей. Некие грамотные мысли толкал бы, вливаясь в стройный хор таких же ораторов при кормушках, отрабатывая свой довольно приличный ломоть хлеба с маслом и икрой…

Регалиями обвешали б, как новогоднюю елку игрушками. С ног до головы. Академиком каким-нибудь сделали б, прецедент такой есть. Проорал невразумительно о светлых идеалах демократии — и академик. А уж народный депутат — автоматически. Чем писатель хуже иных представителей творческой интеллигенции Украины? Сладкое бремя славы. Кому его не хочется? Пожалуй, нет таких. Хочется всем, только вот не все готовы заплатить за это собой. Таких, правда, совсем немного, и надо ж так сложиться, что ты оказался в их числе.

Не пошел ни по одному из возможных вариантов. Все взвесил, посмотрел на одних, на других, третьих и отказался. Не захотел пойти против себя, против совести. Тогда не захотел. А сейчас как? Не жалеешь? Ответь-ка честно, как на исповеди. Хотя

бы себе.

Попробовал. Собрал всю свою искренность в одном известном всем месте. Сконцентрировался. Подумал о своем материальном положении. Потом о своем месте в этой жизни. Помечтал о чем-то неопределенном. Автоматически вернулся к проблемам нашего государства. Размежевать себя с ним как-то не смог. Хотя и попытался.

В этой связи представил лица наших калиброванных политиков. Вспомнил их «подвиги». Прокрутил в голове их шаблонно-одинаковые словеса. Карточной колодой в руках опытного шулера пролистались лицемерные улыбки, неизбежно сопровождающие очередные красивые и щедрые обещания. Передернуло. Брррррр. Нет уж, увольте. Из их рук ничего, кроме яду. Я потом спокойно не то что жить — спать не смогу.

Жополизов в стране хватает и без меня. Куда ни плюнь, обязательно попадешь в идейного творца новой формации. Любое псевдореволюционное веяние, очередные «спасители» страны приходят к власти, и украинский интеллигент тут же бежит, спотыкаясь и мучаясь творческой одышкой, за своим заказом, рассчитывая все на те же тридцать серебряников.

Готовы делать за сладкий кусок абсолютно все, моментально забывая, каким богам служили еще вчера. Бессонными ночами сочинять хвалебные романы, в муках актуального творчества рожать стихи и перекладывать их на музыку. С патриотическим трепетом и героическим надрывом тут же распевать эти песни о новых кумирах. Ваять скульптуры и писать картины с натуры первых лиц государства, придавая им черты античных богов. Переписывать историю, находя там такое, что все исторические личности в гробах переворачиваются, обнаруживая в своих генеалогических древах всяких приписанных короедов. Все на алтарь столь востребованной злобе дня!

Бесспорным лидером в этой гонке за позорным призом является журналистская братия, которая наперегонки соревнуется в подхалимстве и лизоблюдстве, гордясь этим и называя сию мерзость профессионализмом. Хотя тут особо не поспоришь: что специалисты, то специалисты. Так зализут, что и дырки не останется. Как в том анекдоте. Где же ваш анус, господин большой начальник? — Нет? Значит зализали.

Так что увольте, профессиональных проституток и без меня в стране хватает. С лихвой. Между ними даже конкуренция появилась. Пошла борьба за качество услуг. Новые технологии. Демпинг. Покупки оптом и тому подобные прогрессивные дела, согласно мировым законам экономики. А коммерческий подход убивает все некоммерческие институты. Все хорошее, доброе,

светлое летит в тартарары…

Простите великодушно, но счастье, за которое вы так усиленно боретесь, пусть будет без меня. В соревнованиях, кто чище вылижет платящую задницу, я участвовать не стану. Поэтому мой искренний на сто процентов ответ: НЕТ. Не жалею о том, что не сделал это тогда. И не буду делать сейчас. Такую, как они хотят, книгу никогда не напишу и ни под кого я не лягу. Точка. Больше эту тему можно не обсуждать.

М-да… Жестко ты… Идею вот только жалко. Книга получилась бы хорошей. Честной, объективной. Настоящей, без фальши. Не напрягаясь, вспомнил начало главы о «барабанщиках»:

«Здесь люди работали. Слаженно, споро и самоотверженно. Им было не до шуток и не до веселья. Сосредоточенные лица, перекошенные физическим дискомфортом, который они создавали в каком-то приступе патриотического мазохизма себе и всем окружающим. Выстроенные на крутом склоне напротив здания Кабинета Министров несколько десятков двухсотлитровых бочек, по сути, выполняли роль иерихонских труб, от работы которых по чьему-то замыслу должен был рухнуть предыдущий строй.

Страшный треск, гул и грохот не давали возможности находиться в непосредственной близости от барабанщиков даже относительно непродолжительное время. Огромные металлические бочки были уже изрядно изуродованы. Их периодически вертели, меняя точки приложения ручек от лопат, играющих роль барабанных палочек. Несмотря на лютый декабрьский мороз, активисты были раздеты до пояса. Вокруг их тел клубились облака пара. Работа была жаркой. Сколько в среднем выдерживал один барабанщик, не знал никто. Скорее всего, это зависело от личных качеств каждого из этих упорных людей. Судя по тому, что треск и грохот не прекращались ни на минуту, ротация барабанщиков была регулярной. Недостатка в желающих не было, и процесс был непрерывным.

Вокруг стояли, сидели, бродили тысячи людей, приехавших в эти непростые для страны дни со всех уголков Украины. Они заполнили все центральные улицы столицы. Их глаза были полны надежды. Люди жаждали перемен. Они устали быть бесправными, голодными рабами в своем государстве. Барабанный грохот в центре Киева сулил изменения. Людям хотелось, чтобы перемены были к лучшему. Им очень хотелось верить в то, что провозглашалось политическими говорунами с трибун. Многие жадно слушали и трепетно верили…

Иногда сюда подъезжали на своих дорогих машинах сытые

при любой власти представители украинского бомонда: известные актеры и актрисы, раскрученные и не очень певцы и певицы, телеведущие всевозможных каналов, прочие члены творческой элиты Киева. Они красовались перед камерами в роли дирижеров, помахивая руками перед орудующими палками на морозе «барабанщиками» и щеголяли оранжевой символикой, эстетично вписанной в элегантные наряды из норковых манто, песцовых шуб и стильных дубленок.

Операторы в эти моменты с двойным азартом работали камерами, предвкушая, как они из этих заготовок наделают вставок в политические передачи, клипы и документальные ленты. Знаменитости старательно, вдумчиво и с удовольствием им позировали. Они тоже прекрасно понимали, куда пойдет этот материал. Был именно тот день, который кормит журналистскую, вечно голодную на сенсации и мерзости любого рода саранчу год».

Как ты, однако, вызверился на собратьев по перу. Наболело? Ведь ты тоже не шахтер, не моряк, не летчик и не инженер. По масти такой же. А, писака? Причем, с десятилетним стажем. Сам сколько бумаги перевел за все эти годы? Одно радует, что журналист Сергей Высоцкий был, а не есть, и стаж у него десять лет теперь уже окончательный. Все в прошлом. Бывшая акула пера в настоящем — свободный художник и холодный философ.

Зря, наверное, швырнул на стол удостоверение спецкора. Можно было и спокойно положить. Без пафоса и надрыва. Не удержался. Детская тяга к дешевым театральным эффектам. Нате вам, мол. Ешьте. Как претенциозная проститутка. Как будто впервые в свои тридцать три года узнал, что пресса, ВСЯ пресса страны продажная и грязная, как дешевая портовая шлюха.

Чего изволит Господин? Что ему нравится? Вот так? Да? Пожалуйста. Сюда? Конечно! Всегда готовы обслужить по первому разряду. Приходите к нам еще! Можно даже без душа, все оближем. Всенепременно. Смазка у нас своя есть. Останетесь довольны. Тьфу…

«Кто девушку ужинает, тот ее и танцует» — эта фраза произносилась тобой на всем протяжении жизни с завидной регулярностью. Так что ничего нового под луной и в этот раз не произошло. Кто платит, тот и заказывает музыку. Истина старая и общеизвестная. Нет, что-то другое меня зацепило. И что? Откуда такая реакция? И на что, собственно?

Когда Артем, которого ты уважал за принципиальность и порядочность, со своего редакторского кресла начал туманно изъясняться о политической необходимости и экономической целесообразности, витиевато путая коллектив в придаточных

предложениях, изрек новый, развернутый на сто восемьдесят градусов курс газеты, вот тогда ты и осознал эту щемящую грусть от вынужденного предательства. Вот в чем дело. Тогда-то и решил: ну вас, умных, рассудительных карьеристов к известной всем маме…

А сам ты как думал? Так чистеньким и проскочить? Всю карьеру проработать честным криминальным репортером? Пахарем. Без политических заказов, без участия в корыстных разборках, без интриганства, без подлости и предательства? По определению не получается: быть проституткой наполовину невозможно. Никак! Как минимум: будешь профессионально непригоден. Вплоть до дисквалификации…

Постой, а ведь не первый раз бросил удостоверение. Такое уже когда-то с тобой было… Было, было, было… Точно! В ранней юности, на самой заре, так сказать, карьерного взлета. Да, да, на университетской практике, лет… лет… лет двенадцать, похоже, назад. В областном «независимом» еженедельнике.

Тогда сожалений было еще меньше, чем сейчас. Сильное дело — уйти из мерзкого издания. Юным максималистом продажность печатного органа была расценена как досадное исключение, которое только подтверждало правило хрустальной чистоты журналистской братии. Да уж. Молодость, молодость.

А что же там произошло больше десяти лет назад? Уже, наверное, и не вспомнить в подробностях, что там и как было. Хотя, в общих чертах, конечно, несложно. Практика. Журфак университета. Четвертый курс. Толстый областной «самостоятельный» рупор общественности был изначально под руководством МВД. Это в первые дни моей практики. Далее ментовской еженедельник после снятия за коррупцию генерала, начальника областного УВД, перекупил с потрохами местный вор в законе, которого вскоре убили, и у «независимой» газеты появился следующий хозяин.

Еженедельник старательно, «профессионально» и громко пел на все голоса. Первый номер, вышедший за время моей практики, был в честь доблестных людей в погонах, которые неустанно, не щадя жизни, охраняют покой мирных граждан. Следующий, всего через неделю, вещал о том, как оборотни в погонах (причем, все сотрудники органов без исключения) воруют при обысках колготки и нестираные носки, сажают невиновных людей в каталажку, беспредельничают с утра до вечера и с ночи до утра и вообще, за три копейки готовы сделать все что угодно. Еще через семь дней сей печатный орган неожиданно распознал в самом крутом бандюгане региона мецената, любителя детей и утонченную высокодуховную личность. Ну, и так далее.

Последующие выпуски тоже «радовали» своей непредсказуемостью. Словом, «кто заплатил, имеет все права». Причем, на все.

В тот момент жизни мне не надо было никакого дополнительного юмористического чтива: просто сравнивай номера газеты, в которой работаешь, и смейся на здоровье. Веселуха! И прозрение. Тогда отчасти.

Да, для полной картины главный редактор там был педофил отмороженный, извращенец гребаный. Старикан, за семьдесят. Козлина похотливая. Так и чесались кулаки в зубы этой скотине дать… Короче, впечатления от первого опыта работы в прессе были еще те.

С этим-то все ясно. Что тогда было, то и сейчас в этом причудливом зоопарке под названием мир средств массовой информации происходит. А вот что там с тонкими струнами твоей души творилось? Новый опыт, как-никак. Первый раз ведь тогда столкнулся с прозой жизни. Мммммммммммм… Нет, пожалуй уже не вспомнить, в особенности сейчас, при тормозящем память алкоголе в крови. Да и Бог с ним. Было же кроме грязи и хорошее в жизни. И немало.

Вернуться бы в прошлое лет эдак… На сколько? На пятнадцать? Тридцать три минус пятнадцать получается восемнадцать. Ну да, уже на пятнадцать. Это год назад было на четырнадцать. Туда, назад. В мой заветный сон… Туда, где осталось все самое святое, лучшее, доброе, прекрасное. Единственное, что многие годы по-настоящему задевает душевные струны, что заставляет просыпаться со слезами на глазах. Это воспоминания про мои восемнадцать лет…

И дело не только в юном возрасте и не столько в самой студенческой жизни. Даже не в вечной дружбе, безграничном доверии друг к другу, открываемым истинам и безграничной жажде познания. И не в столь прекрасном щемящем чувстве первой любви, единственном настоящем рыцарском чувстве, неосквернённом похотливой страстью. И не в бесконечной восторженности первооткрывателя мира. И не в искреннем восторге провинциала, попавшего в столицу. А в чем? Во всем этом вместе? Пожалуй, но не только, есть еще нечто, что продолжает бередить тебе ночами душу…

Этот сон приходит ко мне с завидной, но непрогнозируемой периодичностью уже долгие годы. Очень реалистичный сон о прошлом. Мне восемнадцать лет, я учусь на первом курсе университета. Вокруг настоящие друзья, которые готовы ради меня на все. Безраздельно царит атмосфера дружбы, любви, познания истины, благородства, честности и порядочности. Мы

постигаем этот прекрасный, радужный мир, творим кумиров и живем открыто: без подлостей, интриг, предательства и прочих мерзостей «настоящих» продвинутых в сторону «успеха» взрослых личностей.

Только этот сон и позволяет вспомнить в жизненной бестолковой суете, что была у меня другая, абсолютно отличная от этой корыстной сутолоки счастливая жизнь. А слезы наворачиваются при каждом пробуждении именно оттого, что это качественное состояние души утрачено и утрачено навсегда. Его никогда не вернуть, никак…

Никогда уже в этой жизни ты, цинично-матерый волк, не сможешь радоваться тем незамысловатым вещам, которые искренне радовали тебя, юного идеалиста-студента. Никогда не будешь испытывать трепетного страха и сладкого томления перед свиданием с самой прекрасной девушкой на свете. Никогда больше не испытаешь того бесшабашного чувства локтя готового на все друга и не ощутишь неповторимый вкус купленного на последнюю мелочь мороженого.

То состояние души, присущее только романтике молодости, ушло и ушло безвозвратно. Навсегда. Оттого и просыпается широко известный, всеми любимый и вечно одинокий, дважды разведенный журналист со слезами умиления и бесконечной жалости к себе, грустя и грезя о безвозвратно ушедшем, потерянном навсегда мире.

Эх, действительно, вернуться бы в свои восемнадцать лет и прожить весь этот утыканный ошибками жизненный путь иначе… Совсем по другому. Свернуть, зная все последствия неверного шага, в спорный момент жизни в другую сторону и выпрямить эту причудливую неправильную кривую. Может от этого не только у тебя все б изменилось… Глядишь и жил бы в другой Украине. В настоящей, гордой, светлой и свободной стране.

Провел по подозрительно увлажнившимся векам тыльной стороной ладони. Никакая боль, ни физическая, ни душевная никогда не могла выдавить слез из этих глаз. Только этот ностальгический сон и связанные с ним воспоминания и размышления. Странное качество.

Медленно повернул голову в сторону виднеющихся в темноте многочисленными огнями высоченных, этажей эдак в сорок, башен-новостроек на левом берегу и от неожиданности вздрогнул всем телом. Пластмассовый стаканчик с очередной порцией в этот раз не выпитой водки покатился по парапету и едва не полетел в мутный поток реки. Сорокоградусная жидкость расплылась в причудливую лужицу.

Хорошо, что не бутылка с водкой, — автоматически

констатировал мозг, а рука рефлекторно подхватила опустевшую пластмассовую тару. Тело непроизвольно сместилось в сторону от стеклянного сосуда с драгоценным напитком, — если эта емкость разделит судьбу стакана, то вечер поэтически-пьяных раздумий можно будет считать законченным, до ближайшего магазина идти далеко.

Мысли прошли веером и в ту же секунду вылетели из головы. Все мое внимание было занято другим явлением. То, что я обнаружил рядом с собой, реальностью быть никак не могло. И тем не менее, я это видел.

— Это что за мультики? — риторически, но все же довольно громко поинтересовался я. Судя по всему, у себя же.

Дядя Грач

Рядом, не далее чем в двух метрах, на исковерканном временем ограждении моста сидел огромный грач. Черная птица внимательно изучала меня, склонив голову на бок. Ее глаза, две влажные черные бусинки, словно гипнотизируя, пристально смотрели мне прямо в лицо. Взгляд был осмыслен и пытлив. Было такое ощущение, что грач задал некий важный, философский вопрос и теперь терпеливо ждет ответ от собирающегося с мыслями собеседника.

Я зажмурил глаза, мысленно досчитал до пяти, тряхнул головой и снова размежил веки. Ровным счетом ничего не изменилось. Птица была на месте, она так же пристально и требовательно смотрела на меня, и наклон ее головы не изменился ни на градус. И тут я заметил в правой лапке палочку чертовски похожую на миниатюрную бамбуковую трость, а на блестящей антрацитовой грудке крошечный, но очень стильный галстук.

— Да, дела! — не зная, как оценить ни такое внимание, ни тем более такое явление, недолго думая, на автомате, добавил: — Присоединишься? Налить рюмаху? Граммов пятьдесят, а?

— Почему же так мало? Больше, что жалко? — если можно применить такое слово к птице, то грач усмехнулся.

Да, да, именно усмехнулся. Причем, довольно ехидно. Это дошло до меня быстрее чем то, что он произнес. Это сказал МНЕ ГРАЧ. Он мне СКАЗАЛ! Я что слетел с катушек? Парам-па-па-па-прам-па! Птица заговорила. Да. Доигрался. Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша…

— Что пора пить бросать? А, господин Высоцкий? — не давая мне опомниться, продолжил пернатый визави. — Ведь так обычно у вас, людей, говорят, когда начинают маленькие зеленые чертики вокруг шмыгать, белки по книжным полкам прыгать, птицы разговаривать…

— Нннннннет, не жаааааалко, — не совсем членораздельно замычал я, механическим движением наливая водку в стаканчик.

— Ладно, не буду смущать господина журналиста своим видом. Интрига посеяна и остается, а вот пить мне так несколько неудобно будет. Я все же гордая птица, не закапывать же сей благородный напиток по грамму в клюв, — проговорил грач и тут же начал быстро увеличиваться в размерах, в то же время размыто меняя форму.

Он, словно резиновая игрушка, в считанные секунды раздулся до размера среднего человека и перетек в форму

мужичонки лет пятидесяти самого обычного вида: потрепанный костюмчик черного цвета, несвежая белая рубашка с блестками, аляповатый трехцветный галстук, черные туфли на шнурках. В руках, теперь уже нормального размера бамбуковая трость. Волосы с проседью, расчесанные на пробор, лицо глумливое. Он сидел прямо передо мной на парапете и протягивал свободную от тросточки руку к стакану:

— Теперь можно. Я готов.

— Пожалуйста, — я, словно неисправный робот, шарнирно-механическим движением вложил пластмассовую тару ему в ладонь. Деревянно добавил: — Пейте на здоровье.

— Ваше здоровье, дорогой, многие лета, — тоном профессионального тамады пожелал он, вычертил в воздухе стаканчиком некую салютующую кривую и с видом заправского выпивохи опрокинул содержимое сосуда в рот. Причмокнул от удовольствия. — Красота! Поговорим?

— Попробуем, — протянул я и тупо уставился на новоявленного собутыльника. Мысли путались. Похоже, это был ступор. А грач, между тем, продолжал балагурить:

— Неловко без шляпы, непростительно, можно сказать. Не комильфо. Приношу свои извинения! Но в полете, сами понимаете, мешает. Да и теряется регулярно, — он протянул руку вверх и просто из воздуха взял серую шляпу с широкими полями. Стряхнул с нее несуществующие пылинки и аристократическим движением пристроил на седую голову. — Совсем другое дело. Джентльмену без шляпы никак нельзя. Ну-с, Сергей, по чем поют ваши душевные струны? Уж не по утраченным ли возможностям? Перед тем как ответить, подумайте, стоят ли они того?

— Да как тебе… Вам так просто объяснить… о чем эти… и вообще… душевные струны — дело серьезное, а утраченные возможности вообще не вернуть… наверное, — промямлил неуверенно я, совсем потерявшись. Грач в галстуке, при трости, с требовательным взглядом, затем он же юморной мужичок-собутыльник с философскими вопросами, материализовавшаяся из ничего шляпа… Бред какой-то. Что происходит с окружающими реалиями?

И тут мне подумалось, что я просто сплю, и все в ту же секунду стало на свои места. Яркие, необычайно динамичные сны не покидают меня с самого детства. Есть такое. Криминальные, романтические, мистические, фантастические. Разные. На любой вкус. Теперь вот грачик-мужичок на беседу прилетел. Пофилософствовать о бренности бытия. Почему бы и нет? Сейчас и я, смело оттолкнувшись от бетонной плиты моста, взмахну руками и сделаю широкий и плавный круг над водами великой

реки. Без проблем.

— Сон есть сон, в чем загвоздка? — пробормотал я себе под нос и даже сделал движение к парапету.

— Не вздумайте, — резко остановил меня седой. — Во всяком случае, не сейчас. Вы, Сергей, еще к этому просто не готовы. Всему свое время, — несколько мягче добавил он.

— Да? Не время, говорите? Очень интересно, — иронично протянул я, но попытку полететь, используя руки вместо крыльев, оставил. — А когда же оно наступит?

Похоже, я уже начал приходить в себя. Не сплю, так и не сплю. Происходящее уже не шокировало. Ну, почти не шокировало, так будет честнее. Говорящая птица в галстуке? При трости? Шляпа из воздуха? Желающий пообщаться дядя в костюме? Ради Бога. Почему бы и нет. Чему тут удивляться? Реальность так реальность. В этом мире все бывает. Просто не многим улыбается удача увидеть нечто подобное.

Поговорить этот некто хочет на отвлеченные темы? Или даже узкоспециальные? Запросто! К тому же под водку. Легко! С кем только не приходилось разговаривать во времена репортерской работы под это дело: со слесарями, ворами, ментами, проститутками (как в прямом, так и в переносном значении этого слова), большими начальниками, мелкими жуликами, гомосексуалистами, разведчиками, шпионами, депутатами (впрочем, про них уже выше было, смотри после ментов), юристами, экономистами, шулерами, кидалами и прочими, прочими, прочими… Теперь вот дядя Грач в собеседники напросился. Возражать не будем. Поговорим, почему не поговорить? Я дерзко и вопрошающе уставился на нежданного гостя.

— Время это обязательно наступит. И для левитации, и для многого другого, не менее занимательного. Впрочем, занимательного как для человека. Вас же, дорогой господин Высоцкий, на тот момент это ни удивлять, ни интересовать уже нисколько не будет, — снова усмехнулся он, в этот раз, вероятно, моему храброму взгляду. — Прошу поверить мне на слово.

— Верю, — бестактно, не задумываясь вставил я, пытаясь переварить услышанное: «Это значит, что человеком я тогда, когда наступит это время, уже не буду? Так следует трактовать его слова? Уж не мир ли загробной жизни хочет он мне показать?»

— Это хорошо. — Несколько по-птичьи кивнул собеседник. — Доверие между нами просто необходимо…

— Граничное и достаточное условие? — сам не зная зачем съязвил я. Видимо это было нервное.

— Можно и так сказать. Разрешите мне так, не совсем правильно, выразиться, — он продолжал улыбаться, причем, как мне показалось, уже без сарказма, по-доброму. — Из всех переломных моментов Вашей жизни, господин Высоцкий, этот самый переломный. Тавтологию простите?

— Прощу, отчего же не простить, — ответил я, все больше осваиваясь с нетривиальной ситуацией. Немного помолчав, показал глазами на бутылку, уже пустую на две трети. — Повторить?

— О, конечно. Какая птица не любит крепкие спиртные напитки? — дядя Грач (а именно так я его твердо окрестил про себя) сложил брови домиком и сделал приглашающий жест двумя руками сразу. — Наливайте.

Я неторопливо разлил остатки водки поровну, освободив второй, резервный стаканчик от сока, которым запивал каждые предыдущие порции и аккуратно поставил пустую пол-литровку на тротуар, демонстративно не бросив (что просилось само собой) ее в воду. Вот тебе, дядя, утрись, какие мы тут правильные и воспитанные. Потом отнесу в мусорный контейнер.

— Природу бережем? — тут же адекватно отреагировал он. Лицо его снова приняло ехидное выражение. Я скользнул по нему быстрым, подозрительным взглядом. Констатировал:

— Мысли читаем? — и насколько смог, сделал равнодушное лицо. Взял один стаканчик себе, второй придвинул дяде Грачу.

— Да уж. Это не так сложно, как вам, людям, кажется, — принимая свою порцию, отозвался тот.

— Все или по некоему принципу, избирательно? — вкрадчиво, загоняя его в одну из своих старых диалоговых ловушек, наработанных за долгие годы репортерской практики, поинтересовался я.

— По желанию. — Он, не чувствуя подвоха, пожал плечами. — Можно все подряд, можно только умные.

— А лицензия на это разве не нужна? — я скорчил сосредоточенно-серьезную физиономию и придал ей оттенок крайней степени озабоченности.

Он на мгновение смешался:

— Хм. Да вроде бы нет. Никогда не слышал. Может нововведение какое-то появилось… — пробормотал он озадаченно и посмотрел на мое фальшиво-требовательное лицо. Тут же громко и искренне рассмеялся — дошло. — Купил. Молодец.

— За что выпьем? — я расслабил мышцы на лице и озорно ему подмигнул. — Идеи есть? Я-то пока считывать на расстоянии чужие файлы не умею. Так что давайте, пожалуйста, вслух все

свои невысказанные мысли.

— Что ж, неплохо для начала. — Просмеявшись, дядя Грач откашлялся. — Может за них тогда и выпьем?

— За мысли?

— Ну не за лицензию же!

— Идет, — согласился я и поднял стаканчик.

Мы, соприкоснувшись пластмассовыми краями наших сосудов, выпили. Ни дать ни взять — старые приятели, весело хохмя и подкалывая друг друга, радостно киряют за спонтанную, но в тоже время, долгожданную встречу. Сейчас по типовому сценарию такого праздника-экспромта должен начаться торопливый обмен последними сплетнями-новостями…

— Итак, вернемся к Вашим невеселым или даже, прямо скажем, пессимистическим мыслям, — снова усмехнулся, в этот раз нейтрально собеседник и аккуратно надел стаканчик на горлышко бутылки. Я незамедлительно последовал его примеру, пристроив свой сверху, и автоматически, по привычке парировал:

— Пессимист — это очень хорошо информированный оптимист! Ни больше ни меньше.

— Не возражаю, с очевидными вещами спорить вообще глупо, — легко согласился дядя Грач, — и все же, по сути: хочется все вернуть назад, переиграть в лучшую сторону все спорные события, исправить ошибки…

— Переписать черновик набело? — не особо уверенно попробовал пошутить я. Прислушался к себе и понял: делать это не стоит. Время, отпущенное на зубоскальство, уже прошло.

— Можно и так сказать, — правильно понял мое состояние визави. — Но если обобщить, то есть у Сергея Высоцкого благородное желание, или даже потребность сделать этот безумный суетный мир людей чище, светлей, добрей и правильней? Так?

— Примерно. Благородное не благородное — жонглировать словами не будем, помпезность здесь неуместна, но желание есть. И довольно сильное, — я перестал комплексовать окончательно. В конце концов, уговорил я себя, что тут такого? Ну, грач — человек. Ну материализовался из ниоткуда. Ну мысли читает. Ну шляпу из воздуха берет. Что из всего этого? Предложить нечто хочет. Послушаем. Наверняка, уже понятно, это нечто не банальное будет. Вслух добавил: — Есть возможность помочь?

— А то как же! Безусловно. Все в наших руках, — он сделал значимое лицо. — Только вот вопрос: чего Вам, Сергей, с эпохальной фамилией Высоцкий, больше хочется: изменить свою судьбу или все же есть желание спасти эту страну?

— А это еще возможно? — мое удивление было искренним на

сто процентов, без малейшей фальши и наигрыша. Часть вопроса, касательно своей персоны я как-то пропустил мимо ушей, зато вторая половина, касательно будущего моего любимого и многострадального государства, заняла мысли целиком. — По-моему, это уже просто нереально. Во всяком случае, не в этот раз, не в этом веке. Поздно. Его конец, на мой взгляд, дело времени. Разве не так?

— Да уж, вопросик не из простых. На засыпку, — неопределенно и озабоченно пробормотал дядя Грач и, вероятно, потеряв от переполняющих его чувств контроль над собой, совсем по-птичьи дернул головой. — Простите, — заметив мой ироничный взгляд, приосанился и зафиксировал голову, гордо подняв и выставив вперед подбородок. — Попробовать стоит. Иначе какой у нас, вообще, может быть предмет разговора…

— Попробовать? А мы здесь, по-твоему, чем занимались последние годы? Уж так напробовались! Ты посмотри, что здесь происходит! Во что превратилось общество! До чего докатилась эта страна! Моя страна! Докатили, деятели, чтоб их! Не видишь? — я от волнения по поводу наболевшего не заметил, как перешел на «ты». Прорвало.

— ???

— Оглянись кругом! Посмотри внимательно! Смутное, откровенно нехорошее, неправильное время переживаем. Ох, какое непростое время! Мерзавцы и подлецы с мелко торгашеской философией и таким же узким, корыстным кругозором потребителя прорвались грязной пеной на волне событий 2004 года к власти и, как следствие, получили полный доступ к ресурсам страны. И что получилось? Правильно! Теперь они грызут друг другу глотки за лучший, жирный кусок под однотипными лозунгами об импортированных издалека демократических ценностях.

А в общем, кроят под себя все и вся. Передел за переделом! Кто куда только может дотянуться. Ротация власти только усугубляет процесс повсеместного рвачества. Действия временщика не определяются долгосрочной целесообразностью, а уж тем более интересами государства. Он ориентируется только на срок полученной власти. А осознание временного характера власти возводит хищничество в квадрат. Регулярная же смена власти гарантирует развал страны!

Ведь что у нас сейчас происходит? Все живут как последний день — захапать все и немедленно, сегодня, потому что неизвестно, кто завтра займет твое, честно купленное кресло и где окажешься ты сам. Не до государства! Можно упустить момент и не успеть набить мошну! «Охраняющий сакуру питается

плодами с нее!» Истина старая. Но у нас она уже достигла апогея. Никто не ждет урожая, срезают сразу — еще побеги. Вот такая печальная картина. И что самое плохое: делают они деньги, не брезгуя ничем. Совершенно. Не обременяя себя никакими правилами. Без стеснения и элементарных мук совести.

Перечислять можно бесконечно: на банкротствах государственных предприятий, спекуляциях, рэйдерстве, контрабанде, наркотиках, медикаментах, монопольных сговорах, коррупционных схемах, контрафактной продукции, нечистоплотных аферах с валютой, недвижимостью, ценными бумагами. И прочем, прочем, прочем. Всего не упомнить. Политические элиты сегодняшнего дня! Их сейчас много развелось…

Объединяет их только одно — все нагибают свой народ, где только могут. Ежедневно изобретают все новые изящные механизмы отбора последних денег у тех самых несчастных людей, которые за неимением альтернативы регулярно ходят к избирательным урнам и голосуют за столь разноцветных и непохожих друг на друга внешне, но совершенно одинаковых по сути деятелей.

Создают капиталы на чем угодно, кроме созидания! Не хотят, да и не умеют, вероятно, ничего полезного делать. Приучены только отнимать и делить. Так ведь проще. Созидание требует ума, терпения, трудолюбия, внутренней силы и благородства. Грабить куда проще.

Например. Стал ночью под мост. Ударил хорошо одетого пьяного гражданина обрезком трубы по голове, из кармана вытащил бумажник, снял часы и дорогую куртку. Гуляй, рванина. Не надо месяц на стройке вкалывать. Правда есть риск. Объективный. Поймают, посадят. Стремно! Поэтому-то не все выходят на ночные улицы гоп-стопом заниматься, некоторые так и продолжают свою опостылевшую работу посещать.

А вот у сегодняшнего украинского чиновника такого риска фактически нет. Закон криминальной стаи: все схвачено, везде прихвачено, за все уплачено. Круговая порука. Хотя принцип его деяний тот же, что и в случае с уличным грабителем. Масштаб только иной. Совсем другой. Несоизмеримый!

Обанкротил такой деятель завод. Затем купил его на подставных лиц за копейки. Работников тут же разогнал. Оборудование распилил и продал на металлолом. Ликвидные здания, землю распродал. Получил живые и очень немаленькие деньги. Поделился с нужными людьми и все! Гуляй, на этот раз не рванина, а господин буржуа! Солидный, уважаемый член общества!

Вот так вот! И хоть трава не расти! Использование административного ресурса дает возможность зарабатывать по такой и сотням иных похожих схем, не рискуя практически ничем. Украл кошелек — вор, украл завод — финансист! Мозг торгаша так и устроен. Он не видит завтра: умеет решать только сегодня на сегодня. Стратегическое мышление отсутствует напрочь. Основная движущая сила — сиюминутная прибыль.

И что самое страшное, именно они сегодня и стоят у штурвала нашего тонущего корабля. Они не понимают, что не надо, когда судно идет ко дну, спорить о цвете флага, покраске бортов, смене парусов, курсе движения, а тем паче делить, истошно вопя, муку, тушенку и крупу на камбузе. Нужно латать пробоины и делать все, чтобы удержаться на плаву.

Им просто не дано видеть интересы государства за своими гешефтами и законспирированными интриганскими комбинациями. Таковы наши правители. Иных сегодняшняя система власти просто отторгает. Там признаются своими только те, кто умеет громко лицемерить о безграничной любви к своему народу, общечеловеческих ценностях, светлом пути в радужное будущее и в тоже время без колебаний подписывать документы о постройке в родных городах ядерных могильников, особо вредных производств, химических свалок.

Особым почетом и уважением пользуются умельцы создавать из своих кресел трубы по бесперебойной выкачке денег и распределению дивидендов согласно иерархической лестнице среди близстоящих единомышленников. Круговая порука сплотила их ряды. Закалила и проверила временем. Посадить в рамках закона сегодня можно каждого. Есть скелеты в шкафу у всех без исключения, но система правосудия обслуживает, опять же, только их. Тех, кто у власти и у денежного корыта финансовых потоков. Да и как? Как всех и одновременно привлечь? И кто у нас на такое способен…

— Коммерческий подход убивает некоммерческие институты. Это факт. У экономики есть свои законы. На рынке выживает тот, чья продукция приносит больше выгоды. Априори. А толкать человека вниз всегда выгодней, чем тянуть вверх. Такая экономика, нацеленная не на благо страны, а ориентированная на голую прибыль, превращается в пылесос, высасывающий из общества все соки. Отсюда и до гибели государства два шага. В этом ты недалек от истины, — пока я набирал в грудь воздуха и переводил дыхание, вкрадчиво вставил, крайне внимательно слушающий мой затянувшийся монолог дядя Грач. — А вот насчет сегодняшних украинских политиков, управленцев и прочих, отвечающих за страну людей при реальной власти:

неужели они действительно вот так вот все… — он задумался, пытаясь подобрать слово. Видимо в своем словарном запасе в рамках нормативной лексики ему определение найти не удалось, поэтому он переиначил вопрос. — Такие, как ты описал?

— Бесспорно, есть и иные: нормальные, честные, порядочные, — кивнул с готовностью и пониманием я, — но их у руля власти практически нет. Прорваться с такими качествами наверх крайне сложно. А если и получается у некоторых подняться по лесенке и не растерять по дороге свой внутренний мир, то там им бедным приходится постоянно вертеться между двух огней. Законами, по которым существует система, и своей внутренней моралью. А это бой нешуточный, смертельный, можно сказать. На уничтожение одного из двух названных факторов. У большинства честность и порядочность уже безоговорочно капитулировала перед объективными реалиями суровых законов существования сегодняшнего украинского общества. Нельзя валяться в грязи и быть чистым! Не получится. Во всяком случае, дано единицам, только избранным.

— М-да! Двум богам служить нельзя, — глубокомысленно протянул собеседник. — Люди всегда, во все времена выполняют правила, которые диктует система. Поменяй систему — изменятся люди. Кто определяет правила игры, тот и руководит поведением игроков.

— Вот-вот, и я о том же! А правила у нас в государстве диктует политическая элита нашего общества. Так называемая… Она же, как это ни печально, задает стандарты поведения. И что мы имеем в результате? Выставляемая повсеместно напоказ аморальность стала символом веры. Во всех институциях, во всех ветвях власти. Хамство стало основным моральным принципом нашей эпохи. Иначе говоря, хамство стало кратчайшим путем к власти и, как следствие, к материальным благам. Стань скотом, влейся в одну из клик, паразитирующих на истекающем кровью теле народа, и ты будешь преуспевающим, известным и уважаемым человеком. Кричи громко и правильно, а темы решай быстро и выгодно. Таковы системы координат в мире наших духовных, точнее сказать, бездуховных ценностей. Это ставит нормальных людей в тупик, бьет наповал. Народ живет в состоянии шока, ничего не понимая. Подлинные документы о хищениях и коррупции власть имущих публикуются в средствах массовой информации, «подвиги» крупных деятелей даже издаются отдельными книгами — абсолютно без всяких последствий. В ответ только глумливый издевательский смех. Эта наглость и есть мощнейший инструмент воздействия на сознание. Все смешалось. Что есть добро? Что есть зло? Где варварство? Где

цивилизация? Куда идти? Бескорыстный патриотизм, не дающий карьерного роста и сиюминутного материального результата, уже считается идиотизмом. Молодежь воспринимает этот ужас за норму поведения, собирается дружно строить общество потребления и путает прагматизм с патриотизмом…

— Смешно, конечно, бороться за все хорошее против всего плохого, не разобравшись прежде, что же собственно сегодня в Украине понимается под плохим и что под хорошим, — усмехнулся дядя Грач и озабоченно посмотрел по сторонам, словно что-то потерял.

— Именно, — с жаром подхватил я. — Куда мы должны вести подрастающее поколение? Как консолидировать этот народ? Ведь нам досталось в наследство очень непростое… Мы… Нам…

Я потерял мысль и сбился, потому что мой собутыльник не найдя того, что искал вокруг, взял полную бутылку просто из воздуха, как в прошлый раз свою шляпу. Ловко шлепнув ладонью по донышку, вышиб пробку и одним движением разлил водку в материализовавшиеся в другой руке хрустальные рюмки средних размеров с причудливыми узорами:

— Я, конечно, не ханжа, но пить из пластмассы как-то… Вы меня, Сергей, простите. Так, на мой взгляд, будет, как минимум, не хуже. Хотя если будете настаивать… — он повел взглядом в сторону купленных мною в круглосуточном магазине стаканчиков.

— Нет. Не имею ничего против, — появление бутылки и рюмок меня уже особо не удивило, но напомнило всю неразъясненность текущего момента, — сервис что надо. Я в восхищении. Однако, мы увлеклись болезненной для меня темой. Она бесконечна. Отложим на время. Вы собственно кто? — снова перешел на «Вы». — Фокусник?

— Я-то? — он протянул мне рюмку. Скривил губы, закатил глаза, изображая озадаченность и размышления. — Нет, не фокусник. Скорее путешественник. Да, пожалуй, путешественник. Подойдет такой ответ?

— Водка подойдет, — выпив холодный сорокаградусный напиток отменного качества, ответил я и, прищурив глаз, смерил собеседника оком. Он приосанился и даже поправил галстук. — Не скажешь?

— Во всяком случае, не сейчас, — дядя Грач задумался. — А потом и спрашивать не станешь, сам все поймешь.

— «Я часть той силы, что вечно хочет зла и постоянно совершает благо?» — иронично продекламировал я. — Пока путешественник? Что ж, пусть будет путешественник.

— Пусть будет путешественник, — повторил дядя Грач,

придал лицу нейтральное выражение и опустил плечи.

— А путь держим: оттуда, — я махнул рукой с пустой рюмкой в одну сторону и сразу же в другую, — туда.

— Если сильно упрощенно, то можно сказать и так.

— Ладно, пропустим. Что там насчет прощенной тавтологии о переломных моментах в моей жизни? «О самом переломном» — кажется, Вы так выразились. Как-то мы отвлеклись от этой темы. А мне, понятно, интересно, — решил напомнить я начало нашего разговора.

— Ты тут рассказывал о книге, которую хотел написать. «После революции, в среду». Идея очень интересная, хорошая. И вещь получилась бы у тебя достойная, но…

— Ничего я Вам не говорил, — дошло до меня.

— Ну не говорил. Думал. Какая разница? — он передернул плечами. — Не суть важно. Так вот книгой, Сергей, даже такой, тут не поможешь. Действительно, время простых решений упущено, уже поздно.

— А чем поможешь? — грубее, чем следовало, сбитый с толку, спросил я. Когда я размышлял о книге, его здесь точно не было: ни тушкой, ни чучелом, ни грачом, ни дядей. И мягче, сглаживая бестактность, поинтересовался. — Вам известно?

— Известно, не известно… Не об этом сейчас речь. Делать надо, — туманно ответил дядя Грач.

— Да уж, делать надо. Кто-то спорил бы, я не буду, — саркастически проговорил я. — Только вот что?

— Искать причину. Для начала. Ты ведь хочешь понять, почему у тебя в стране так все набекрень? Хочешь?

— Еще как!

— Вот. А когда ты поймешь причину, то дальше уже… — он сделал неопределенный жест руками.

— Это значит, что тебе она известна и сейчас? — я снова перешел на «ты», ориентируясь на тон собеседника.

— Мне да.

— Так почему ты ее просто не расскажешь?

— Нельзя так. — Дядя Грач отрицательно мотнул головой. — Это не по правилам. Да и пользы эти знания не принесут. Сам должен до всего дойти. Только в этом случае может получиться толк.

— Почему?

— Объясняю. Вот смотри, — с видом профессионального лектора начал он. — Кого мы имеем? Разуверившегося в жизни журналиста. Неплохого, в общем-то, честного, порядочного парня, с определенным багажом жизненного опыта, полученного в эпоху постоянных перемен. Без личной жизни и определенных

пожеланий, кроме туманного мечтания сделать всем хорошо. Который, к тому же, страдает глобализмом и вследствие этого всегда на первое место ставит общество, а затем уже думает о себе. Так?

— Ну, если не вдаваться в детали, то да, примерно так, — смутился я, уж больно точно всего несколькими ленивыми мазками отобразил мою сущность мистический собеседник.

— И тут являюсь я, — он ткнул закругленным концом трости себе в грудь, сбив галстук на бок, — и рассказываю тебе в одночасье ответы на все волнующие вопросы. То есть, ты получаешь в один момент именно то, что ищешь всю свою жизнь. А это…

— И что же здесь плохого? — продолжал делать вид, что не понимаю о чем речь, я, совершенно упустив из виду, что дядя Грач легко читает чужие мысли. — Можно столько времени сэкономить.

— Сам подумай. Знания они ведь не иллюзорны, скорее материальны. Их надо выстрадать, только тогда от них будет польза. Только в этом случае они превратятся в остро заточенный инструмент для… Впрочем, — он пристально посмотрел на меня, — ты и так уже все понял.

— Да, ясно, ясно, — деланно тяжело вздохнул я. — Хотелось ведь так, по мановению волшебной палочки: раз и готово!

— Это национальное. Хотите все нашару! Волшебная палочка, сапоги-скороходы, шапка-невидимка, — он начал перечислять, загибая пальцы, — скатерть-самобранка, печка-такси, ковер-аэротакси, в одно ухо влез нищим, в другое вылез по уши упакованным, яблоко схряцал и вечно дуплящийся молодой фуцан…

— Обороты речи у тебя, однако, дядя, — подковырнул я. — Ни дать ни взять: базар-вокзал.

— Адаптация к местным условиям. Для понимания. Колорит. Злоба дня, так сказать, — легко парировал дядя Грач и добавил, как я оценил, ключевую фразу. — Не я вашу жизнь сделал такой, не мне и порядки здесь наводить…

— А кому? Мне!?! — немного помолчав, скорее констатировал, чем спросил я. — Верно понимаю?

— Сам хотел, — снова дернул по-птичьи головой он. — Но дело это, думаю, ты и сам понимаешь, небезопасное. Если…

— А, ладно пугать, — отмахнулся я, прекрасно понимая, что чем бы ни грозила мне договоренность с этим некто или этим нечто, упускать такой шанс я не имею никакого права.

— Ну, смотри. Пугать не буду. К тому же, это не входит в мои функциональные обязанности. — Не стал продолжать дядя

Грач. — Это твоя жизнь, и кроме тебя никто не вправе ею распоряжаться. Готов?

— Да. Нет проблем, — кивнул я, лихорадочно соображая, а не стоило ли все же узнать, какой урон может быть нанесен моему здоровью и жизни от несовсем понятной сделки. Оказалось, что мои размышления уже запоздали.

— Тогда приступим. Сначала что-нибудь простенькое и в тоже время поучительное. Для вхождения во вкус, так сказать. Первый раз он и есть первый. А я здесь пока постою, подымлю. Это ненадолго. — Он вытащил толстую сигару, сорвал обертку. — Ты там не задерживайся, здесь настоящей работы хватает, — аккуратно отрезал кончик золотой гильотинкой и, хитро усмехнувшись, добавил: — Хотя с другой стороны, если понравится, можешь особо не торопиться.

Поднес к сигаре, которую определил в угол рта, золотую зажигалку, инкрустированную алыми рубинами. Клацнул… и мне в глаза ударил ослепительно яркий поток не то огня, не то света. Веки, рефлекторно спасая глаза, закрылись…

Когда я их открыл, то передо мной предстала полностью обнаженная мокрая женщина, старательно вытирающая тело огромным махровым полотенцем. Но самое странное было то, что я видел ее в местами запотевшем, висящем на стене прямоугольном зеркале во весь рост. Больше в ванной комнате средних размеров никого не было. Я даже как-то не сразу нашелся… Озарение было внезапным:

ЭТО ЧТО… Я?

«Смертельное убийство»

Женщина была бальзаковского возраста, лет тридцати — сорока, точнее определить я не мог, да и не пытался. Была она небольшого роста, имела худощавое тело, небольшие невыразительные груди и совершенно бесцветно-блеклое (видимо, так выглядит большинство женщин без косметики) лицо. Длинные волосы темно-русого цвета со следами краски, делавшей ее когда-то стопроцентной блондинкой, плоский живот, относительно стройные ноги и ягодицы без признаков излишнего жира дополняли увиденную мной картину.

Она совершала ежедневный ритуал приведения тела в норму, стоя перед зеркалом, напевала фривольную песенку и размышляла. Мимоходом я отметил, что было нечто болезненно знакомое в суетной сосредоточенности ее движений и тут же, не акцентируя на этой мысли внимание, перешел к основному вопросу.

Попытался понять: где я нахожусь? Еще точнее: что есть я? Так, наверное, правильней? Или это два отдельных вопроса? И на них разные ответы? Я смотрел на женщину в зеркало прямо из нее, находясь где-то внутри. Через меня беспрепятственно проходили мысли сей особы, я чувствовал, как махровое полотенце освобождает кожу от воды, даже ощущал ссадину на правой лодыжке (подсознание тут же с готовностью подсказало, что это от удара о кухонный табурет при приготовлении сегодняшнего утреннего кофе). Таким образом, я есть эта женщина? Или нет, и я просто где-то в ней? Сам по себе? Или… как? Будем разбираться.

Для начала сосредоточился на мыслях человека женского пола, в тело коего волею своего собутыльника был определен. Может тут-то как раз некая подсказка и отыщется.

Достаточно было вникнуть в первые силлогизмы ее размышлений, чтоб понять, в чьем теле я оказался. Теперь ясно, почему эти характерные телодвижения показались мне до боли знакомыми. Еще бы! Вот как ты, оказывается, выглядишь без своей боевой раскраски и расфуфыренных нарядов! Даже захотелось присвистнуть от удивления: ай да дядя! Ай да грачик! Приколист! Куда меня загнал! Теперь понятна его ехидная ухмылка…

Мысли, мною услышанные, или нет, скорее возникшие как-то в окружающем пространстве, дали четкий и однозначный ответ касательно личности идентифицируемого объекта. Выглядели они примерно так:

«Название произведения и обложка — это два основных критерия оценки новой книги на сегодняшний день. Именно по стреляющему названию и яркой картинке потребитель оценивает достоинства книги. Тексты без этих атрибутов читателями почему-то восприниматься не хотят. Не интересно им. Самое важное это, конечно, бренд автора, но он уж какой есть, такой есть. Его раскрутка — отдельная тема, длинная и непростая. Не о ней сегодня речь.

Картинкой пусть занимается дизайнер, нечего голову себе забивать, это его хлеб, он прекрасно знает, сколько надо кинжалов, пистолетов, капель крови и женских голых задниц изобразить на обложке. Мое же дело — изобрести название следующему произведению. Оно должно быть забойное: простое, сухое и короткое. Как выстрел. Чтоб запоминалось с одного прочтения.

Примерно так: «Гуляющий труп». Хорошо. Красиво. Непритязательно. Он вышел и сразу — труп. Погулял красавчик… Вот еще лучше: «Труп, идущий по кругу». Пошел в качестве трупа по окружности главный герой. Загадочно и в то же время довольно интригующе. Читателям обязательно понравится. Так, запомним. Другие варианты. Думай, думай, думай.

Надо еще добавлять нечто интригующее с половыми признаками. Потребителю такой товар нравится. Так, так, так… А ну если такой ход: «Жена моего любимого трупа». Как? Нет. Ерунда. Супруга с сексом обычно ни у кого не ассоциируется. Хотя труп ведь любимый у меня, а не у жены. Только вот… Труп, труп, труп. Не комильфо. Нужно нечто иное. Труп в названиях уже приелся. Мммммммм.

Почему «труп»? Нужен синоним. Дохляк, мертвец, падаль, жмурик, тухлое мясо, тело, в конце концов… «Мертвец из бандероли». Звучит совсем неплохо. А что? Ничего. И все же как-то не совсем так. Хотя был же у этой «Крыжовник в сливках». И неплохо продавался. У нее, суки, все неплохо продается. Еще б! Столько бабок в раскрутку этой паскуды вложили. А в меня, козлы жлобливые… Нет, надо остановиться. Так. Отбросим. Забудем. Вернемся к теме. Все не то! Не подходит. Не надо. Не хочу. Не буду. Мммммммммммм. Уууууууууу.

Есть же простое литературное слово: покойник. Вот! Не труп, а покойник, именно, покойник. Гуляющий по… по чем-то там… меридиану, параллели (парапету, крыше, перилам, мосту) гуляющий покойник. По чем он вообще гуляющий? Да, не по чем! Не надо ему перемещаться в пространстве. Просто: «Мой любимый покойник». Или не мой, а… покойник моей, например, дочери или племянницы. Любимый. «Любимый покойник моей

дочери». Хорошо… Но… это, это уже у меня было… Что-то похожее. Или не у меня. Ну его, этого беспокойного покойника. У всех: как не труп, так покойник!

Вернусь, наверное, к своему любимому названию: «Смертельное убийство». Изящно. Красиво. Гениально. Просто и эффектно, двойное указание на одно и то же действие… А то, что оно главному редактору не нравится, мол четкая глупость в названии усматривается: убийство не может быть не смертельным, так это ничего, его проблемы. А наш пипл схавает. Умных людей в стране все меньше. Кто там будет вдумываться и искать какой-то смысл, кроме того, который я им даю в сюжетной линии. Главное — как красиво звучит: «Смертельное убийство». Не название, а конфетка! Шедевр!»

Из этих подслушанных размышлений литератора женского пола следовал единственно правильный вывод, что тело, в которое я попал, принадлежит широко известному в узких кругах сокращающегося с каждым годом читающего населения нашей страны автору книг в жанре ироничного детектива Тане Шарафутдиновой, которая издается под аляповатым псевдонимом Лесли Счастливой.

С этой писательницей мы были знакомы уже много лет. Правда, только заочно. Пересекаться вживую не приходилось, хотя в возможностях недостатка не наблюдалось. Личного общения между нами не было в основном по моему желанию, вернее, по полному отсутствию такового. Побаивался я не сдержаться и обидеть ненароком в диалоге сию «профессионалку пера» (виртуоза ротационных машин), равно как и ее ироничные детективы. Поэтому, как воспитанный человек, предпочитал не рисковать.

Да уж, интересное решение принял дядя Грач по первому опыту моего перемещения. Чем, интересно, руководствовался, отправляя именно в это тело? Это «жжжж» явно неспроста, как метко высказался общеизвестный мультяшный персонаж. Что-то он этим хотел мне донести. Осталось ни много ни мало: понять, что именно.

А вот интересно, могу ли я как-то влиять на свою… свою… кого? Оболочку что ли? Пусть так. Оболочку, так оболочку. Не время слова подбирать. Миндальничать некогда да и не перед кем. Вот если я сейчас прикажу Счастливой — Шарафутдиновой, например… Ха-ха-ха… Да, точно! Отправляю посыл: стать немедленно во фривольно-сексуальную позу перед зеркалом.

Лесли — Татьяна, не сбиваясь с хода своих изощренных литературных мыслей, повернулась к зеркалу, мягко говоря, спиной, изящно прогнулась, полуприсела, поводила пятой точкой,

словно наводя несуществующий прицел на невидимую мишень и начала внимательно рассматривать красное пятнышко на левой ягодице. Ух ты! Ай да…

Повосхищаться своими внезапно обретенными фантастическими способностями я не успел. Изображение зарябило, заерзало, заскакало. Тут же почувствовал нечто похожее на головокружение, раздражающе сковывающую боль и тошноту. Это, похоже, была расплата за легкомысленную команду. Понятно, понятно, безнаказанно такие номера выбрасывать мне нельзя. Не буду! Обещаю! Отпускай, давай! Ух ты, как дерьмово-то. Свет померк окончательно. Я оказался никем в нигде. Ощущения, честно говоря, довольно паскудные. Если б только плохое самочувствие, так еще и полная дезориентация, нет привязки ни к пространству, ни к объекту, ни ко времени. Вообще ни к чему. Темнота и боль. Через несколько минут, как мне показалось, десять-пятнадцать, состояние нормализовалось. Какой отрезок времени реально длилось это наказание, узнать я, естественно, не мог. Да и ладно. Закончилось и закончилось. Фу, слава Богу!

Между тем, пока я постигал первые правила поведения нового качественного состояния, хозяйка закончила водные процедуры, накинула двусторонний красно-черный китайский халат с широченными рукавами, засела за лэптоп и, переполненная гениальностью нового замысла, барабанила, не щадя дорогой маникюр, пальчиками-ногтиками по клавиатуре. Выглядело начало «Смертельного убийства» — часть сорок три дробь восемнадцать, адресованное всем поклонникам жанра ироничного детектива, так:

Мы со старыми друзьями сидели в моем любимом заведении быстрого питания «Вай». По моему приглашению, разумеется. Вернее, встречу назначили они, а место уже выбрала я. Здесь всегда были свежие булочки, прохладительные напитки с кубиками льда приятной трапецевидной формы и мой любимый кофе в пластмассовых стаканчиках с удобными ручками на два пальца. И это не говоря о картофеле фри и широком ассортименте иных блюд молниеносного приготовления, а также постоянно имеющемся в наличии мороженом двух сортов. Сочетание цены и качества в этом заведении было просто изумительным. Я всегда стараюсь при удобном случае забежать и перекусить в «Вай». «Вай» — это быстро, вкусно, удобно и качественно! Вечные ценности! Да еще и недорого!

Я наслаждалась своим любимым горячим напитком из дивных кофейных зерен фирмы «Дзи-Три» перемолотых в

растворимый порошок, и щедро здобренным сахаром с едва ощутимым флерным привкусом пенопропилена, который давала одноразовая тара узкоглазого производства. А мои друзья как-то вяло, без энтузиазма, жевали фирменные горячие бутерброды.

— Неужели вы не испытываете удовольствия? — ревниво поинтересовалась я, пристально всматриваясь в их постные мины. — Ведь все ингредиенты вашей еды произведены далеко отсюда и прошли все необходимые экспертизы на нашей таможне! Это уровень!

— Ты, Маша, никак не можешь лишиться детской восторженности, — первым на мой выпад отозвался мой любимый Борюся, большой милицейский начальник — капитан уголовного розыска Борис Федорович Кушнерук. — Тебе рассказать о работе нашей таможни? И с чего ты взяла, что там кто-то проводит экспертизу?

— Расскажи, конечно, все обязательно расскажи! — тут же загорелась я. — Мне все это так интересно!

— Да, Маша, булочки здесь действительно прекрасные, просто восхитительные, только понимаешь, дело у нас очень серьезное, не до плотских услад нам, — поддержала меня в кулинарном деле Рая Закревская, старший следователь прокуратуры, славившаяся, кроме логики и аналитического склада мышления, еще и неприсущим обычно людям в погонах чувством такта. — Страшилками о работе нашей таможни Боря тебя как-нибудь в следующий раз развлечет. Не сегодня. Хорошо?

— Что тут, вообще, говорить? Они там давно все поголовно скучают по тюремной сырости, — буркнул под нос Кушнерук.

— Неужели я вам могу помочь? — искренне удивилась я, внутренне ликуя и боясь спугнуть удачу. — Я, которую вы все время обзываете всякими нехорошими словами и ревностно отгоняете от своих любимых уголовных дел с трупами. Я, богатая сумасбродка, получившая пять лет назад нежданное и неприлично большое наследство, могу быть полезной нашим лучшим столичным гениям сыска? Что я говорю: «столичным»? Первым волкодавам всей страны! И я? Как-то даже не верится вот так сразу. Дайте несколько минут отдышаться, опомниться от такого известия. Или я ошиблась и понадобилась по старому профилю, как преподаватель?

— Старые времена вспоминать не будем, увольте от такого счастья, — мрачнея, отозвался Боря.

— Ну, почему же? — звонко рассмеялась Закревская, показывая всем окружающим свои крепко прокуренные зубы. — А как же сентиментально-радужные ностальгические воспоминания друзей юности?

Я присоединилась к Раечке, предусмотрительно прикрыв рукой рот, памятуя о том, что тоже курю очень много.

Дело было давно, когда все мы были молоды, бедны, задорны и полны оптимизма. В то радостное время я, совсем зеленая выпускница университета, преподавала в высшей школе милиции географию. Все студенты-курсанты были моими ровесниками. А Кушнерук и Закревская, правда по совершенно разным причинам, были моими любимыми учениками.

Борюся все время путал между собой столицы и страны. Для него что Лондон, что Сербия было все едино. Разницы не видел никакой. Испания, Париж, Аргентина, Токио, Иран, Амстердам… Один хрен! Логика его мысли по этому поводу была проста, как железобетонный столб. Ну, есть что-то такое там, далеко, за границей. Да, слышал. И что из этого? Учить все это? Забивать голову всякой мурой, абсолютно ненужной для будущей работы? Задарма расходовать свое серое вещество? Нет уж! Кушнерук не дурак, он будущий гений сыска!

На карте Борюся позорно не мог найти Антарктиду и принципиально не признавал ее отличия от Антарктики. Лед и лед, какая разница, где он находится? Не на соседней улице и слава Богу. Откуда текли и куда впадали какие реки, его не интересовало принципиально. Из моря вытекает или в море впадает? Кому это надо? Я не собираюсь плыть по течению! Океаны он не отличал друг от друга и считал их единым целым. Называл все вместе «Мировой водой». Его любимая фраза по поводу отсутствия даже начальных знаний по моему предмету звучала как-то типа «И этим я горжусь!»

Закревская же, напротив, прекрасно ориентировалась в этих вопросах: четко и не мешкая отвечала, что столица Франции — Париж, России — Москва, а Англии — Лондон. Отличала Бельгию от Бенилюкса, твердо знала, что материков то ли пять, то ли шесть, а не семь или четыре. Не путала параллели с меридианами, никогда не забывала, чем отличается континент от острова и даже полуострова, а канал от пролива и залива. В общем, она была умницей и отличницей.

Вдоволь насмеявшись над прошлым, мы начали напару дразнить капитана его увлечением дня сегодняшнего.

— Вы слышали? Вчера вышел новый диск твоего любимого Гамилко, — проникновенно понизив голос до степени полной нелегальности, сообщила Раечка. — Очуметь — не встать. Вот это песни! Бездна таланта! Я как послушала, так прямо загорелась вся! Решено: буду создавать фанклуб его имени!

— Да не его, а ее, — подлила масла в огонь я. — Это невообразимо! Сколько уменья, интеллекта, эрудиции.

Потрясающе!

— Это только сценический образ. На самом деле это он. Или она… Он, она? Какая разница. У мегазвезды пол спрашивать не обязательно. Зачем обращать внимание на мелочи? — продолжала так же шепотом, для полноты эффекта, ехидничать Закревская.

— Это не главное, правильно. Важно совсем другое, — поддакнула я. — Там у него такая романтически возвышенная песня о любви к природе есть, видимо из приобретенного в небогатую студенческую юность личного опыта: «пойду в огород поем гусениц».

— Не гусениц, а червячков, и не в огород, а в сад, — не стерпел капитан и запальчиво возразил на этот выпад. Не давая открыть нам ртов, воодушевлено продолжил. — Вы не понимаете глубины его творчества. Темнота! Это же такой бешеный интеллектуальный потенциал. Такого таланта, как он, в мире не было со времен Битлз. Это же настоящее искусство! Причем, наше — национальное! Мы должны им гордиться! Все как один! А вам бы только хиханьки да хаханьки! Недавно в Москве какой грандиозный скандал с ним был, слышали?

— Нет! — Мы дружно отрицательно замотали головами. Я хотела вставить еще пару слов, но не тут-то было, Борюся говорил на одном дыхании:

— Вы совсем отстаете от творческой жизни. Напрочь! Деревня необразованная! Разве так можно? У него концерт был в одно время с Пугачевой. Так его выступление не состоялось. Вот так вот! Взяли и тупо, в наглую, под совершенно надуманным предлогом отменили!

— Это зачем? — не поняла Рая.

— Как это зачем? — удивился ее непонятливости Кушнерук. — Побоялись, и абсолютно обоснованно побоялись, что на концерт к Алле Борисовне никто не придет. Пролетит примадонна. А все зрители будут слушать его. Вот она силища таланта!

— М-да, — хмыкнула я и переглянулась с Раечкой. Та в ответ скорчила на лице гримаску скуки и страдания.

— Все, что он исполняет, взято из жизни, — не мог остановиться Борюся. — Из жизни простого народа! Из нашей жизни! Все! Вы отъедьте от столицы на пятьдесят километров. Отъедьте, отъедьте. Отъедьте и посмотрите! Там именно так, как он поет, все и обстоит. Люди так живут! Как вы не понимаете? Это же, это же…

На глазах нашего бравого капитана появились чувственные слезы, он трогательно высморкавшись в грязный носовой платок в

крупную красную клетку, путая слова, затянул вполголоса шлягер своего любимого певца о самогоне, сале и возвышенной деревенской любви на суровом фоне сельскохозяйственных будней.

Мы с Раечкой еще раз переглянулись, но усугублять не стали. Могли перегнуть палку, а это было бы явно лишним. Вообще, нельзя давить друзьям на болевые точки. Если для Борюси это дело святое, то и ладно. Это его выбор. Он уже совсем взрослый мальчик. Пусть сам решает, от чего в этой жизни ему хорошо и от чего плохо. После непродолжительного перемигивания с Раечкой, по обоюдной молчаливой договоренности тему закрыли.

— Так вот, Маша, давай по делу. Вернемся к началу. Мы тебя потревожили в связи с такими нетривиальными событиями… — решила таким образом разрядить атмосферу Рая и, опасливо поглядывая на глубоко растроганного колоритом национального творчества коллегу, начала излагать суть вопроса. — В семи километрах от Киева по одесской трассе, в коттеджном городке «Золотая усадьба» четыре дня назад был обнаружен труп, судя по всему, народного избранника Закарпатько. Он находился…

— Что значит «судя по всему»? — сразу уловила я подвох в рассказе Раечки. — Это как понимать?

— Видишь, — Закревская наградила Борюсика торжествующим взглядом, — я же говорила, что наша бывшая преподавательница исключительно проницательна. А ты не хотел обращаться к ней за помощью. Она и только она может оказать нам реальную помощь в этом запутанном деле.

Я почувствовала, как щеки мои покрываются румянцем от удовольствия: «А действительно, как я лихо подметила эту деталь в рассказе Раечки. Далеко не каждой дано быть такой сообразительной».

— Не так все было, — запротестовал капитан, прерывая пение и подключаясь к разговору с явным намерением перейти в исключительно деловое русло. — Я беспокоился о безопасности нашей Машеньки. Только и всего. Ни больше ни меньше. Риски-то немалые. А в ее дедуктивных талантах я никогда не сомневался…

— Ха, конечно! И это ты говоришь мне? — хмыкнула Раечка и набрала полные легкие воздуха, готовясь обрушить на Кушнерука поток своих, наверняка, как всегда, умных и оригинальных силлогизмов.

— Вспомни, как она в прошлом году распознала в маленькой девочке загримированного стодвадцатикилограммового уголовника-рецидивиста. И за что зацепилась? За бинт на безымянном пальце, под которым он прятал наколку «Смерть ментам!» — быстро проговорил Борюся. — Это же было

конгениально! Мы этого бандита, Хриплого, несколько лет искали! На нем клейма негде ставить. А она: раз и готово! Я тогда лично в главке благодарность и почетную грамоту для нее выхлопотал.

— Вначале я обратила внимание на то, что эта миниатюрная малышка в симпатичном платьице с розовым бантом, сидя на лавочке в сквере, в одиночку пьет водку прямо из горлышка бутылки, закусывая двумя чебуреками сразу, — пробормотала под нос я, польщенная обилием комплиментов.

— Не спорю, — сбитая с мысли хитрым Борюсей неохотно согласилась Закревская и тут же нашлась: — Но это не аргумент, есть причинно-следственная связь…

— Ну хорошо, продолжайте по делу, что там не так со смертью Закарпатько? — нетерпеливо остановила я зарождающуюся склоку, преисполненная желания принять участие в столь громком деле и, если удастся, получить еще одну благодарственную грамоту. Придала лицу нейтральное выражение, а для того, чтобы скрыть истинные причины нервозности, вспомнила о своем любимом домашнем зоопарке. — У меня из одиннадцати собак четыре не кормлены, а одной уже пора укол делать.

— Все, Маша, только по делу! — осадила себя Закревская. — Так вот, Закарпатько обнаружили на территории его земельного участка в двадцать девять и три десятые сотки, в отдельно стоящей сауне…

— Труп Закарпатько, — поправил Раечку Борюся, невинно улыбаясь. — Предполагаемый, причем.

— Предполагаемый труп Закарпатько обнаружили в отдельно стоящей сауне, — наградив капитана испепеляющим взглядом, другим голосом продолжила Рая. — Тело располагалось в положении сидя на небольшом итальянском диванчике напротив плазменного телевизора «Панасоник» полутораметровой диагонали. Рядом с ним на журнальном столике карельской березы лежала предсмертная записка не совсем стандартного содержания…

— Скупые строчки: «В моей смерти прошу никого не винить»? — полюбопытствовала, делая предположение, я.

— Да, нечто в этом роде, — кивнула Закревская. — Только более пространное. Там было описание поэтической истории его пламенной любви к секретарю-референту двадцати двух лет. От и до. На семнадцати страницах. Собственноручно и очень каллиграфично написанное «Паркером». Ручка с золотым пером находилась тут же на столике…

— Девушку нашли? Опросили? — я снова прервала Раечку. —

Что она говорит? Подтверждает, опровергает?

— Какая девушка? — не поняла сразу Закревская. — Аааааааааа. Нет. Никакого женского пола. Это парень. Секретарем-референтом у Закарпатько работал юноша. Юлий Власов. Выпускник Киево-Могилянской академии. В офисе народного избранника трудятся исключительно молодые люди, никаких девушек. В записке депутат поведал подробнейшим образом об их довольно длинной любовной связи, которая зародилась еще семь лет назад, абсолютно случайно, на солнечном морском курорте…

— Даже так… Педофилия, — вставила я. — Совращение несовершеннолетних. Тут все понятно. Мальчик, хочешь учиться в Киево-Могилянской академии? Тогда поцелуй дядю.

— Европейские ценности, — хмыкнул Кушнерук и тяжело вздохнул. — Сексуальная распущенность, гомосексуализм, затем пропаганда однополых браков, усыновление такими нетрадиционными супружескими парами детей. И так далее к светлому будущему. К полнейшей деградации и вырождению. Куда только эта страна катится…

— Не катится, а катят ее по определенному сценарию, — поправила его я. Борюся согласно махнул рукой и еще раз вздохнул.

— Только сценарий известен единицам, остальные участники задействованы вслепую, — согласилась с нами Раечка. — Оставим политику, с ней и так все понятно. Вернемся к интересующим нас высоким гомосексуальным чувствам. Так вот, по сути. Квинтэссенция семнадцатистраничных мемуаров педика-депутата в следующем. Юлий стал для шестидесятиоднолетнего политика староват: двадцать два года это не пятнадцать. Не та полнота ощущений, вероятно. Страдалец почувствовал стремительный отток чувств по отношению к своему референту…

— Прошла любовь, завяли помидоры! — конкретизировал Кушнерук. — Такие они непостоянные… как бы мужчины в возрасте.

— Точно так, — подтвердила Закревская. — Для того, чтобы не мучить себя и не травмировать своего возлюбленного разрывом отношений, народный избранник определил для себя такой смелый и благородный выход — решил свести счеты с жизнью.

— Так просто? — удивилась я. — Не поменять мальчика на более молоденького, что в их среде естественно, а сразу за пистолет?

— Мотив тот еще. Мне тоже понравился, — оскалился Борюся. — Любовь, морковь. Ах, ах! Не могу без тонких чувств и

толстых обстоятельств на этом свете прожить! Мир вокруг меня без всего этого утратил смысл. Ох, ох! И это все пишет жучара, который полтора десятка лет тупо и целенаправленно откачивал деньги из бюджета страны себе в карман. Причем, исполнял он это шлангом, диаметр которого существенно выше среднего.

— Изложено именно так. Несчастная любовь. Ахи-охи присутствуют на всех семнадцати страницах посмертной записки, — подтвердила Рая. — Почерк депутата. Экспертиза подтвердила. Судя по всему, Закарпатько уединился в сауне и, написав это любовное послание, разрядил себе в голову всю обойму. С его лицом, понятно, возникли определенные изменения. Так что опознание пришлось проводить…

— А какая марка пистолета? — в который раз перебила я Закревскую. Решила исправиться. — Извини, Раечка.

— Ничего, Маша. — Только и успела ответить она.

— ПМ. Пистолет принадлежит депутату. Разрешение, конечно, имеется. — Опередил ее капитан.

— Значит, патронов было не больше семи, — задумчиво констатировала я.

— Да, но вот в чем парадокс: через голову прошли всего пять. Остальных пуль в сауне не обнаружено. Облазили с лупой все помещение, миллиметр за миллиметром. Гильзы на полу есть, а пуль нигде нет. — Окончательно отобрал инициативу у коллеги Борюся.

— Странно.

— Еще как странно. Здесь вообще много непонятного. Очень много. Давно таких дел у меня в производстве не было. Хотя бы вот это: Закарпатько не был левшой, а входные отверстия всех пуль почему-то в области затылка и ближе к правому полушарию, чем к левому. Прикинь.

— Да, неудобный способ избрал наш народный депутат покончить счеты с жизнью, — согласилась я.

— Вот и я говорю, смотри! — капитан достал из наплечной кобуры пистолет. Сидящие за соседним столиком бритые наголо здоровяки сразу же грохнулись на пол и заученным движением прикрыли головы руками. — Это не для вас, поднимайтесь, — махнул в их сторону стволом капитан и добавил, обращаясь уже ко всем посетителям «Вай»: — Спокойно, милиция.

— Борюся, — укоризненно посмотрела на него вынужденно молчавшая последние пару минут Раечка, — ты чего творишь?

— Боря, — охнула я, непроизвольно прижав ладони к груди, — как можно? Мы же в общественном месте!

— А что? — искренне не понял наши реплики Кушнерук. — Я ведь только хочу следственный эксперимент провести. Смотрите

внимательно! — он начал энергично тыкать себе в затылок дулом пистолета Макарова, рискуя содрать кожу под волосами.

Амбалы, не поверив в благие, а главное, в то, что они безопасные, намерения милиционера, короткими перебежками с низкого старта, вернее сразу из положения лежа, лавируя между столиками, по-спринтерски направились к выходу из помещения. Вряд ли кто-нибудь смог бы досчитать до трех, прежде чем они скрылись за дверью.

Здоровяки не были одиноки в таком желании. Зал кафе начал стремительно пустеть. Люди, не доев заказанные блюда, спешно покидали «Вай». Посетителям не улыбалось присутствовать при следственном эксперименте с огнестрельным оружием, который затеял посреди бела дня в заведении быстрого питания проводить капитан милиции.

Мало, мол, нам эксцессов: с суперметкими украинскими ракетчиками; с профессиональными пилотами истребителей; с ежегодно, словно по расписанию, напоминающих о себе складах с боеприпасами; с вагонами, которые категорично не желают везти химикаты по рельсам. Много у наших сограждан подобных головотяпных событий на памяти. И этот милиционер туда же! Лучше не рисковать…

— Видите, — азартно продолжал свой опасный эксперимент с оружием Борюся, не обращая никакого внимания на стремительно пустеющие столики вокруг, — явно что-то здесь не так. Нормальные люди так не стреляются! Я даже не говорю об элементарном — нажимать пять раз подряд, тем более семь, на спусковой крючок ну очень неудобно в этом положении. Ладно еще два раза, или три. Такие прецеденты у нас в стране, да и в самой столице, с самоубийцами были и ничего, дела закрывали и отправляли в архив, прокуратура не возражала…

— Кушнерук, убери пистолет, — менторским тоном прервала его рассуждения Закревская. — Хватит паясничать. Мы в кафе, а не в цирке! Следственный эксперимент надо оформлять. В соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Украины. А ты тут так, обезьянничаешь, без протокола…

— Погоди, погоди, Рая, в умозаключениях нашего дражайшего Бориса Федоровича есть рациональное зерно, — задумчиво остановила я следователя прокуратуры. Протянула руку за пистолетом. — Ану дай-ка мне попробовать, капитан.

— Только осторожно, — передал мне с готовностью пистолет Борюся. — Это все же боевое оружие.

— Он что, заряжен? — саркастически поинтересовалась я.

— Мало того, он еще и снят с предохранителя. Следственный эксперимент должен проходить в условиях, максимально

приближенных к действительности, — пояснил Кушнерук.

— Если, — я задумчиво приложила холодное дуло к затылку, — вот так вот он его поставил… то действительно неудобно… А если вот так, то… тоже как-то оно не так…

— В том-то все и дело, — радостно закивал Боря. — А я о чем говорю? Не складывается картинка. Представляешь, из такого положения выстрелить пусть даже не семь, а пять раз?

— Нет, это невозможно, — вполне откровенно согласилась я. Повертела еще пистолет вокруг головы в области затылка, пристраивая поудобней, не нашла такого положения и вернула владельцу. Боря, торжествуя, спрятал ПМ в наплечную кобуру.

— Ну, наконец-то, — подала голос Раечка. — Доказали друг другу. Преисполнены взаимного уважения! Молодцы. Возвращаемся к личности покойного. Все эти выстрелы попортили черепную коробку трупа конкретно. Так что категорично утверждать, что обнаруженное тело принадлежит депутату Закорпатько, на сто процентов, мы не можем.

— А отпечатки пальцев? Разве они не дают полной идентификации? — вполне резонно поинтересовалась я. — Или вы забыли их снять?

— Скажешь тоже: «забыли снять»! — хохотнула Закревская. — Какой депутат при жизни даст добровольно откатать пальцы? За каждым народным избранником тянется такой хвост пушистый, мама не горюй! Будут они палиться. С чем сравнивать отпечатки пальцев покойника?

— Ты еще о зубной карточке спроси, которая хранится у стоматолога! — весело добавил капитан.

— И спрошу, а что…

«Капитан, капитан, капитан». — Лесли Счастливая, в миру Татьяна Шарафутдинова, откинулась в кресле. Вышла из сюжета. Задумалась над внезапно всплывшим обстоятельством, на которое она не обращала до этих пор никакого внимания. — «А что это за звание? Оно на самом деле значимое? Кушнерук у меня уже книг десять как капитан. Не пора ли его повысить? Какое там следующее звание? Капитан-лейтенант? Старший капитан? Надо позвонить кому-нибудь, уточнить. А то как бы ляп не получился. Хотя… В прошлой книге написала, что пуля, выпущенная в упор из автомата Калашникова, отрекошетила от лба Закревской… Говорят, это невозможно… А ведь ничего, проскочило. А вообще, хорошо получается! Вот и заказанная реклама с первых строчек книги так органично и ненавязчиво вошла в текст. «Вай» почти отработан, а на кофе «Дзи-Три» задел сделан неплохой — разбросаю дальше по тексту. Умница! Завтрак ты уже честно

заслужила. Прервемся».

Женщина встала, потянулась и, выключив и закрыв лэптоп, отправилась на кухню. Я, соответственно, тоже.

Какой частью ее сущности был я, мне все так же было непонятно. Не решающей — точно. То есть влиять безотчетно в подсознание (как пресловутый внутренний голос), судя по всему, на личность, в которой находился, я не мог. И слава Богу! Иначе уж Татьяна точно услышала бы мое недвусмысленное отношение к ее монологу во время приготовления завтрака. Размышления Лесли Счастливой сводились примерно к следующему:

«Какой интересный, непредсказуемый по сюжету, оборот получится… Именно так надо и сделать. Это ход. Да. Депутат Закарпатько жив и прячется на фешенебельной Рублевке под Москвой. Со всеми награбленными в Украине миллионами. Точно. Это абсолютно новый оригинальный ход. Я гениальна, несравнимо гениальна! Тяжело быть, конечно, такой умной, но что делать, раз Бог наградил меня такими потрясающими мозгами и таким бешеным интеллектом! Спасибо папе, маме!

Хотя отдачи по ходу жизни что-то особо не прослеживается. Ни уму, ни сердцу, ни кошельку, ни банковскому счету. А труд каторжный, целыми днями за компьютером. Вон девки скачут по сцене и трясут своими наколотыми силиконом прелестями, делая вид, что поют. Каждый день появляются все новые и новые. Таланты! Звезды и звездульки! Поющие влагалища! А имеют за это все, между прочим!

Эта вот, лучшая подруга, губы себе наколола, ноги в нужных кабинетах несколько раз раздвинула, задом подергала, рот под фанеру, как вытащенная из воды рыба, пооткрывала и все — жизнь удалась!

Бабки рекой, от мужиков отбоя нет! Все как один трахнуть хотят и за этим делом в очереди с подарками стоят. А она только сортирует. Этому дам, этому не дам. С брюликами на сегодня в постель, с «Мерседесом» на завтра, с недельной туристической путевкой по средиземноморским курортам — на следующий месяц, ах, на личном самолете? Ну тогда ладно, поедем с тобой, дружочек, на следующей неделе. Халява по жизни у телки полная! А сама овца бездарная!

Тут же надо вкалывать от зари до зари, тратить свое драгоценное серое вещество, ломать голову — сочинять гениальные сюжеты. А на выходе: ни денег нормальных толком не прослеживается, ни мужиков путных в обозримом пространстве. Несправедливо как-то жизнь устроена».

В этот момент зазвонил телефон. Шарафутдинова сняла с плиты сковородку с пригоревшей яичницей и взяла трубку:

— Здравствуй, дорогая, а я только что, буквально секунду назад, о тебе вспоминала! Какой у тебя вышел замечательный клип! Да, да, последний! Где ты, стоя в стрингах пятой точкой кверху, целуешь левую фару красного «Феррари». Это потрясающе! — восторженно залепетала в трубку Татьяна. — Это ж надо так емко и образно отразить суть идеи! И из такого ракурса…

Как оказалось, звонила «лучшая» подруга. Общеизвестная певица и, по совместительству, обладательница искусственно увеличенных губ. Пошло фальшиво-радостное женское сюсюканье, смысл которого мне не был понятен ни теперь, ни тогда, когда был просто человеком.

В этот момент я и покинул сие гениальное тело или эти столь ценные мозги. Это зависело от того, где я все же находился. Вопрос о моем непосредственном нахождении в объекте так и остался неразъясненным. Но и в том и другом случае мне было, похоже, достаточно…

Я — Человек, Сын Бога

— Ну, и как тебе? — весело осведомился дядя Грач. Я протер ладонью лицо, и это незамысловатое движение доставило мне огромное удовольствие. Оказывается, приятно иметь возможность коснуться своей рукой своего лица. Огляделся. Находились мы в идеально белой комнате непонятного размера. Стены, пол и потолок помещения то ли струились белой дымкой, то ли их вовсе за этим туманом не было. Во всяком случае, иллюзия огромного пространства была абсолютной.

Из мебели — кресло-качалка, сплетенное из лозы и покрытое клетчатым пледом, в котором мой собеседник и сидел, забросив ногу на ногу и выпуская клубы дыма от своей сигары во все стороны. Уж не это ли и есть первопричина туманного вида пространства, где мы находились? — мелькнула на задворках сознания вялая мысль.

Выглядел дядя Грач, по сути, так же: небольшой мужичок в возрасте. Выражение лица такое же глумливое. А вот наряд его изменился кардинально. Не было трости, костюм и шляпа белого цвета, рубашка, галстук и туфли, напротив, черного. Ансамбль явно выигрывал перед тем гардеробом, который на нем был во время нашей первой встречи. Одежда и обувь выглядели дорого, стильно и красиво. Сигару за время моего отсутствия он скурил до половины. Ни рюмок, ни бутылки поблизости не наблюдалось. Да водки, в общем-то, мне и не хотелось.

— Вопрос, я так понимаю, риторический, — на автомате отозвался я, пытаясь понять, что со мной. Определил. Я как я, в своем теле, сижу на высоком, вероятно, барном табурете, свободно свесив ноги. Моя одежда с момента пребывания на мосту Патона нисколько не изменилась: те же изрядно потрепанные джинсы, свитер грубой вязки и стоптанные туфли. Жаль. От замены не отказался б.

— Если хочешь, — прочел мои мысли дядя Грач и провел сигарой вдоль тела, — такое же или любое другое — нет проблем! Все что угодно. Стоит только пожелать.

— Нет. Это шутка. Причем, не моя, а подсознания. — Я отрицательно замотал головой. — Мне и так комфортно. В своем.

— Дело добровольное. Так как там с первым опытом?

— Неплохо, вот только смысл до конца еще не уловил. Ясно, что таким образом я буду изучать своих сограждан изнутри, в буквальном смысле этого слова. А вот с действенностью этих моих похождений…

— Это просто. Вот смотри, — он щелкнул пальцами и прямо

передо мной, просто в воздухе, появились светящиеся строчки только что написанного Лесли Счастливой текста. Некоторые предложения были выделены курсивом и светились. — Читай внимательно! И ответь на такой вопрос: разве могли подобные мысли появиться в книге этой сочинительницы без твоего визита в ее тело?

Я бегло пробежал глазами по матовой дымке висящих в воздухе страниц, затем внимательно вчитался. Перечитал выделенные курсивом строчки. Точно, вот это моя мысль, это вообще дословно моя теза. Хм, интересно. А ведь даже не заметил, когда и как направил ее в эту сторону.

— Таки есть польза? В этом модном бреде под литературу появились рациональные мысли! — с чувством удовлетворения дядя Грач выпустил кольцо сигарного дыма. — Даже с первого раза у тебя уже что-то вышло. Неплохо для начала. Согласись, уже заметно.

— Заметно.

— Это, конечно, не так заманчиво выглядит, как пожелание поставить обнаженную женщину в интересную позу… — тут же неприминул ехидно добавить он.

— Да это я так, для проверки вновь обретенных умений, в порядке эксперимента, — заметно смутился я. И тут же возмутился. — Зато расплата какая! Всего перекорежило, сплющило! Еле жив остался!

— И за дела твои аз воздам! — без малейшего намека на пафос буднично проговорил дядя Грач. — Думаю, здесь тебе все понятно. Если твое вмешательство на пользу, то оно и тебе не повредит, а если…

— Понятно, понятно, не маленький, — отмахнулся я. — Это все? В смысле, что мне надо знать.

— Далеко не все, — он шутливо всплеснул руками. — Тебе еще ой как далеко до всего! Как до твоего любимого Киева… — он многозначительно оглядел непонятную комнату, — пешком. На автомобиле, поезде или даже на самолете… Особой разницы нет. Да-ле-ко! — последнее слово он произнес четко и раздельно, по слогам.

— Это мы… сейчас находимся… — я тоже посмотрел по сторонам, внимательно вглядываясь в причудливо слоящиеся клубы дыма. Внезапная догадка поразила меня. — Неужели?

— Вот видишь, кое-что ты уже уяснил! А находишься ты в самом начале пути. Будешь постепенно продвигаться: от меньшего к большему. И еще, запомни: личные качества людей, в которых ты побываешь, неминуемо окажут прямое воздействие на тебя. Самое непосредственное!

— А это как?

— Это тоже несложно. Поймешь со временем.

— Хорошо, — не стал настаивать я. — Продолжим?

— Итак, можно констатировать, что проба прошла успешно, теперь запускаем тебя по несколько иному, более сложному варианту. Лично мне, — доверительно сообщил дядя Грач, — этот подход нравится больше. Он интересней. Вперед!

Клубы сигарного дыма и непонятного происхождения тумана начали наслаиваться и сливаться в одну плотную серо-белую массу. Видимость упала до нуля. Комната исчезла.

— Мне доложили, что ты прибыл в столицу по Южному автобану на «Хаммере» в сопровождении целой сотни байкеров. — Главный милиционер страны, министр МВД, устало провел ладонью по лицу, смахнул по ходу со своего мясистого крупного носа очки и прислушался к пульсирующей боли в висках: «Чтоб вас всех! С делами вашими стремными, архиважными и безотлагательными. Когда это все закончится? Свои темы разгребать некогда. Голова опять раскалывается!»

Он сидел в кресле начальника одного из районных отделов министерства внутренних дел Киева. Дело было вроде бы и не сложным, но изрядно щекотливым. Заниматься им пришлось лично по просьбе самого Нового Первого Лидера государства. Поэтому, соблюдая даже некоторую конспиративность, бросив все остальные дела и не взирая на жестокую мигрень, он был вынужден срочно приехать сюда.

— Нет, добрый человек, это неправда. Вернее, не все было так на самом деле, как Вам рассказали. Я действительно прибыл в Киев с южной стороны, но ни автобана, ни «Хаммера», ни толпы сопровождающих меня рокеров не было. Это какая-то ошибка, — развел руками допрашиваемый молодой мужчина и нервно заерзал на стуле по другую сторону стола начальника райотдела.

Парень был высокий, худой и черноволосый. На вид лет двадцати пяти — двадцати семи. Из одежды на нем были старенькие джинсы, свободная зеленая футболка да несколько крашеных кожаных ремешков на запястьях и шнурок на шее. Наряд завершали изрядно потрепанные кроссовки хорошо известной всем фирмы.

Я быстро освоился, если так можно выразиться, в его теле. Мысли парня были светлыми и, как следствие, простыми и понятными. Его жизненная позиция, цели и устремления мне стали понятны сразу же, с первых секунд. В чем же обещанная оригинальность ситуации? В простоте?

— Как это на южном въезде в столицу нет автобана?

Президент месяц назад торжественно оповестил народ об открытии первого автобана в нашей свободной стране и именно там, на месте никуда не годной дороги, которая осталась нам в наследство от предыдущей бандитской власти! А ты говоришь: «нет»! — сделал удивленное лицо главный милиционер, оторвавшись от чтения протокола, — хотя, гм, впрочем, — он отвел от допрашиваемого взгляд, хлопнул себя ладонями по коленям, снова нацепил на нос очки и пристально уставился на визави, — ладно с ним, гм, этим, гм, с автобаном. Проехали. Так ты говоришь, что «Хаммера» не было?

Правильные, несколько утонченные черты лица задержанного в обрамлении длинных черных локонов кого-то смутно напоминали большому милицейскому начальнику. Только вот кого?

— Не было, добрый человек, — отрицательно мотнул головой юноша. — Откуда у меня взяться б «Хаммеру»?

— И байкеров-рокеров в количестве, примерно… — министр переложил на столе какие-то бумаги и заглянул в одну из служебных записок поверх очков, — примерно, ста семнадцати человек, на, примерно, девяносто трех мотоциклах тоже не было? — а про себя хмыкнул: «Выглянул в окно. По улице шли примерно шестьсот сорок два человека. Ох и писаки!»

— Нет, добрый человек, байкеров за мной…

— Послушай, — раздраженно прервал его главный милиционер, недовольный сутью распоряжения Первого Лица. Из-за щекотливости поручения он все никак не мог перейти к существу дела. — Ты почему меня все время добрым человеком называешь? Меня, министра МВД этой страны? Какой я тебе добрый человек? Я гроза коррупционеров, взяточников, воров, бандитов и членов политических партий, которые… Впрочем, подробности специфики работы правоохранительных органов таким, как ты, знать не обязательно.

— Почему, добрый…

— Тебе объяснить, как надо обращаться ко мне? Что ж, раз ты не понимаешь наш лучший, самый мелодичный в Европе государственный язык, — распаляясь, в большей мере искусственно, повысил голос министр. — Полковник…

Из-за двери, словно по мановению волшебной палочки, материализовался статный мужчина в форме МВД с тремя большими звездами на погоне и лицом словно у сильно спившегося бульдога. Он в долю секунды оглядел фигуру своего наивысшего начальника цепким взглядом профессионального шулера:

— Я! — и замер в ожидании приказа, изображая полную

готовность к любому действию.

Полковник проработал в Системе всю жизнь. Он поднялся по служебной лестнице, как все, лишенные по рождению своему «волосатой лапы», только благодаря своей изворотливости. Больше всего в жизни он боялся лишиться своей честно купленной весьма доходной должности.

Памятуя все мерзости и подлости, кои пришлось совершить при восхождении до трех больших заветных звезд, начальник районного отделения милиции смотрел в сторону нынешнего руководителя МВД, стараясь скрыть свои истинные чувства. И хотя удавалось это очень плохо, и Станиславский неминуемо прервал бы своим знаменитым «Не верю!» сие действо мгновенно, едва полковник перенес ногу через порог своего кабинета, главный милиционер страны, озабоченный делом государственной важности и терзаемый головной болью вселенского масштаба, не замечал фальши.

Новый глава МВД был пришлым. Это был стройный, подтянутый, чисто выбритый, пахнущий дорогим одеколоном, постоянно щеголяющий в дорогих гражданских костюмах великолепного покроя, склонный к реформам идеалист. Он попал в Систему на пост Верховного начальника сразу же после Событий. И сходу, как слон в посудной лавке, начал наводить свои, как ему казалось, справедливые, обусловленные необходимостью порядки, пытаясь доказать всем, что из сборища взяточников, тунеядцев, пьяниц и откровенных беспредельщиков (читай бандитов в форме) можно сделать приличные правоохранительные органы.

Полковник, так же, как и все остальные сотрудники МВД, живущий по своим, неведомым остальному народу страны (включая нового главного милиционера, который, безусловно, был посторонним в Системе), подлым законспирированным законам искренне ненавидел нового министра всеми своими ментовскими поджилками.

Однако, служба есть служба. Начальство не выбирают. Поэтому и приходится стоять искушенному в грязных играх полковнику навытяжку перед этим гражданским чистоплюем, не смыслящим ровным счетом ничего в правилах, по которым функционирует украинская милиция, выкатывать вперед грудь и преданно таращить глаза.

— Полковник, эээээ, если Вас это не затруднит… Не могли бы Вы попросить дежурного или кого-нибудь еще… эээээээ… объяснить эээээээээ нашему задержанному, как он должен обращаться ко мне? — попросил начальника райотдела главный милиционер и тут же демонстративно уткнулся в лежащие на

столе бумаги.

— Так это мы запросто, какие тут могут быть трудности! Это нам как два пальца… об асфальт. Для Вас я сам, лично и звать никого не буду! — полковник схватил привычным движением парня за шиворот, приподнял и встряхнул. — Ты че, падла волосатая, вшивая не знаешь, как….

— Постойте, полковник, — сделал останавливающий жест рукой министр и сотворил на лице мину оскорбленного достоинства, — Вы что, собственно, себе позволяете?

— А че? Вы же сказали: «разъяснить», вот я и выполняю… — не понял услужливый подчиненный: «Опять, бля, начинает, рожа козлиная. Гондон гражданский, штопаный. То не так, это не эдак», — мелькнула злобная мысль. Он разжал руку, и юноша кулем свалился обратно на стул.

— Ну, Вы это, не так… — главный милиционер начал делать загадочные пасы руками, словно совершая некий таинственный колдовской обряд. — Как-то вот так вот…

— Я это… что как-то вот, что не так? — тщетно силясь понять эти намеки, честно напряг извилины начальник райотдела.

— Ну, как-то, типа, не здесь, что ли… — выдохнул скороговоркой подсказку министр и отвел глаза.

— Ах, вот как! Хорошо, так и исполним. Нет проблем! — дошло до полковника. Он снова схватил слабо упирающееся тело, намотав уже изрядно растянутую футболку на свой гигантский кулак. — Подъем, сейчас я тебя познакомлю с местными достопримечательностями, волосатик. Похиляли в «трюм». Там у нас специально для таких, как ты, обезьян, шикарные апартаменты приготовлены. С парикмахерской…

— Ах, полковник, — с досадой перебил его главный милиционер, встал и нервно прошелся вдоль стола. — Учишь вас, учишь, демократическим стандартам поведения. А еще защитники правопорядка. И все туда же! Пора меняться! Наша страна куда держит курс? Куда ее ведет Великий Кормчий?

— Кто ведет? Куда? — тупо переспросил подчиненный, автоматически освободил руку от ткани футболки задержанного и похлопал юношу по плечу. Тот снова упал на стул и испуганно сжался.

— К идеалам Демократии! В Европейский Союз. В Светлое будущее! Вот куда мы должны приближаться с каждым днем! Вот к чему ведет нашу Великую страну всенародно избранный Президент!

— Аааааааааааа… Это Вы в этом смысле. Ну, конечно. У меня и портрет его вон в рамочке на тумбочке стоит. — Энергично закивал подчиненный, преданно гипнотизируя начальника.

— Фотография президента это правильно, — рассеянно согласился главный милиционер и помассировал ноющие от боли виски указательными пальцами. — Но этого мало.

Полковник тут же постарался «исправить» свою ошибку. Он склонился над парнем, выдохнул извечный запах перегара прямо ему в лицо и с размаху хлопнул открытой ладонью по уху. Звук оплеухи эхом отозвался во всех углах кабинета. Голова парня дернулась. Начальник райотдела схватил его за горло, рискуя сломать кадык, и громко заговорил прямо в моментально покрасневшее ухо задержанного:

— Слышал, падла, куда мы идем? А ты тут нам…

— Ладно, я понял. Безнадежно. Выйду. Покурю, — махнул рукой министр, встал и уже у входной двери так же лаконично добавил: — У вас три минуты. Занимайтесь.

Когда он вернулся, диспозиция изменилась. Довольный полковник стоял у стены в трех шагах от допрашиваемого и ласково поглаживал ладонью левой руки разбитые костяшки кулака правой. Задержанный же занял дальний угол кабинета, не рискуя приблизиться к стулу.

Причем, сидел парень на корточках, бессознательно стараясь максимально вжаться в стену и быть как можно дальше от своего мучителя. Неловко прикрывал обезображенное лицо узкими ладонями. Из разбитой губы по пальцам стекали капли крови, ухо распухло и покраснело, а под глазом расплывался всеми цветами радуги огромный синяк. Картину побоев дополняла ссадина средних размеров на левой скуле.

— Итак, продолжим, — бодро потер руки главный милиционер, быстро отвел взгляд от изуродованного лица задержанного и сел в кресло. — Сколько байков сопровождало Вас при въезде в столицу? — министр, преисполненный ответственности перед высоким поручением и переполняемый собственной значимостью автоматически перешел на «Вы» и снова скривился от головной боли.

— Ни одного, гражданин начальник, — дрожащим голосом заверил юноша.

— Почему «гражданин начальник»? — хмыкнул главный милиционер, обернулся к довольному полковнику, тот на его вопрошающий взгляд только пожал плечами. — Хотя, впрочем, пусть так, продолжим. Вы садитесь на стул. Начнем с самого начала. Ваше имя?

— Я уже говорил: Игорь, — ответил парень, обошел по большому радиусу начальника райотдела и с опаской присел на кончик стула.

— Фамилия?

— Ганорский, — последовал такой же торопливый ответ.

— Род занятий?

— Ну, как Вам сказать, гражданин начальник… — замялся юноша, — в последние годы много политических акций в нашей стране… То здесь, то там… Я путешествую, общаюсь с людьми, наблюдаю, учу…

— Профессиональный пикетчик? — с удивлением и интересом перебил его главный милиционер и почувствовал некую, пока еще неосознанную симпатию к парню, прекрасно помня свое восхождение. Весь путь: задолго до Событий, непосредственно перед, во время и, наконец, эта должность, как награда, сразу после.

Особенно памятными и трогательно приятными были воспоминания о делах романтических: сырые палатки с двуспальными мешками, теплый коньяк в пластмассовых стаканчиках, зажигательные речи с похмелья, прохождение в составе колонны единомышленников под флагами центральными улицами города, чувство локтя, героический настрой спасителя отечества…

— Не совсем, — уже тверже заговорил Игорь, стараясь не смотреть в сторону начальника райотдела. — Я больше тяготею к людям, нежели к политике или дармовому заработку. То, что происходит у нас последние годы в стране, не совсем правильно… — он сконфуженно замолчал.

— Что именно не совсем правильно? — погруженный в свои мысли, механически заполнил паузу министр.

— Я полагаю, что нельзя так сталкивать людей, — вкрадчиво начал объяснять свое понимание текущего момента задержанный, — делать из них сражающуюся бездумную биомассу. Делить на лагеря, стравливать, как зверей, призывая к животным инстинктам. Они ведь промысел Божий. И как следствие, заслуживают большего, им надо любить друг друга, помогать один одному, сострадать…

— Что ты буровишь? Сострадать… — встрял в разговор полковник и посмотрел на своего начальника в ожидании заветной команды «Фас». — Ты у меня сейчас сам так пострадаешь!

— Вот так вот? Просто? Не стравливать? Интересно. Не надо, полковник. — Министр сделал останавливающий жест, готовому сорваться с места подчиненному. — Гм. А как же тогда привести к власти… лучших представителей народа? Или, скажем, построить демократическое государство?

— Это, добр… гражданин начальник, вопросы, на которые… — быстро исправился задержанный, хотел изложить

свою точку зрения по этому спорному вопросу, но главный милиционер, вспомнив уместную, на его взгляд, цитату, бесцеремонно перебил:

— «Дерево свободы надо периодически орошать кровью патриотов». Без этого никак!

— Но причем же здесь…

— Хватит! Отложим философию, Ганорский, вернемся к твоему делу, — категорично заявил министр и хлопнул для убедительности ладонью по крышке стола. Парень обескураженно скомкал конец фразы и замолчал.

— Так ты утверждаешь, что эскорта байкеров с тобой не было, а вот масса показаний, свидетельствующих об обратном, — продолжил главный милиционер. Он взял со стола кипу листов, исписанных разными почерками, и потряс ими в воздухе. — У комплекса «Чайка» мотоциклетная молодежь, а там, я знаю, не только юнцы безусые собираются, тебя боготворила. На руках носили! Чем это ты, было бы интересно узнать, заслужил у этой своенравной братии такое почтение?

— О да, это, действительно, было, — согласился Игорь. — Мы с ними встречались и говорили о…

— Погоди, о чем вы там говорили, потом расскажешь! — снова перебил его министр. — Прибыл ты в город с ними?

— Нет, — торопливо начал объяснять Ганорский. — Приехал я в столицу на своей старой «восьмерке»…

— На чем? — не понял главный милиционер.

— На «Жигулях» восьмой модели, их сейчас уже не выпускают…

— Аааааааааа… Да, да. «Жигули». Помню. Было такое чудо на колесах. Давно не видел, они, оказывается, еще ездят. — Кивнул, вспомнив, главный милиционер. Он, как сын большого партийного начальника эпохи развитого социализма, со школы был приучен к иномаркам. — С кем приехал в столицу? Кто тебя сопровождал?

— Со мной был всего один парень, я его подобрал на трассе, он был налоговым инспектором…

— Почему был? Ты что его замочил? — бестактно встрял полковник. — А где тело дел?

— Нет, почему? Он жив, — сделал круглые глаза задержанный. — Просто уже в налоговой инспекции не работает…

— Выгнали? Доигрался? Коррупцию пришили? — снова не удержался начальник райотдела и тут же пожалел об этом, наткнувшись на недовольное выражение лица шефа.

— Продолжайте, Ганорский, только по существу! —

приказным тоном произнес, показывая полковнику, кто здесь начальник, главный милиционер и наградил подчиненного колючим взглядом. — Что там с твоим попутчиком?

— Его никто не выгонял. Он сам ушел. Ему в одном из областных центров дали очередную крупную взятку для передачи столичному руководству, согласно одной из широко действующих сейчас у нас в стране откатных схем. Машина у него сломалась, он торопился, и я его взялся подвезти. Не жалко. Все равно по дороге было. Мы разговорились. Вот после общения со мной он и понял, до какой степени жизнь его неправильно устроена. Бросил деньги на дорогу и сказал, что больше не вернется в эту обитель зла никогда. Налоговая инспекция…

— Что? Вы это слышали? — полковник расхохотался, заискивающе заглядывая в глаза министру. Главный милиционер перевел изумленный взгляд с юноши на подчиненного, последний продолжал смеяться во все горло, показывая свои гнилые и прокуренные до корней зубы. — Не, ну это надо же такое придумать! Налоговый инспектор, к тому же в теме — крышующий областные предприятия… бросил деньги на дорогу… ну сказочник, ну брякнул, волосатик…

— На самом деле… Это не слыханно! Налоговая инспекция — обитель зла… — возмутился главный милиционер. — Это что за разговоры такие? Статьей попахивающие…

— Непонятки нездоровые, за такой блудняк ответить можно, — ориентируясь на тон начальника, посерьезнел полковник.

— Это не ошибка и не крамола, добрый… — допрашиваемый украдкой посмотрел на начальника райотдела, — гражданин начальник, — вновь исправился он. — А еще правда состоит в том, что у тебя раскалывается продутая всеми палаточными сквозняками-ветрами голова и терзает твой мозг данное тебе Высоким Лицом задание. Но ты не расстраивайся. Голова сейчас у тебя пройдет, а что же касается обители зла, то…

— Погоди, Ганорский, — словно защищаясь, поднял руки перед собой главный милиционер. Он почувствовал, как боль, терзающая его мозг весь день, отступает, словно стекает в некую точку и оттуда испаряется, уходя в окружающее пространство. — Постой! Помолчи!

— Хорошо, гражданин начальник, — прервал себя Игорь.

В кабинете наступила тишина. Министр прислушивался к новым ощущениям — голова не болела! Абсолютно! Он снял очки и покрутил ею во все стороны: вначале медленно, осторожно, затем быстро и резко, до хруста в шейных позвонках. Боли не было! Перевел взгляд с улыбающегося задержанного на ничего не

выражающее лицо хозяина кабинета:

— Слушай, полковник, давай-ка ты бумаги необходимые к осмотру приготовь. Раскрываемость, отчеты, планы там, и все такое. Я здесь пока сам поработаю, — и указал ему на дверь.

— Понял. Сделаем все в лучшем виде! — подчиненный рванул к двери так, словно за ней раздавали генеральские звезды.

— Побежал поляну накрывать, — едва слышно пробурчал себе под нос министр и наградил закрывающуюся дверь ненавистным взглядом. Обернулся к Ганорскому:

— Хватит ходить вокруг да около! — собрался главный милиционер. — Будем говорить по сути. Тебе известен байкер под именем Щедрый Скунс?

— Конечно, — не стал отрицать Ганорский. — Эта заблудшая душа нуждается в помощи…

— Почему ты так решил?

— Он отягощен бременем материальным, дарованным ему отцом, — с готовностью начал объяснять Игорь. — Плохо, что избыток внимания и всевозможных благ к нему пришел внезапно, да еще в период формирования его как личности. Поэтому ему крайне тяжело избегать соблазнов. Но он прислушивается к моему видению жизни и старается измениться в лучшую сторону.

— Кем ему дарованы материальные блага? — теряя всякую надежду на мирный исход дела, потухшим голосом переспросил главный милиционер. Ему было по-человечески жаль этого чудного юного целителя.

— Отцом.

— А ты знаешь, кто у него отец? — министр устало, по привычке помассировал виски. Вспомнив, что голова уже не болит, убрал руку.

— Начальник, — пожал плечами Ганорский, немного подумав, добавил. — Большой начальник.

— Неправильно. Он самый большой начальник в этой стране, — поправил главный милиционер. — Разницу улавливаешь?

— Нет, — искренне ответил Игорь. — Начальники, подчиненные. Маленькие, средние, большие, огромные… Все люди, в чем же разница?

— Ты, правда, так думаешь?

— Конечно. Богатые люди отличаются от бедных только наличием денег. Власть имущие от простых людей, тех, которые не влияют на ситуацию, только наличием власти. А в остальном они такие же. Больные и здоровые. Плохие и хорошие. Добрые и злые. Щедрые и жадные. И все, без ограничений, должны стремиться стать чище, светлей, духовней! — с готовностью

объяснил свою позицию Ганорский.

— Не удивительно, что твои словеса воспринимаются на «ура!» — печально проговорил главный милиционер, осознавая, что чувство долга побеждает симпатию к этому чудаковатому парню. Он уже принял решение, и оно было не в пользу задержанного. Теперь он просто тянул время. — О чем ты говорил с байкерами?

— Они попросили высказать мое мнение о государственной власти в этой стране. Я с радостью им все рассказал.

— М-да. Там каждый второй… «светильники зажег», — процитировал сквозь зубы министр и демонстративно перебрал на столе бумаги с рукописными текстами.

— Гражданин начальник, все эти неприятности из-за моего знакомства с Щедрым Скунсом? Да? — правильно предположил Ганорский.

— В некой мере, да, и болтать надо тебе меньше, — уклончиво ответил министр. — Тем более с незнакомыми людьми.

— Но ведь я не сделал ничего противоправного. Просто поговорил с ним несколько раз. Для его же блага. Кое-что объяснил. Ведь нельзя же чувствовать себя на земле сыном Бога, а вести себя так, как будто сын Сатаны. Он высказал величайший интерес к моим суждениям, принял их весьма радушно, с пониманием и обещал пересмотреть свой образ жизни.

— Так прямо и сказал? — криво усмехнулся главный милиционер, подумал: «Паршиво! Хана парню. Еще б, морочить такими разговорами голову сыну Первого Лидера. А ушей там вокруг… Доложили по цепочке сразу же… Какому, вообще, отцу такие разговоры понравятся? Тем более нашему Верховному Руководителю? Эх, Ганорский, Ганорский! С какой планеты ты к нам свалился? Святая простота! Пора сворачиваться. Ничего здесь поделать нельзя. А жаль».

Не слушая больше задержанного, который пытался рассказать о пути спасения человеческих душ применительно к государству Украина, нажал кнопку вызова. Дверь без стука распахнулась.

— Разрешите доложить, товарищ министр! — на пороге стоял полковник. Лицо его лучезарно светилось. — Все бумаги к осмотру готовы! Можно приступать к проверке!

— Мы тут, — главный милиционер недовольно и в тоже время рассеянно, словно ища помощи, посмотрел на подчиненного, — как бы еще не совсем с Ганорским закончили…

— Так в камеру его на пару часов, дней, недель забьем и всего делов! Пусть посидит, подумает, хапнет жизненного опыта, а заодно, тюремной сырости! Там у нас философов хватает! Выше

крыши. Пусть общается! А если надо, то и на пару лет закроем, повод отыщется! Не извольте беспокоиться! — бодро нашелся начальник райотдела, подслушавший весь разговор и благодаря этому прекрасно понявший ситуацию. — Чтоб не путался у хороших людей под ногами! Не переживайте, товарищ министр, все сделаем в лучшем виде. Не в первый раз! А нам надо идти. Пора. А то там бумаги того… остынут, прокиснут!

«Это, пожалуй, именно то, что надо! Изолировать болтуна на какое-то время. А там видно будет. Хотя это совсем не соответствует принципам декларируемой демократии… Что тут поделаешь? Придется воспользоваться наработками предыдущей власти», — так главный милиционер только подумал, а вслух произнес:

— Хорошо, полковник. Идемте! Займемся бумагами. Проверка есть проверка! А Вы, Ганорский, философ… прощайте! — министр направился к двери в предвкушении обильного застолья, стараясь этими приятными мыслями вытеснить осадок от очередного подлого поступка, продиктованного указанием вышестоящего руководства: «А что я могу сделать? Министр — лицо подневольное: приказали, сделал! За все надо платить! А за такой пост тем паче! К тому же не своими руками таскать каштаны из огня придется. Полкан этот все сделает. По всему видно — специально обучен таким делам. Вон как в ситуацию врубается, как говориться, на ходу. Нужный человек, специалист, надо отметить».

— Сидоров, в камеру задержанного! — рявкнул в коридор полковник. Игорь встал. В кабинет, образцово чеканя шаг, вошел вышколенный сержант…

Я не стал изучать внутреннее убранство камеры предварительного заключения, куда сейчас на неизвестное время определят этого доброго парня со светлыми мыслями и неземными способностями. Просто ретировался из его благородного тела. Вот что имел в виду дядя Грач под нетривиальностью перемещения, был я в этот раз не совсем в человеке…

— Печальная современная сказка, — заявил я сразу же по возвращении, даже не до конца определившись с окружающими реалиями. — Очередное пришествие Спасителя, которого никто не воспринимает. Ему обидно, горько, досадно, непонятно, но он никому не нужен…

— Зато в наличии сразу двое сыновей Бога. В одном ты был, а о втором шел разговор. Отцы только у них разные. Как и

возможности. И тот и другой по-своему и всемогущи, и беспомощны. Толку в твоем деле, как ты абсолютно правильно определил, от них обоих немного. — Дядя Грач встретил меня уже ставшей привычной ироничной усмешкой.

В этот раз он выглядел уже не столько человеком, сколько человекоподобным облаком, зависшим в нескольких сантиметрах над кожаным диваном в позе скучающего мыслителя. Контур остался, но четкой границы между ним и воздухом не было. Я так же витал в воздухе, как бы сидя, чуть выше обтрепанного полукресла. Взглянул на свою руку, она была прозрачна. Я мог спокойно смотреть сквозь нее. Чуть оттолкнулся пальцем от подлокотника, тело легко пролетело несколько десятков сантиметров и снова зависло. Похоже, все это означало мой переход на следующий качественный уровень. Дядя Грач выполнял обещанное.

Находились мы в овальной комнате средних размеров грязно-серого цвета. Стены, оштукатуренные цементно-известковым раствором, местами потрескались, местами были украшены какими-то нечистыми потеками. Завершал интерьер огромный письменный стол красного дерева с древней лампой под зеленым абажуром. Ни стула, ни кресла у стола не было. Свет давала лампочка под потолком, вкрученная в простой керамический патрон без всяких

изысков в виде плафона или люстры.

— Да уж. Мягко сказано: «толку немного». Сказал бы прямо: никакого! — пробурчал я, заканчивая осмотр и осваиваясь с новым даром — летать. — Смысл понятен. Ни со стороны законной власти, ни от Божественной силы ждать нашей стране помощи не стоит. Ни тот дядя, ни этот, ни какой-то третий, пятый, десятый… сказку не нарисует. Только самим…

— Великолепно! — дядя Грач перевернулся в воздухе, прислонил другой бок к кожаной обшивке дивана. — Все верно: кроме украинцев никто им государство не сотворит! Захотите — будет все у вас хорошо, нет — извините! Не было такого государства и не будет!

— М-да, — я оттолкнулся ногой от полукресла, сделал оборот на триста шестьдесят градусов в горизонтальной плоскости и продолжил вращение по инерции. — А построить его может только молодежь, еще не отравленная ценностями дня сегодняшнего. Только они могут сформировать новую гражданскую элиту общества. Иначе никак.

— Неплохо мыслишь, — он махнул рукой в мою сторону по спирали, словно раскручивая волчок. Мое вращение ускорилось. — Теперь тебе прямой путь в среду иной молодежи:

не «золотой», не богемной и не Божьей. Типичной подрастающей смены. Обычной для этой страны на сегодняшний день.

Стены завертелись, сливаясь в серую пелену. Я успел заметить, что дядя Грач как-то хитро усмехнулся в конце фразы. Опять знает наперед результат моего следующего опыта…

Герой нашего времени

«Неблагодарное это занятие продавать себя в киллеры в девятнадцать с половиной лет!» — с этой мыслью Дима Курочкин проснулся утром того самого дня, который должен был кардинально изменить его судьбу.

С ней же он чистил зубы, брился, совершал иные, столь необходимые утренние ритуалы. Затем, не расставаясь с ней, на автомате просматривал электронную почту, слушал в пол-уха во время незамысловатого завтрака бурчание вечно недовольной им и своей несложившейся жизнью матери.

Эта мысль не оставляла его и тогда, когда он одевался, садился в метро, ехал в переполненном вагоне и только когда поднимался по эскалатору и до места преступления оставалось около трехсот метров, а до его совершения — примерно тридцать минут, нашел ей логическое завершение:

«Неблагодарное это дело потому, что платят мало!»

Дима Курочкин, студент второго курса Политехнического института, стал киллером совершенно случайно и в большей мере, как это ни парадоксально звучит, благодаря стремительно развивающемуся техническому прогрессу.

Как большинство столичных подростков из не очень благополучных семей, он несколько лет, до того момента, когда родной дядя на радость матери-одиночки впихнул его за скромную взятку в ВУЗ, считал высшим шиком проводить все свое свободное ото сна время в Интернет-кафе.

Там Дима, громко матерясь и то и дело прикладываясь к широко рекламируемым слабоалкогольным напиткам или сортам пива, сражался с дворовыми приятелями в сетевые компьютерные игры. Перерывом в этом занятии по уважительной причине могли считаться: перекуры, просмотры новых фильмов или вечерние посиделки-тисканья со знакомыми девчонками.

Но вот Курочкин, благодаря финансовым стараниям дяди, попал на первый курс Политехнического института, и его жизнь разительно изменилась. Вместе со статусом студента к скучному посещению учебных корпусов и вялому изучению неинтересных предметов добавилось много занимательного. Как оказалось, студенческая жизнь таит в себе много замысловатого и приятного.

Дима начал ходить в питейные заведения, посещать ночные клубы, курить травку, понял, что в Интернете можно общаться с различными людьми посредством чатов или через электронную почту, осознал, что обнаженные тела противоположенного пола

можно видеть не только на порносайтах и киноэкранах, но и в непосредственной близости. Словом, кругозор Димы Курочкина расширился запредельно.

Да, многое открылось ему — теперь уже студенту — продвинутому юноше современности. Жизнь стала прекрасна и удивительна, наполнена неведомым ранее смыслом, но, к сожалению, многие потребности Димы ограничивали скромные материальные возможности матери. До определенного момента это было терпимо, но постоянно это длиться, конечно же, не могло…

Как-то, на одном из чатов, он вступил в жесткую полемику с некоей Нефертити. Одногруппник Валек позже объяснил, что в древности в Египте была такая «красивая телка царского рода с большими дойками». Пикировка была нешуточной и долговременной. Предметом ее были такие спорные моменты: наличие или отсутствие силикона у одной восходящей столичной звезды, влияние объема груди на талант певицы и трактование смысловой нагрузки ее песен. Спор закончился обменом личными электронными адресами и плавно перетек в последующее длительное и нетривиальное общение.

Диме с Нефертити было интересно как ни с кем. Она могла спокойно и здраво рассуждать на любые важные для него темы и, главное, с глубоким пониманием относилась к нелегкой судьбе гения, который вынужден корпеть над конспектами и посещать лекции совершенно ненужных ему по жизни дисциплин. «Жизнь-то проходит… Она у каждого одна, дорогой друг… Надо брать формирование судьбы в свои руки, иначе ничего не успеешь…»

«И правда, — думал и соответственно отвечал новой знакомой Дима, — приходится отказывать себе во всем. Даже в самом необходимом: билетах на футбольные матчи и концерты, одежде из клевых бутиков, качественной травке и оттяге в приличных заведениях в центре города. Так же нельзя. Надо что-то делать, что-то менять… Ну, ты меня понимаешь».

Нефертити понимала.

Кроме полной гармонии в общении с незнакомкой посредством электронной почты, было еще одно обстоятельство, которое притягивало Курочкина к этой личности, как магнитом. Неискушенный юношеский мозг будоражил образ благородной, ухоженной, красивой, власть имущей женщины прошлого. Причем, постоянно. Ее лик не оставлял Диму ни днем ни ночью…

Под усыпанной бриллиантами высокой царской короной утонченные черты: узкий овал лица, смуглая кожа, огромные миндалевидные глаза, длинные черные ресницы, поднимающиеся замысловатой волной узкие брови, благородный прямой нос,

алые коралловые губы, жемчужно- белые зубки, длинная шея. В маленьких ушках огромные золотые серьги, на шее каскад цепочек самых причудливых плетений. На аристократических пальцах перстни с драгоценными камнями всех цветов радуги. Вздымающаяся в волнении высокая грудь, хрупкие кисти рук, узкая талия, крутые бедра, необычайно длинные ноги, на щиколотках, опять же, золотые браслеты…

Дима видел ее такой, он жаждал обладать ею. Безумно. В своих эротических фантазиях он рисовал такие бурные сцены, что приходилось тут же бежать или к безотказным подругам, или в ближайший туалет, в зависимости от местоположения Курочкина в момент переполнения тела желанием.

Особенный дискомфорт Дима испытывал от невозможности пригласить свою новую виртуальную, пока еще, подругу-царицу в приличный кабак. Ведь не потащишь вожделенную мечту в студенческое кафе? Не в кайф как-то… А на солидное заведение надо столько бабла… Ойеееееей! Дима заходил в «Фараон» специально, интересовался. Столько за ужин нужно заплатить… Страшно сказать! Ужас! Курочкин сроду таких денег в руках не держал.

Так Дима и комплексовал по поводу своей убогости от письма к письму, из недели в неделю, вынужденно довольствуясь лишь заочным общением с предметом своего обожания. Но недаром Дима считал ее очень умной, а главное, чуткой и тактичной подругой. Нефертити, сориентировавшись в его недомолвках по поводу все откладываемой личной встречи, правильно поняла причину этих бесконечных отсрочек и предложила своему виртуальному бойфренду несложную, но хорошо оплачиваемую работу. «Сделаешь, тогда и будет на что в хорошем месте нам с тобой посидеть и не только посидеть».

Дима сразу, не мешкая ни секунды, выразил полную готовность и проявил активный интерес к такому предложению, но Нефертити почему-то не торопилась. Все действо развивалось перманентно, ненавязчиво и даже в какой-то степени таинственно. Вместо прямого ответа на Димин вопрос: «что за работа такая?» появился целый ряд писем не вполне понятного содержания.

Вначале появились прозрачные электронные намеки, суть которых сводилась к тому, что есть некий третий человек, который может помешать их с Димой персональному счастью. Дескать, мужчина очень серьезный, в возрасте, с положением в обществе, хорошей работой, и просто так он от Нефертити не отступится. Затем эта информация как-то трансформировалась в «возможность решения наболевшего вопроса по двум зайцам

сразу».

Через несколько писем Курочкину стало понятно, что необходимость удаления конкурента и приобретение необходимой материальной базы для их общения с Нефертити и есть эти два пресловутых зайца. А потом пошли такие словеса, что студент опять запутался и далеко не с первого раза понял все эти причудливые витиеватости.

В конце концов, до Курочкина дошло, что его дорогой электронный друг предлагает ему ни что иное, как «мокрую» работу. Дима сначала опешил, потом, поразмышляв критически, отнесся к такому предложению с недоверием: кто это, мол, заплатит три тысячи долларов за продырявленного клерка, который, к тому же, как-то там мешает свободно дышать в его направлении подруге Нефертити?

Но все же не так он глуп, чтобы не понять, что это дело стоит приличных денег. Завалить человека — это не на Майдане с флагом постоять. Любовь любовью, а бизнес бизнесом. В любом голливудском фильме так говорят…

И сейчас, приближаясь к месту преступления, Дима сожалел только о том, что не поторговался хорошенько. Ведь что говорит главный закон бизнеса? Ну? К примеру, как в том фильме про биржевых брокеров: «Никогда не соглашайся на первое предложение, оно не есть лучшее!» Ну ничего, во второй раз он не даст себя купить так дешево.

Ведь можно было требовать пять, а согласиться на четыре или, на худой конец, на три семьсот — три с половиной. Или лупить сразу даже семь, а сбиться на пять тысяч зеленых. Чем рисковал? Ничем. Можно было пробовать. Хотя и так получилось неплохо — три штуки за пять минут работы…

Вот сделаю красиво и профессионально эту работу, заказы пойдут один за другим, а гонорары начнут расти, как на дрожжах. Придется тогда действительно Интернет-счет открывать для приемки бабулек.

Нефертити предлагала открыть его прямо сейчас для получения аванса, но что-то обломало Диму с этими делами сходу возиться. Как-то потом. Он настоял, чтобы предоплата была положена в ячейку камеры хранения на железнодорожном вокзале. Так, как делают герои многочисленных фильмов.

Правда, вместо затребованной тысячи аванса он нашел в указанной ячейке только шестьсот долларов, но это обстоятельство новоиспеченного киллера нисколько не расстроило. Повозмущавшись в следующем письме этой нестыковкой, впрочем, скорее для вида, чем для изменения результата, он получил заверения Нефертити в благонадежности

и платежеспособности заказчика, твердых гарантиях прекрасной девы на словах и приступил к подготовке. Все проходило согласно лучших голливудских стандартов.

С местом проведения акции затруднений не было. Клиент приезжал в свой офис возле станции метро «Университет» не раньше чем без двадцати и не позже без пяти десять на своей машине «Хонда» — «Аккорд» зеленого цвета во все рабочие дни, то есть, пять дней в неделю. Количество парковочных мест возле подъезда, в котором находился офис, было строго ограничено, и все они, где ни стань клиент, располагались на пятаке плюс-минус десять шагов.

Эти необходимые данные, а также фотографии автомобиля и мужика были любезно предоставлены Нефертити в очередном письме в прикрепленных файлах. Так что покупать информацию или отслеживать клиента Курочкину нужды не было.

Немного смущал поиск оружия. Разъезжающих по столице толстых негров на микроавтобусах, забитых всеми видами автоматов и пистолетов, как-то Диме видеть не приходилось. Замешательство длилось недолго. Сомнения легко развеял Колька, старый знакомец по вечерам в Интернет-кафе. Бывший студент, а ныне весьма уважаемый человек — перекупщик ворованных мобильных телефонов, имеющий свое место на входе в Радиорынок, запросто разрешил эту проблему.

— Ствол? Тю, Димон, делов-то. Тебе какой? Новый, бэушный? Наш? Импортный? Подороже? Подешевле?

Пистолет Макарова («Свежак, вчера пацаны у пьяного мусора отобрали! Забирай почти даром!») обошелся Диме, с дружеской скидкой, в четыреста пятьдесят долларов. От шестисотдолларового аванса осталось всего сто пятьдесят баксов, которые Курочкин неприминул тут же потратить в питейном заведении с одной из сокурсниц.

Деваха приехала за знаниями в столицу издалека и посему обычно коротала досуг без денег в общежитии (пока кто-нибудь не свистнет и не поманит пальчиком), подобно тысячам таких же покорительниц Киева. Поэтому ей даже не пришло в голову сделать вид, что она ломается. Времена не те. Сексуальная революция и вседозволенность. Особо привередливые, их сейчас единицы, так и сидят с чашкой чая в комнате общаги перед телевизором и с конспектами все пять лет. А затем разъезжаются ни с чем, кроме диплома, разумеется, по своим Мухосранскам и Зажопинскам.

Курочкин занялся ее прелестями, по ходу сетуя, что подобный вечер с Нефертити только в перспективе. «Ну ничего, вот получу гонорар полностью, тогда и оторвусь с царицей по

полной программе. И так и эдак…» — успокоил себя Дима, довольствуясь пока обществом непривередливой и трудолюбивой провинциалки.

И вот этот долгожданный день и час настал. Сегодня Димина жизнь изменится самым серьезным образом. После нескольких минут ненапряжной работы он станет богатым и уважаемым человеком. Мир рухнет к его ногам, и будут исполнены все его самые сокровенные желания. Так рассуждал Курочкин, а я с огромным интересом и некоторым недоумением изучал однобокий внутренний мир объекта, в который переместился.

Тем временем юный киллер вышел из метро на станции «Университет» и направился к офису, куда примерно через полчаса должна была прибыть его жертва. Взглянул на мобильный телефон с целью определить, который час. Запас времени еще был. Остановившись у киоска, после некоторых колебаний купил бутылку пива (хотел бутылку «Ром-колы», но решил не употреблять свой любимый напиток перед делом — расслабляет) и небольшую ароматную сигару. С наслаждением приложился к стеклянному горлышку, прикурил, выпустил изящной струйкой дым и критически осмотрел себя в темном стекле витрины.

Маскарад Диме нравился. Вместо привычной трехцветной банданы сейчас его голову украшала дебильная вязанная негритянская яркая шапочка-гандончик, как у того мелкого кривоногого лысого урода из «Дома 2». На пальцах вместо привычных ажурных серебряных перстней штампованные «печати» с черепами и костями, а на кистях вместо утонченных браслетов цепи грубого «собачьего» плетения.

Такие же «серьезные» изменения произошли и в одежде студента: стандартная просторная рубаха с длинными рукавами в красно-черную клетку уступила место широкой полинялой футболке, модные джинсы — просторным бесформенным летним штанам, а вместо стильных туфель на ногах красовались стоптанные кроссовки.

Через плечо была перекинута джинсовая «смеховская» сумка, в которой среди вороха старых газет находился заряженный пистолет с самодельным глушителем. Роль последнего исполняла (идея также позаимствована из знаменитого фильма) прикрученная к стволу пластмассовая бутылка из под «Кока-колы». В нее Дима тщательно под самую завязку натрамбовал мелкопорванных тряпок.

Особую гордость в плане изобретательности по части маскировки у Курочкина вызывала фальшивая наколка-самоклейка. Огромный яркий дракон, нанесенный им на

предплечье правой руки непосредственно перед выходом на дело, обязательно бросится в глаза всем потенциальным свидетелям. А после акции смыл змея и порядок. Нет никаких особых примет. Словом, как было уже сказано выше, киллер Дима своим внешним видом был доволен.

Не вызывал у него сомнения и выработанный единолично на базе тех же киносюжетов план проведения акции. Прелесть, действенность и в тоже время оригинальность заключалась в его незамысловатости. Клиент начинает медленно парковать свою «Хонду» (к десяти утра вокруг подъезда, где располагается офис фирмы, свободных мест практически нет, парковщик непредусмотрен). Дима, размахивая газетами, делая вид, что не заметил машины, «случайно» задевает кузов автомобиля и бежит к водительской двери извиняться. Одновременно, исходя из своей легенды продавца свежей прессы, предлагает газеты. Вне зависимости от реакции мужчины, говорит:

— А у меня специально для Вас есть газета с сенсационными новостями о пластической операции главного вокалиста-ректора страны на самом важном органе для певца… — и опускает правую руку в джинсовую сумку.

И тут вместо газеты на свет появляется пистолет Макарова. «Или доставать не надо?» — в который раз заколебался Дима.

Руку в сумку и сразу сквозь джинсовую материю… Да, пожалуй, надо стрелять так, не доставая. Хлоп, хлоп… Дело в шляпе! Клиент готов! Центр города, снующие туда сюда, сами в себе, деловые люди. Им смотреть по сторонам некогда. Да и кто там обратит внимание на негромкие хлопки выстрелов из пистолета с глушителем или на занимающегося исполнением своих непосредственных обязанностей продавца газет? Во всех фильмах, ну практически во всех, такие операции у киллеров проходят гладко. Раз, два и готово! А если кто-то что-то и заподозрит, так есть запасной вариант — через проходной двор ускоренным шагом двухсотметровый марш-бросок к станции метро и все. Пока там суд да дело…

Курочкин допил пиво, с сожалением выбросил недокуренную и до середины сигару и бодро потопал через подземный переход к исходной точке. Мучило его в этом плане только одно неразрешенное на этот момент обстоятельство — какую все же фразу сказать во время разрядки пистолета в мишень? Это был единственный пробел в его слаженном алгоритме действий.

За последние дни он перебрал в уме все просмотренные на данную тему фильмы с подобными сценами, и ничего толкового, как ни странно, они ему не подсказали. В этом вопросе была в мировой индустрии кинематографа какая-то недоработка.

Или высказывания актеров ему не нравились совсем, или они были слишком длинны и не особо изящны, или не подходили по смыслу, или Дима не помнил их дословно. А зачастую киллеры стреляли в свои мишени вообще молча, что творческой натуре Курочкина было просто непонятно. Как же так? А где же главное? Без фатальной фразы как-то неправильно… фальшиво…

«На этой пуле твое имя! Получи свинцовую примочку, подонок!» — в конце концов, перебрав сотни вариантов посмертного напутствия клиенту Дима решил остановиться на этих двух финальных фразах. Можно было бы поразмышлять еще, но откладывать было уже некуда, время вышло, Курочкин оказался на месте. Остановился под каштаном, взглянул в окошечко мобильного телефона: «Девять тридцать четыре. Осталось недолго!»

Достал из сумки несколько газет. Посмотрел по сторонам. Непосредственно у нужного подъезда можно было припарковать еще три машины. Как раз в этот момент одно из свободных мест, тяжело перевалившись через бордюр и въехав двумя передними колесами на тротуар, занял черный, как беззвездная ночь, и крупногабаритный, как небольшой автобус, внедорожник «Тойота» с тонированными стеклами. Из него почему-то никто не вышел. Свободных мест на стоянке осталось два.

По узкому тротуару между шестиэтажным офисным зданием и проезжей частью суетливо спешил деловой люд. Дробно стучали каблучками сексопильные офис-менеджеры в коротких юбках и строгих блузах. Молодые клерки в недорогих костюмах и при галстуках спешно несли свои портфели-папки к рабочим столам, дабы вовремя, до начала рабочего дня включить свои компьютеры и сделать суровые лица, старательно изображая последующие восемь часов титаническую работу мысли.

Не обремененные такими заботами кейсовладельцы в возрасте за сорок неторопливо выбирались из машин и вальяжно преодолевали последние метры до созданных многолетним трудом уютных оазисов рабочей жизни пешком. Их костюмы и галстуки дешевыми назвать было никак нельзя. Это были хозяева жизни. Именно им принадлежал этот суетный деловой мир со всеми потрохами: офисами, забитыми разнообразной оргтехникой, машинами всевозможных мыслимых и немыслимых моделей, заводами, шахтами, фабриками, самолетами, вертолетами, деньгами, ценными бумагами, девочками, мальчиками и прочим, прочим, прочим…

Среди этого, определенной направленности, люда Дима заметил несколько собратьев-студентов, рассекающих толпу мелкой рыбешкой, и почувствовал, как его тело наполняется

гордостью. Вот она доходит до подбородка, останавливается и начинает давить изнутри, распирая грудную клетку.

— Ну-ну! Шныри! Бегите на свои лекции, семинары, коллоквиумы! Суетитесь, прогибайтесь! Сдавайте зачеты и экзамены! Коль ни на что путное не годны, шестерите перед преподами! — негромко произнес Курочкин и, повинуясь внезапному импульсу, отстегнул клапан джинсовой сумки, запустил руку вовнутрь и ощутил ребристую рукоять пистолета. — А я теперь человеком буду! Настоящим, с большой буквы!

Фантазия тут же с готовностью вытащила из подсознания давно сформировавшийся четко очерченный контур счастья: клевый прикид, своя квартира в центре города, дорогая машина, рядом, на пассажирском сидении классная чувиха (как вариант — Нефертити, а там будет видно). Ну и дальше по смыслу: казино — рулетка, отдых — заграничные пляжи, кабаки — кухни народов мира, изысканные спиртные напитки…

Дима так увлекся своими радужными мечтами, что заметил нужную машину уже тогда, когда «Хонда» — «Аккорд» занимала предпоследнее свободное место на пятачке перед подъездом. Дима вздрогнул, с горем пополам поборол внутренние метания, опустил руку под клапан сумки и двинулся в сторону машины. Его прошиб озноб, случилось непредвиденное — он забыл выбранную цитату:

— Блин, как же? «Я вернусь?» «Прокатимся, бэби?» «До свидания, детка!» «Я соврал?» Нет, нет. Не то! Все не то! Как же теперь быть? Ну что же это такое? Может: «Ты покойник?» И это не то…

Курочкин чуть не плача приблизился к водительской дверце уже припарковавшейся «Хонды», когда его ослепила яркая вспышка, и грохот грома ударил по барабанным перепонкам, отшвырнув горе-киллера от в доли секунды превратившейся в факел машины. Где-то сверху громыхнуло второй раз, на голову Диме посыпались осколки стекла — это еще одним взрывом вынесло два окна, расположенных на четвертом этаже.

— Это, наверное, и есть офис, куда ехал хозяин «Аккорда», — отрешенно произнес Дима. — Получи свинцовую примочку, подонок! — добавил так же вслух всплывшую в памяти сакраментальную фразу несостоявшийся киллер и ошалело огляделся по сторонам.

Сумка валялась в нескольких шагах, рассыпавшиеся по тротуару газеты местами воспламенились и горели небольшими костерками. В суматохе разбегались люди, горела «Хонда» с его первым, но не случившимся клиентом внутри. Языки пламени

уже перекинулись на две машины, стоящие рядом, рванул с места, подальше от огня и неприятностей внедорожник «Тойота», где-то вдалеке раздался вой сирены.

Только теперь Курочкин заметил, что он сидит прямо на асфальте, вытирает левой рукой струящуюся по лицу кровь, а в правой сжимает непригодившийся пистолет Макарова. Подоспевшие милиционеры в форме быстро освободили его от оружия, защелкнули на руках металлические браслеты и без особых церемоний поволокли к патрульной машине.

— Надо было на авансе в тысячу долларов все-таки настоять! — это была первая пришедшая после взрывов Диме на ум четко выраженная мысль. — А так, за шестьсот бакинских всего-то…

Я хотел было ему ответить, но не стал. Смысла в этом не прослеживалось никакого. Прибережем слова для дяди Грача. Ему-то, наверняка, есть, что сказать, а уж ответить мне — тем более.

Умножая познания, умножаем скорбь

В этот раз мое возвращение было ровным и спокойным. Без малейших треволнений. Словно с привычной службы к родным пенатам. Правда, вместо последних встретил меня, как обычно, мой многоликий наставник, в уже становившемся привычным для меня полуэфирном, получеловеческом облике. Посмотрел на свои руки, ноги, грудь, живот… Я выглядел так же. Практически полная прозрачность и необычайная легкость во всем теле.

Находились мы в некоем очень большом помещении с высокими потолками, грязными серыми стенами и запыленными окнами. Смахивало оно на металлургический цех или какой-то иной промышленный объект. Правда, судя по внешнему виду, давно не работающий. Ковши, кран-балки, конвейера, рельсы с вагонетками, швеллеры, направляющие с транспортерных линий, станки, груды прочего металлолома и откровенного хлама громоздились в беспорядке по всему пространству огромного ангара.

— Это зачем все? — я вопрошающе обвел взглядом окружающие предметы. — Что ты этим хочешь сказать?

— Неужели не нравится? По-моему, аналогия полная, к тому же, выглядит довольно символично, — он витал в позе лотоса над толстой, миллиметров в двадцать, металлической поверхностью рабочего стола с прикрученными на угол огромными ржавыми тисками.

— А на мой взгляд, это чересчур жестко, слишком мрачное сравнение, — не согласился я, неторопливо перенес легкое, как пушинка, тело через верстак и примостился неподалеку, по другую сторону бесформенной кучи всевозможных металлических деталей, запчастей, заготовок и инструментов, сваленных посредине стола.

— Да? Что ж, дело вкуса…

— Скорее — восприятия.

— Ладно, оставим философский аспект. Он нам сейчас ни к чему. Ну, как тебе такая современная молодежь? Типовая? — ехидно, что уже вошло в привычку, поинтересовался дядя Грач.

— Да уж, — неопределенно протянул я. — И от таких особей для моей страны тоже толку мало. Хотя не все же они так дебильно разложены виртуальными киноучителями? Восприимчивы к дурным вкусам, фальшивым ценностям и подвержены чуждым для нашего народа интересам. Кроме откровенных дегенератов, есть же и другие…

— Конечно, — азартно кивнул он. — Есть еще в твоей стране

очень правильные, прилежные мальчики и девочки, которые тщательно учат менеджмент, маркетинг, банковское дело, юриспруденцию, IT-технологии, PR, прочие мудреные предметы из этого же ряда. Они уже мечтают продавать в огромных количествах: компьютеры, автомобили, дома, квартиры, земельные участки, акции, мобильные телефоны, ботинки, куртки, рубашки, юбки, брюки, часы, зажигалки, сигареты, алкоголь, жвачки…

— И жаждут стать в своих смелых дерзаниях героями нового общества всеобщего потребления, — закончил, поняв его мысль, я. — Главный смысл такой жизни ясен: больше зарабатывать, больше тратить.

— Совершенно верно. И это не все. Есть еще одна прослойка. Это особо продвинутая молодежь, которая уже сегодня, не дожидаясь совершеннолетия, старательно лицемерит с трибун о социальном неравенстве, всевозможных угрозах из-за рубежа, плохой экологии, маленьких пенсиях, высоких коммунальных тарифах и любых других проблемных для страны вопросах с единственной целью — везде максимально засветиться. Они старательно набирают баллы, ревностно следят за рейтингами. Проводят фальсифицированные соцопросы и оголтело горланят на многочисленных уличных акциях. Радуются, как великой победе, каждой удачно проведенной подлой комбинации. Про этих подростков забывать не стоит ни в коей мере. Это растет достойная смена вашим сегодняшним политическим лидерам.

— Так что же, на современное подрастающее поколение надежды нет совсем? — я растерянно посмотрел в глаза визави, неожиданно запутавшись, как муха в липкой паутине, в этом вываленном мне прямо на голову потоке негатива.

— Как это нет? Хм. Сказанул. Нет… есть… — дядя Грач сделал клевательное движение головой и провел рукой прямо сквозь губки тисков, видимо желая погладить их поверхность, да позабыв, что он сейчас не в человеческом облике, и подобный контакт невозможен. — Не о том речь. Все гораздо проще и сложней в то же время.

— Это что за ребусы? — я в знак солидарности также погрузил руку почти по локоть в двухсантиметровую металлическую поверхность стола. Выглядело затейливо.

— Есть первопричина. Но, по порядку. Не будем торопиться. От простого к сложному. То, что в любую юную голову можно загружать все что угодно, как в новый компьютер, это понятно. Или есть сомнения?

— Никаких «или»! — безапелляционно заявил я. — Так и есть. Какие файлы в черепную коробку человеку смолоду

загрузишь, такая программа и будет руководить данным индивидом. Определять его мировоззрение и обуславливать поступки…

— Верно, — снова кивнул, на этот раз с явным одобрением, дядя Грач. — А у вас вот уже почти два десятилетия государство совершенно не занимается вопросом воспитания подрастающего поколения. Абсолютно. Даже просто элементарной полезной занятости не придумало и не обеспечило. Подростки предоставлены сами себе. Природа, как общеизвестно, пустоты не терпит. Поэтому этот пробел заполняет…

— Кто попало, — вставил я.

— Не совсем. Во всяком случае, все не так просто. Смотри. Изначально. Самая важная задача любого государства — это формирование определенного типа сознания. Всегда был, есть и будет государственный заказ на ориентиры, которыми должен руководствоваться гражданин определенной страны. Нормы поведения или мораль, проще говоря. Это априори. Ее контуры, определенные как правильные, государство формирует и поддерживает с помощью культуры, школы, института семьи, цензуры, средств массовой информации и тому подобного. Рычагов много. Сфера воздействия на сознание народа в любом нормальном государстве — дело сугубо внутреннее. Любое, даже малейшее вторжение извне в процесс моделирования сознания считается смертельной опасностью для этого общества.

— Этноса…

— Этноса, государства, общества, народа… Называй как хочешь, смысл от этого не меняется: в данный момент речь идет о людях, которые идентифицируют себя как граждане независимой Украины. Что у вас происходит здесь и сегодня? Беда, чреватая катастрофой. Кто-то прорвался к пульту управления формирования сознания народа и задает не первый год направление движения…

— Причем, катастрофа не за горами, — мрачно согласился я.

— Это куда страшней, чем наводнение, извержение вулкана или землетрясение, — согласившись легким кивком, не останавливаясь, продолжал дядя Грач. — Ни одно государство не исчезло с карты мира из-за экономических кризисов или стихийных бедствий. Если у народа есть стержень, он справится с любой бедой. Но если все построено на экономических законах, без идеологии, такое государство обречено. Чистая экономика — это стопроцентный прагматизм. Она направлена на получение прибыли любой ценой. Толкать человека вниз всегда проще, чем тащить его вверх. Продавать порнографические журналы выгодней, чем тома классической литературы. Торговать

алкоголем и сигаретами проще, чем заставить нацию понять, что нужно заниматься спортом. Обанкротить государственный завод и продать станки на металлолом, скупив акции за бесценок, проще и доходней, нежели налаживать производство, вкладывать деньги и создавать рабочие места. Система координат коммерческого подхода ко всему высасывает из народа все плодотворные соки. Она просто походя, не напрягаясь, убивает все некоммерческие институты…

— Ты говорил что-то о заданном кем-то направлении движения, — насколько смог тактично, напомнил я.

— Да. Движение вашей стране задано грамотно. Никакой явно выраженной агрессии извне. Тонкая психологическая комбинация, основанная на глубоком изучении и, как следствие, отличном понимании украинского менталитета. Все своими руками. Самоуничтожение. Запущены многократно апробированные механизмы. Уничтожение национальной культуры, образования, производства, сельского хозяйства, здравоохранения, армии. Деградирует общество, институт семьи, школа. Мораль меняется кардинальным образом. Патриот — дурак, вор — герой. Почему? Да потому, что вор ездит на «Мерседесе», а патриот на метро. Вот и все! Просто и наглядно. Если добавить сюда «половое воспитание», а точнее, нагнетаемую доктрину свободной любви и сексуальной вседозволенности, проституцию, плюс наркоманию, алкоголизм — получится полная картина. Круг порочный и самоподдерживающийся. Выбраться из него практически невозможно. Центробежная сила неминуемо сносит ваш, бегущий по кругу лжи, народ в пропасть. Особенно когда звучат лицемерные речи о некой новой правильной демократии, ее ценностях, возрождении духовности, нравственности, светлом пути и тому подобном.

— М-да, — я хотел добавить пару слов о моем полном согласии с его выводами, но решил не перебивать.

— Ежедневно, тебе, как бывшему журналисту, это известно лучше, чем кому бы то ни было, идет безостановочное и изощренное издевательство с экранов телевизоров, со страниц газет и журналов над всем добрым и прекрасным, над общечеловеческими ценностями. Продукты нового «искусства» широко пропагандируются средствами массовой информации, подкрепляются призами, премиями.

— Конечно, знаем, как и за что раздаются эти пальмовые ветви первенства, — пробурчал я себе под нос.

— Даже современные книги, не говоря уже о завываниях сегодняшней вашей эстрады, пестрят ненормативной лексикой и откровенной порнографией. И они признаются лучшими книгами

года! Что ж это за страна такая у вас получилась? Кто-нибудь задумывался над тем, какие продукты, непосредственно влияющие на подрастающее поколение, признаются лучшими? Эти признаки официального признания мерзости бьют наповал. Народ с такими кумирами обречен. Молодежь начинает воспринимать весь этот глубоко аморальный негатив за норму. Начинает… что там начинает, уже стремится к таким стандартам, считает их правильными и модными. И это не ошибка, не отсутствие необходимой квалификации у работников средств массовой информации — это яд, который вводится прямо в вену будущему Украины. Один ваш легендарный «Канал мерзких новостей» чего стоит! Не закрывающийся ни на секунду мусоропровод огромного диаметра, направленный прямо в сознание народа. А люди в вашей стране, и не только юного возраста, привыкли верить тому, что говорят по телевидению и радио.

— Ну, уже не так сильно, как раньше, — несколько вяло, терзаемый мыслями о другом, возразил я.

— Тем не менее. Базовые ориентиры все равно остались, — легко парировал дядя Грач. — Еще одно из негативных направлений — это приучение к безобразному, как к норме. Дети уже не воспринимают уродство, неполноценность, мерзость, как что-то чуждое, страшное, неприятное. Они начинают любить этих уродливых по определению мультипликационных персонажей. Идет отказ от сложившегося веками в вашей культуре чувства безобразного. Эти реформаторы поставили прямо противоположную задачу — приучить к безобразному, как к норме. Если красота спасает мир, то восприятие противоестественного, наоборот, его губит. Брезгливость, инстинктивное неприятие безобразного было важнейшим условием эволюции человека и поддержки здоровья всего человечества, его реализации как биологического вида. Здесь же процесс с точностью наоборот. Все это происходит благодаря сегодняшней власти. Они подобны змее, жалящей себя в хвост. Коррупция разлагает страну изнутри. Причем, по всем направлениям. Примеры привести?

— Ну приведи.

— Пожалуйста. Закупают за бюджетные деньги негодную, никому не нужную вакцину по завышенным в разы ценам и законодательно утверждают обязательное проведение этих прививок. В результате аферы гибнут дети, а деньги расходятся по бездонным чиновничьим карманам. Виноватых… ауууууу… нет. В другом, нормальном, государстве министр здравоохранения, или кто там ответственен за гибель детей, подал бы в отставку и

застрелился. А у вас?

— А у нас никто не виноват. Я не я, и лошадь не моя. И все на своих местах, — горько согласился я. — Сами как-то виноваты детишки, не тем позавтракали перед вакцинацией…

— Вот. Дальше. Хищнически, без разбора, все подряд, вырубаются леса, отбирается без всяких разрешений на стройки природный камень из русел рек. В результате — нарушение экологической системы региона и пострадавшие от наводнения люди. Опять-таки, виноват в этом… кто? Никто. Стихия. А выводы никто не делает и не собирается делать. А зачем? Лес продолжают уничтожать, камень вывозить, прилично зарабатывая и на том, и на другом. Пострадавших людей все инстанции дружно водят за нос, рассказывая всякие многообещающие байки, в тоже время, по наработанным годами легальным, полулегальным и откровенно воровским схемам растаскивая выделенные из резервного государственного фонда на помощь им деньги. Так?

— Так.

— Следующий вариант. Очень похожий на предыдущий. На ваших шахтах люди гибнут каждый месяц. Авария за аварией. И по той же банальной причине. Не доходят деньги до необходимого целевого использования. Не тратят их ни на модернизацию производства, ни на необходимый крепеж, ни на прочие, столь необходимые, превентивные меры безопасности. Коррумпированные чиновники давно научились все эти средства красиво выводить из отрасли и пускать их исключительно на личные нужды. Оттуда и такая смертность подземных рабочих. Продолжать?

— Хватит, — махнул рукой я. — Сам могу до утра подобные вещи рассказывать. Все это знаю не хуже тебя.

— Может даже лучше, — не стал возражать он. — Ты прав, этот список бесконечен. По всем направлениям, во всех областях человеческой жизнедеятельности у вас происходит нечто подобное. Остановимся.

— Лучше скажи, ты же все знаешь: это все происходит у нас само по себе? Потому что мы такие или…

— Или, — не стал дослушивать мой вопрос дядя Грач. — Вернее: и так и так. Разобьем на два аспекта. Первый. Если высказаться академическим языком, то эта страна уничтожается изнутри, способом манипуляции недовольством народа и хищническими притязаниями мелкодумающих власть имущих. Тебе, я думаю, понятно…

— Подожди секунду… — я пропустил фразу через мозг еще раз, переосмыслил, — понятно. Продолжай.

— Но и помощников в этом деле у Украины хватает. Это уже вторая составляющая. Пойми одну простую вещь: никто в мировом сообществе не хочет, не желает видеть твою страну богатой, независимой, гордой и свободной.

— То есть как? — не сориентировался я.

— А ты подумай, какой стране в мире нужны серьезные конкуренты? Кому нужна еще одна мощная держава, которая будет не сырьевым придатком, не рынком сбыта залежалых некачественных товаров, не свалкой для химических и радиоактивных отходов, не площадкой для вредных производств, коей сейчас является ваша страна? А? Кому нужно еще одно государство на карте, которое будет диктовать условия, влиять на мировую политику, завалит сельскохозяйственной и промышленной продукцией всю Европу, и не только, которое займет лидирующую позицию по новым технологиям… И прочее, прочее, прочее, позиций много. Кому такое будущее надо? Кроме самих граждан Украины, никому! А потенциал у вашей страны огромный, серьезные игроки в мире это понимают и поэтому применяют, не скупясь на средства, все возможные превентивные меры. В том числе активно участвуют в ваших выборах… Если здесь к власти прорвутся достойные люди на какой-то нормальный срок и честно поработают… ууууууу, многие в мире недосчитаются своих прибылей.

— Ты в этом смысле… Ну да, конечно, — кисло согласился я. — Этот расклад мне понятен. Неужели все это происходит из-за нашего ресурса?

— Не только, опять-таки. Много политики, много денег, много амбиций. Мало порядочности и мудрости. Ладно. Вернемся к тому, с чего начали. К воспитанию подрастающих граждан Украины. Это, как ты понимаешь, ключевая задача…

— !!! — я энергично закивал головой.

— Тут один из ваших так называемых политических деятелей недавно осатанело и истошно, брызгая слюной, орал с экрана: «Мы независимая гордая страна. Наша нация боевая. Мы готовы ко всему! Если кто-то к нам сунется — милости просим — порвем любого агрессора!» Дословно не помню, но что-то в этом духе…

— Примерно так. Я тоже его слушал.

— Тем более понимаешь, о чем речь. Так вот, отсюда вполне резонный вопрос: кто рвать будет? Он об этом подумал? Кого именно он имел в виду? Вы воспитали свободных, смелых и гордых людей, готовых пролить свою кровь за это государство? Ну, пару тысяч скучающих между выборами экстремистов здесь, безусловно, найдется. В порядке развлечения и заработка пойдут, постреляют, но это совсем не то… А где взять больше? Кто еще

захочет рисковать жизнью за государство, которое не любит и не уважает? Ляжет страна под первого же интервента, никто из народа воевать не пойдет. Не за что! И некому! А для того, чтобы было, надо системно, из года в год, из десятилетия в десятилетие, заниматься воспитанием подрастающего поколения. Вот тогда и появится в стране гордая, сильная и смелая нация, готовая ради своей великой Родины на все…

— То есть, ты хочешь сказать, что нам не хватает работы в идеологическом направлении? — несколько глупо поинтересовался я.

— «Не хватает?» — передразнил дядя Грач и засмеялся. — Да она у вас напрочь отсутствует. Какая идеологическая работа? Откуда? Вспомни великое тоталитарное, многократно обруганное государство Советский Союз. А ведь там есть чему поучиться. Сколько сил, времени и денег было положено на воспитание достойной смены. Октябрята, пионеры, комсомольцы. Дети ни на каком этапе формирования не оставались без присмотра. Главное, конечно, давала семья и школа, но кроме этого, — он начал загибать пальцы, — спортивные секции, кружки всех возможных направлений, турпоходы, смотры, конкурсы, политинформации, соревнования, военно-патриотические игры «Зарница», «Орленок»… Всего не упомнишь и не перечислишь. Неусыпная забота и неустанная опека мудрого государственного аппарата не покидала будущих строителей коммунизма ни на секунду.

— Так промывали мозги…

— Совершенно верно. В этом-то и суть! Буквально уже через два-три поколения от нулевого цикла люди считали величайшей честью отдать свою жизнь за самую лучшую страну. Даже не задумываясь. Хорошему можно учиться даже у плохих! Возьми извечных конкурентов Россию и Америку. С утра до вечера и там и там людям вбивают в головы гордость за свою страну. Фильмы, книги, журналы, газеты, телепередачи и т. д. и т. п. А вообще, о чем мы говорим? Воспитывать молодежь надо. Это априори. Что слепишь из них, то и будет. Сейчас занимаются вашей сменой совсем другие люди, к тому же, проживающие не на территории Украины. Поэтому и такой результат. Полное разложение, дебилизация и деградация. Сам знаешь. Таких же проще обобрать до нитки, обвести вокруг пальца и заставить вкалывать на импортного дядю даром.

— Сильно ты их заставишь работать. Так и пошли. Разбежались, — вспоминая свои самые яркие случаи общения со столичной молодежью, недовольно пробурчал я. — Хотят много и сейчас, амбиций выше крыши: квартиры, машины, дачи, швейцарские часы, итальянские туфли, английские костюмы и

так далее по списку, а работать… вот вам дулю!

— Это другая сторона медали. Она тоже довольно емко их характеризует, но уже с другого бока. И, конечно, совсем не в положительную сторону. Это не так интересно. Вот лучше я тебе приведу другой пример влияния на людей. Сегодняшнего дня. Коммерческая Церковь Негра. По миру несколько десятков центров. Успех грандиозный. У вас она тоже довольно хорошо прижилась, кстати. Обратил внимание, как там грамотно все построено? По интересам. Мухи отдельно, котлеты отдельно: народ сортируют по профессиональной принадлежности. Для каждой ситуации в жизни отдельная квадратура общения, иная литература. Все предусмотрено. Комфортно и выгодно. С каждого за вхождение в этот круг избранных десять процентов от всех доходов. От налоговой можешь спрятать, а здесь нет. Обратку в тонком мире получишь сразу. Народ верит и несет. Разбирался в этой ситуации?

— А то как же! Бизнес от религии.

— От веры. Бизнес на вере, — поправил дядя Грач. — Вообще торговля духовными ценностями — отдельная тема. Церковь, религия это предмет для беседы не на один день. А я тебе просто привел пример по теме: кто людьми занимается, тот и результата достигает. И какого результата! О-го-го! Народ пить, колоться бросает, начинает позитивно мыслить, осваивает ремесла, семьи создает, детей рожает и воспитывает! Причем, кроме всего этого, еще и деньги приносит. Регулярно. Вам у этого негра тоже есть чему поучиться. Главное — работать надо!

— Смысл понятен. Только вот если не на современную молодежь все ставки ставить, а… — я задумался, оборвав фразу на полуслове. Действительно, к чему сотрясать воздух, если твой собеседник прекрасно считывает и понимает твою каждую невысказанную мысль.

— Вот. Правильно. Не одно направление должно быть! Ищи, занимайся. Теперь ты можешь сам. Все, что нужно для этого, ты уже получил. А у меня, кроме тебя, дел выше… — он провел рукой где-то высоко над головой, — стратосферы. Вперед! Дерзай! Увидимся!

— Но как же мне… — на кончике моего языка вертелись сотни вопросов, но задавать их было уже некому. Его контур начал светлеть, и спустя несколько секунд дядя Грач просто растворился в воздухе.

Я вздохнул, плавно оттолкнулся от столешницы, выполнил петлю Нестерова по большому радиусу и на триста шестидесятом градусе оборота растворился в пространстве, покинув навсегда этот символично остановившийся цех. Решение было простым,

прав он, мой мистический наставник: надо искать! Надо работать! Тогда и результат будет. А начать надо с тех, кто по служебному долгу обязан заниматься вопросами, которые мы только что проговорили.

Концепция

Объектом следующего посещения мною был избран один из сотрудников Комитета по делам духовности и морали. Кому как не им, рассудил я, в силу своей профильной деятельности и, вероятно, избранности (ведь не берут же в святая святых — идеологический аппарат страны — кого попало просто с улицы) быть озабоченными состоянием дел в стране по этому направлению.

Главный специалист аналитического отдела Николай Прохоров сидел на своем рабочем месте (в кабинете их было пять), внимательно вглядываясь (а вдруг войдет кто из начальства) в открытую страничку официального сайта Комитета на мониторе компьютера. Его лицо озабоченного мировыми проблемами Диогена совершенно не соответствовало мыслям, заполняющим его оба полушария. Я вник в их ход…

«Ублюдки, скоты, мудаки, уроды! Ведь обещали с первого числа заработную плату повысить! И что? Болт завода Артема на все лицо. Как я теперь долги раздам? Петренко вон второй месяц семьдесят гривен должен, скоро напоминать начнет! А у Естратовой сорок недели три назад взял до аванса. Отдать не смог. Она уже вчера подколола, сука. Как жить? И так не хватает ни на что. Опять в конце месяца занимать придется.

Еще и концепцию развития повесили писать. Какая концепция? Какое развитие? Придумали! Петренко писал, Сергеев пишет (сидит вон пыхтит придурок-бессребреник за перегородкой), теперь вот и до меня очередь дошла. Вкалывай, Коля Прохоров. Дерзай! А денег подбросить или в должности повысить… хренушки, конечно. Как я на такие деньги семью прокормлю? На рынке килограмм мяса, как моя дневная норма оплаты труда. Жена из дома скоро выгонит. Концепция развития… Блин. Делать им не хрен! И отчет за прошедший квартал приготовь, и план мероприятий на следующий месяц напиши, еще и эту концепцию… Тьфу… Для кого вообще ее писать? Кому она нужна? Глаза замылить вышестоящим, разве что. Для страны, для народа? Оно им надо? Как и мне. И вообще…»

Николай бездумно поводил курсором мыши по экрану монитора, навел на кнопку «Новости из регионов» и нажал левую клавишу. Компьютер послушно открыл заказанную страничку, выдав кучу информации о наркопритонах, подпольных публичных домах традиционной и нетрадиционной ориентации, порнографических видеостудиях с участием в съемках как

взрослых, так и детей изо всех областей страны. Мысли главного специалиста потекли в ином русле и совсем в другой тональности:

«Мрак, жуть. Куда ни плюнь. Что творится! В какие это ворота лезет? Аяяяяй! Какая у нас богатая страна, а вот люди, населяющие этот прекрасный край от Чернигова до Севастополя и от Ужгорода до Донецка, совершенно не заслуживают такого счастья. Этой земле не повезло с населением. Абсолютно. Самобытные вы наши…

Мелочные, завистливые, мелкокорыстные, трусливые, гадкие. Ни на что не способны, кроме пакостей! Готовы судиться десятилетиями за спорный метр огорода. Воровать по ночам картошку с соседнего земельного пая, а уходя, злорадно вытоптать урожай и нагадить. В глаза елейно льстить, а за спиной желчно лить грязь двадцатилитровыми ведрами. Считающие высшей доблестью мелкий обман и подлость: отравление чужой собаки (чтоб не гавкала, падла!); продажу на рынке протухшей курицы (а я ее хорошенько уксусом и все: запаха нет, а эта городская дура купила!); установку в своем доме новых пластиковых окон, снятых с плохо охраняющейся новостройки (кум под утро подогнал «Газель», а я их так тихонько ломиком!); заправку на АЗС потребителей разбавленным бензином (у лохов, которые у нас горючку берут, движки регулярно накрываются, зато мы по лишней сотке баксов с каждой тонны имеем!).

Вот чем громко и не стесняясь хвастаются характерные представители страны. Вот они, рядовые герои Украины сегодняшнего дня. Какие люди, такие и ценности. Страна уродов. Что с них взять?

Государство о них «бедных» не заботится. А кто такое оно — это ваше государство? Кому о вас заботиться? И что более важно, зачем? Кому вы нужны? Весь управленческий состав не завезен к нам, скажем, с созвездия Большой Медведицы, а избран из таких же мелких жуликов с мышлением торгашей ворованными запчастями и валютных кидал, только, по теперешнему дню, они имеют существенно расширенное поле деятельности. Что они могут предложить своим избирателям? И чего вы все от них ждете? Манны небесной и больших черпаков? Ага… так и получите. Разве что дерьма, ну и, может, еще ложку… Да и ту, самую маленькую — чайную, чтоб не объелись…

А с другой стороны, откуда у нас в стране взяться людям с другим набором качеств? Рабскую психологию мелочных подлецов и приспособленцев культивировали из века в век. Выживаемость вида и все такое… Под одним игом, под вторым, под третьим… под десятым. Все гордые пращуры были вырезаны,

повешены, расстреляны, посажены на кол, колесованы, четвертованы, сожжены на костре, распяты на дыбе. Если не поляками, немцами, литовцами и австрияками, так своими же князьями, затем царями. Если не во времена самодержавия, так во время революции семнадцатого года. Если не во время гражданской войны, так в тридцатые годы чекистами. Если не в голодомор, так во время Второй мировой войны. Много этих страшных фильтров прошел народ Украины. И кто сейчас населяет эту страну? Потомки выживших, естественно.

А выживают, как правило, те, кто лучше прячется, а не храбро сражается. Те, которые стреляют в спину, а не встречают врага грудью. Те, кто лжет или молчит, а не говорит смело правду в лицо. Те, кто отлынивает от работы, а не честно вкалывает. Вот и имеем на настоящий момент то, что имеем, как сказал бывший президент.

Хотя во все времена проскакивали в украинской истории люди с большой буквы. Гениальные: военачальники, физики, литераторы, медики, спортсмены, представители многих других профессий. Но это исключение из правила. Народ продолжает плодить корыстолюбцев, карьеристов, стяжателей, мелочных обывателей и завистливых недоумков в огромных количествах. А Ярослав Мудрый, Хмельницкий, Мазепа, Сагайдачный, Булгаков, Шевченко, Патон, Амосов, Королев, Бубка — все те, кем действительно может гордиться эта земля рождаются на ней нечасто…»

— Во дела творит! Аналитик, главный специалист, работник духовного и морального фронта, так через так! Это же надо! — я вылетел, как пробка из хорошо встряхнутой бутылки с шампанским, из этого переполненного ненавистью тела, просто обалдев от такого количества, мягко говоря, нелюбви к своим соплеменникам и желчного восприятия украинской действительности.

Завис возле люстры, под самым потолком, в режиме стопроцентной прозрачности, собираясь с мыслями и разглядывая остальную четверку работников, находящихся в стенах этого кабинета. После посещения Николая Прохорова появилось чувство некоего дискомфорта. Это то, о чем предупреждал дядя Грач? Неприятно. Не по себе как-то.

Отгоняя негативные мысли, сфокусировался на единственной особе женского пола неопределенного возраста. Невзрачной, безвкусно и недорого одетой даме могло быть как тридцать, так и сорок, так, впрочем, и все пятьдесят.

Она с наигранной сосредоточенностью рассматривала обнаженные тела в очередном номере чересчур откровенного

столичного журнала, пытаясь провести предварительную экспертизу на порнографию. Женщина была тупа, как пробка, а суть ее незамысловата, как пожарный гидрант. Я это понял сразу же даже без посещения ее тела с проникновением в мысли. Впрочем, это было заметно, скорее всего, любому, и никакие нечеловеческие способности для того, чтобы сделать такой вывод, нужны не были.

Кто-то зачем-то устроил эту особь человеческого рода женского пола на государеву службу, а зачем — просто позабыл ей рассказать. Все здесь понятно. Пикантные журнальчики мадам листает по восемь часов в день, да рассуждает на отвлеченные темы во время чаепития. Проедает копеечную зарплату. Жалуется на жизнь. Пользы от нее никакой, но и вреда особого тоже вроде нет. Ясно, пусть сидит, как бы трудится.

Сколько подобного балласта по нашим государственным учреждениям натыкано, навешено. Наверно, больше половины персонала таким образом трудится: жены, дети, племянники, друзья, кумовья, одноклассники, одногруппники, любовницы, любовники…

Все это лирика. Давай вернемся к делу. Кто тут у нас есть еще? Демофоб, вернее сказать, хохлофоб, главный специалист аналитического отдела Комитета Николай Прохоров что-то там думал весьма нелестное про некоего коллегу Сергеева, — кстати вспомнил я и легко идентифицировал нужного человека по местоположению «за перегородкой» относительно Прохорова. Я шмыгнул невидимым облаком сквозь тонкий гипсокартонный перестенок и влетел в Алексея Сергеева. Сразу понял, почему он так не нравится моему предыдущему объекту исследования.

Алексей был молод и образован. Считал себя настоящим идеологом и творцом новой национальной идеи Украины. Искренне хотел принести пользу обществу. Верил в светлое будущее страны.

Этот романтик честно трудился на благо своего любимого Отечества. Он работал. Вкалывал много, увлеченно и с полной отдачей. Не думая о маленькой заработной плате и не занимаясь служебными интригами. Не жалуясь на нерадивое, глупое и узкокорыстное начальство. Не проклиная с утра до вечера, как многие вокруг, современный политический Олимп.

Работал на благо будущего Украины от рассвета до заката, не злобствуя и не лукавя. Его юношеский максимализм смело отбрасывал все недостойное и генерировал только позитив. В настоящий момент Сергеев воодушевленно корпел над упомянутой Прохоровым Концепцией. Я с огромным интересом вник в суть сего документа.

Концепция работы Комитета по делам духовности и морали

Вступление

Мораль — это наиважнейшая характеристика каждого общества. Мораль — это то немногое, что отличает человеческий род от мира животных. Это, проще говоря, те условности или правила поведения, о которых договорились между собой люди в определенной стране в некий временной промежуток.

Сейчас каннибализм нам кажется величайшей дикостью и позорным пятном на лице цивилизации, а несколько сотен лет назад на определенных территориях поедать таких же двуногих было просто нормой. Причем, героической. Убил врага, съел, значит воин!

В те же не столь далекие (в масштабах мировой истории человечества) времена святая инквизиция объявила высшей доблестью и неукоснительным в исполнении законом сжигать инакомыслящих на кострах, а английское, испанское, французское и португальское правительства разрешили своим «цивилизованным» солдатам снимать (за щедрую плату) с краснокожих врагов скальпы. Подобных примеров девиации морали много.

Таким образом, в зависимости от социально-исторических условий изменяется ее смысл. А функционирование выработанных многими поколениями людей моральных ценностей неумолимо развивается с ходом цивилизации. То есть, мораль не есть и никогда не была величиной постоянной — константой. Мораль возникает и развивается как способ межчеловеческих отношений из века в век, из тысячелетия в тысячелетие.

Она определяется и развивается в общении между людьми и является способом их сосуществования. Особенность этих отношений заключается в том, что социальная сущность человека проявляется в потребности общения с себе подобными, она реализуется непосредственно во взаимодействии с другим индивидом как с личностью, определяет цель межчеловеческих отношений и соответствующие способы их достижения.

Духовный характер моральной деятельности раскрывается в ее продукте — моральных ценностях, которые не имеют никакого материального проявления и совершенно не поддаются моделированию или

изменениям подобно законам или другим правовым нормам.

На планете Земля мораль эволюционирует с развитием общества. Во многих странах мира уже практически нет разницы между моралью и законом. Это означает: что морально — то законно, и наоборот, что законно — то морально. Закон и мораль — синонимы. Это достижение позволяет гармонизировать общество и сглаживать все заложенные изначально в любой народ мира противоречия и конфликтные предпосылки.

К превеликому сожалению, нашей Украине в этом смысле еще очень далеко до цивилизованных стран. Поэтому на сегодняшний день важнейшая задача государства — это в кратчайшее время изучить международный опыт решения этих проблем, обозначить пути реализации необходимых задач для оздоровления общества с учетом реальных условий. Нельзя не заметить, что много шагов в этом направлении уже сделано, но они остаются малоэффективными, несмотря на понимание руководителями всех уровней приоритетности этих архиважных задач.

Уже давно очевидно, что в украинской действительности пропаганда насилия, жестокости, сексуальной распущенности, неуважения к каким-либо общечеловеческим ценностям заполнили информационный простор. Эти негативные тенденции, как ржавчина, разъедают наше общество, разрушают само понятие общественной морали. Нужно немедленно найти кратчайший и эффективный путь преодоления этих проблем.

Одной из основных причин упадка моральных ценностей в Украине, бесспорно, есть недоработка государства. Правительство за все годы независимости практически не занималось этими важнейшими вопросами. Это связано с рядом объективных и субъективных причин, которые возникли при формировании Украины как суверенного государства. Как результат — упадок украинской национальной культуры, искусства, деградация общества.

Исходя из вышеизложенного, квинтэссенцией Концепции работы Комитета по делам духовности и морали есть:

во-первых, организация широкого общественного диалога по вопросам общественной морали с учетом

специфики народа Украины;

во-вторых, определение в открытой дискуссии моральных ценностей сегодняшнего украинского общества;

в-третьих, проведение необходимых мероприятий для утверждения этих моральных норм на территории Украины.

Миссия

Возрождение нравственности, духовности, моральности на всей территории Украины. Консолидация общества вокруг национальной идеи, формирование великогосударственного мышления, патриотизма.

Подготовка и обеспечение прорыва украинского общества в успешное высокоморальное будущее.

Для четкого взаимодействия и координации усилий по реализации стратегических и тактических задач Концепции необходимо сформировать долгосрочные направления-программы.

Основные тактические задачи:

А) Оздоровление моральных устоев и нравственных ценностей украинского общества, формирование культа здорового образа жизни:

1) пропаганда нравственности, порядочности, честности;

2) пропаганда спорта;

3) культивирование истинных общечеловеческих ценностей;

4) всевозможная поддержка любых произведений искусства, социальных инициатив, иных продуктов, ратующих за моральность и нравственность;

5) консолидация общества вокруг национальной идеи, этнических ценностей, основанная на богатом историческом наследии;

6) развитие великогосударственного мышления, национальной гордости и формирование патриотизма.

Б) Минимизация (в идеале ликвидация) производства и распространения продукции, которая:

1) пропагандирует фашизм и неофашизм;

2) пропагандирует войну;

3) пропагандирует национальную и религиозную вражду;

4) пропагандирует смену силовым путем конституционного строя или нарушение

территориальной целостности Украины;

5) унижает или обижает нацию или личность по национальному признаку;

6) пропагандирует неуважение к национальным и религиозным святыням;

7) пропагандирует жестокость, лицемерие, садизм;

8) унижает людей с физическими недостатками, душевнобольных, пожилых людей;

9) пропагандирует неуважение к родителям;

10) пропагандирует наркоманию, токсикоманию, алкоголизм, курение и другие негативные привычки;

11) пропагандирует порнографию, пошлость, потакает низменным вкусам.

Таким образом, формируется два основных направления работы:

А) нагнетание позитива;

Б) вытеснение (уничтожение) негатива.

Основные стратегические задачи:

1) создание единой комплексной программы морально-этичного развития общества и продвижение новаций на уровне идей, которые имеют свое отражение в совокупности гражданских принципов, правил и норм;

2) введение комплекса методик, которые требуются нашей стране для построения высокодуховного, морального общества;

3) принципиальный пересмотр политики государства в сфере поддержки организаций, которые несут доброе, разумное, вечное;

4) кардинальное изменение основных принципов работы этих организаций.

Основа будущей нравственности и моральности украинского общества целиком и полностью зависит от сегодняшнего воспитания молодежи!

Следует группировать подрастающее поколение в любые неполитические организации со здоровой программой действия и нравственным климатом произвольной направленности:

— Спортивные секции;

— Исторические кружки;

— Научно-технические кружки;

— Литературные клубы;

— Военно-патриотические клубы;

— Движение за экологию;

— И тому подобное.

Особое внимание следует обратить на организации с большим удельным весом молодежи (военно-патриотические клубы, спортивные секции, кружки, движения, прочие объединения по интересам).

Для этой цели надо поощрять систему внешкольного обучения молодежи, всячески поддерживать имеющиеся институции, создавать новые. Подрастающее поколение необходимо занять чем-то полезным. Дать каждому подростку стержень (по интересам) и всячески развивать и поощрять все направления.

Крайне желательно создать общегосударственное молодежное движение. Например, скаутское. Суть не в форме или названии, а в содержании. Квинтэссенцией устава организации должны быть такие нормы поведения: честность, порядочность, взаимовыручка, любознательность, гордость, патриотизм, прочее.

С помощью такого объединения молодежи государству будет гораздо проще прививать общечеловеческие ценности, пропагандировать здоровый образ жизни и формировать патриотизм у новых поколений украинцев.

Для достижения этих же целей наряду с комплексом других мероприятий следует разработать и расписать национальную идею. Никакое морально устойчивое общество невозможно построить без достойной национальной идеи. Мораль не может висеть в воздухе. Ее надо привязать к политике государства, пути развития общества, общим целям, которых стремятся достичь граждане Украины. Она должна быть краткой по содержанию и совершенно бесконфликтной.

На сегодняшний день мы исходим из факта, что прямое навязывание государством общественных принципов и норм есть путь к возрождению тоталитарного строя. Но базовые принципы построения общих моральных стандартов все же есть.

Нужно взять из истории все лучшее, сделать акцент на глубокие исторические корни нашего народа, в том числе, объяснить, откуда взялись трезубец, гривна, государственный флаг. Тональность ее должна звучать примерно так:

Нам есть чем гордиться! Наши предки основали Киевскую Русь, одержали массу великих побед, добыли славу и честь! У нас есть гривна, трезубец и желто-синий

флаг. Этим государственным символам сотни и сотни лет. Многих сегодняшних стран не было и в помине, когда наши предки уже имели эти атрибуты своей государственности.

Основная цель этого направления — культивировать у соотечественников гордость за страну, в которой мы все живем. Так исторически сложилось, что сегодня в молодом украинском государстве нет ни объединяющей национальной идеи, ни самой четко очерченной нации. Все это надо создавать ради будущего нашей страны и наших потомков.

На пути к возрождению духовности, моральности основное направление движения нашего общества можно отобразить в таких фразах (слоганах):

Это моя страна!

Это моя семья!

Это наши дети!

Какое будущее нас ждет?

Оно зависит от каждого из нас!

Сейчас объединить разобщенное грязными предвыборными играми политиков украинское общество можно только вокруг одной общей святой цели — это процветание и благополучие наших детей и внуков в великой, благополучной и богатой стране…

— Тут ты, конечно, прав, дружище Алексей. Объединить теперь нашу страну, после этих игрищ, которые выжгли в душах все святое и поселили туда ненависть, совсем непросто, — я вышел из тела Сергеева и взгромоздился прямо за его спиной на перегородку, отделяющую его от желчного аналитика Николая. — И вокруг чего-то другого, кроме будущего детей, тоже не особенно хоровод поводишь… Политологи, по-моему, уже перебрали весь перечень из возможного, кроме разве что искусственного создания образа общего врага. Механика сего действа апробирована в мировой практике неоднократно и всегда давала стопроцентный результат… Только вот в силу нашей специфики, скорее всего, у первой половины страны получится один общий враг, а у второй совсем другой, как ни крути… Не подходит это нам…

Я был согласен далеко не со всем, написанным честным тружеником Алексеем Сергеевым, особенно с выражениями типа: «Нельзя не заметить, что много шагов в этом направлении уже сделано, но они остаются малоэффективными, не смотря на понимание руководителями всех уровней приоритетности этих

архиважных задач». Да, да именно: «…много шагов сделано» и «…понимание руководителями» — это как раз оно. Но даже настоящий идейный человек, к коим, безусловно, относился Алексей, будучи на государственной службе, не может хотя бы мимоходом не лизнуть руководство. Закон Системы. Никуда от него не денешься. Не будешь соблюдать базовые правила, получишь красную карточку и окажешься за пределами игрового поля.

У паренька не было реальных рычагов власти, возможности влиять на события, но он искренне хотел что-то сделать для своей страны, не жалея ни времени, ни сил, ни здоровья. И это радовало. Такие люди и должны творить будущее Украины. Только дадут ли?

Мое самочувствие, да и настроение, сразу же улучшились. Да, это та причинно-следственная связь, о которой говорил дядя Грач. Так и есть. Хорошие люди и мысли — на пользу, плохие — во вред. Серьезная закономерность. И не пустячная… Ох и опасным качеством наделили меня!

А что тут с остальными сотрудниками? Меня разбирало любопытство относительно сути остальных работников этого духовно-морального департамента. Пока счет проигрышный: два — один не в нашу пользу. Бессмысленно протирающая юбку женщина, злобный Николай Прохоров на одной чаше весов и романтик-трудяга Алексей Сергеев на второй.

Я решил внимательно ознакомиться со всеми сотрудниками Комитета, ну или хотя бы для начала с теми, кто находился в этом кабинете. Ближайшим ко мне сидел за столом подтянутый седой мужчина в возрасте, по виду отставной военный.

Оставил перегородку и влетел в него. Седой оказался бывшим полковником МВД. Это был тот, кого принято называть честным ментом. Принципиальный и прямолинейный. Поэтому и за пределами милицейской системы оказался раньше, чем хотелось. Теперь ему было нужно досидеть где-то до необходимого пенсионного возраста два года. Невысокая должность государственного служащего в Комитете давала такую возможность.

Несмотря на узкий прагматизм его нахождения в данном качестве, он, по старой привычке, честно отрабатывал свою заработную плату. В этот момент писал план мероприятий. Я, сначала походя, а потом с нарастающим интересом принялся вникать в суть его работы.

Вытеснение с рынка Украины запрещенной и нежелательной продукции

В настоящее время в торговом обороте на территории нашей страны находятся:

а) запрещенная продукция. (Пропагандирующая войну, фашизм, неестественные половые связи, порнографию, жестокость, насилие, токсикоманию, наркоманию, алкоголизм, табакокурение, разжигающая национальную и религиозную вражду и т. п.)

б) нежелательная для гармоничного формирования нравственной личности продукция. (Примитив, пошлость, потакание низменным вкусам — основные критерии некачественных продуктов в области культуры, представленные в широком ассортименте на рынке Украины).

А) Мероприятия по вытеснению (в перспективе ликвидации) запрещенной продукции.

Для вытеснения с рынка Украины запрещенной продукции правоохранительным органам следует инициировать такие действия:

Точечная работа по крупному опту:

а) на стадии продуцирования;

б) во время оптовых поставок;

в) при дроблении крупного опта на средний и мелкий.

Цель.

Перекрытие крупных центров распространения запрещенной продукции.

Принуждение коммерсантов, занимающихся этим видом деятельности, переключиться на легитимный бизнес.

Масштабные мероприятия по мелкому опту и сетям реализации:

а) рейды по торговым точкам;

б) контрольные закупки;

в) наказание виновных по факту;

г) широкая огласка этих прецедентов;

д) распространение устрашающих слухов.

Цель.

Отказ мелкого бизнесмена от реализации в своих торговых сетях запрещенной продукции.

Отказ реализаторов работать с этой продукцией.

Для успешного выполнения этих задач следует собрать необходимую информацию, синтезировать ее в

масштабах страны, произвести полный анализ структурирования каналов распространения запрещенных продуктов и интегрировать указанные выше задачи в разрезе областных центров Украины.

Интернет. Единственная возможность контролировать запрещенный продукт в Интернете — это введение государственной цензуры.

Основная задача цензуры Интернета — создание на государственном уровне глобальной блокирующей системы по доступу к запрещенному продукту. Международный опыт — Китай, Малайзия.

Путь:

а) перлюстрация Интернета;

б) экспертиза сомнительных продуктов;

в) перекрытие доступа к запрещенному продукту пользователям Украины.

Б) Мероприятия по вытеснению нежелательной к распространению на территории государства продукции.

В настоящий момент на территории Украины нежелательная для гармоничного формирования нравственной личности продукция составляет устрашающий удельный вес.

Примитив, пошлость, потакание низменным вкусам — основные критерии некачественного литературного, музыкального, кинематографического, иного продукта, широко представленного на рынке Украины.

Основная задача: замена дешевых псевдоценностей истинными.

Пути изменения ситуации:

1) пропаганда государственных и иностранных культурных ценностей, являющихся достоянием человечества;

2) поддержка классических и прочих, ратующих за мораль и нравственность произведений в области литературы, кинематографа, живописи, музыки, и т. д.;

3) в дискуссионном порядке (через СМИ) создание негативного имиджа нежелательной продукции.

Для наглядности работы Комитета следует ввести следующее ежегодные плановые показатели:

а) снижение детской и подростковой преступности на 5 % в год;

б) снижение на 10 % в год показателей по

наркомании и токсикомании;

в) уменьшение потребления населением Украины алкоголя и никотина на 3 % в год;

г) увеличение организаций и гражданских объединений, способствующих: воспитанию патриотизма, духовно-нравственному и физическому развитию, утверждению социального оптимизма и здоровой морали в два раза;

д) уничтожение двух порнографических студий, трех оптовых баз или центров тиражирования дисков и прочих заведений, распространяющих запрещенные товары, в год по каждой области;

е) проведение фиксированного количества мероприятий (десять в год на область) по предупреждению негативного воздействия на сознание граждан информации, содержащей элементы жестокости, насилия, порнографии, пропагандирующей наркоманию, пьянство, алкоголизм и табакокурение.

Следующее крайне необходимое…

«И вообще, короче, с этой хренотенью пора развязываться. Хватит! Сколько можно писать? — в голове полковника, похоже, переключилось некое реле, и его мысли потекли в ином, менее системном, но зато в более динамичном направлении. — Пора что-то делать! Хотя бы с этим педерастическим беспределом как-то надо разобраться».

Он закрыл после сохранения файл, с которым работал и взял лежащую на краю стола газету. Это был один из последних номеров рупора сексуальных меньшинств Киева. Перечитал отчеркнутую им же зеленым маркером цитату из «Манифеста» геев Майкла Свифта: «У нас хватит сноровки использовать оружие и построить баррикады для окончательной революции. Трепещите, гетеросвиньи, потому что мы предстанем перед вами без масок».

«Ну времена настали! Без масок, в натуре! Все больше вылазит этой дряни по стране. Суки, только по Киеву появилось два десятка тусовок голубых. А по всей стране сколько? И не сосчитать! Расплодились за несколько лет. Демократические ценности, путь в Европу через жопу! Чем больше голубых, тем больше демократии. Кому она на хрен нужна такая анусная демократия? Совсем у народа башню рвет. Если считать по количеству голубых, то мы уже, таки да, вполне подходим для Европейского Союза.

Чего стоят высказывания этой бисексуальной импортной

группы: «Пять лет назад приезжали, нас здесь никто не встречал, не провожал, на концерт не приходил. А сейчас как у вас здесь хорошо! Столько гей-клубов, столько поклонников! Нас любят, на руках носят! Мы очень рады за вас! Вы теперь настоящая европейская страна». Тьфу…

Надо что-то с этим делать. Незамедлительно. И не так, как Алексей Сергеев предлагает, мол, надо провести мощные рекламные акции с целью изобличения этого явления как постыдного, а не модного, как у нас сейчас. Мысль хорошая: создать в сознании людей твердый негативный образ этого явления. Идеальное решение проблемы, конечно, подход глобальный, было бы по уму… Но когда это будет? Это первый вопрос. Кто этим будет заниматься? Второй. И разрешат ли пидоры при власти (их тоже расплодилось до того же места) все это системно и на уровне государства делать? Это третий.

Вряд ли в нашей системе координат это осуществимо. Невозможно. Так что необходимо нечто действенное провернуть. Реальное. И не мешкая! Дать, к примеру, адреса всех этих заведений казакам! Их же у нас десятки тысяч по стране! Хватит им, маскируясь под гаишников, взятки на дорогах с автолюбителей за нарушения правил собирать, пора и для общества что-нибудь полезное сделать. Системно подготовиться и в один момент по всей стране по этим голубым заведениям — шарах! Чтоб аж дым пошел!

А с МВД договориться о том, чтобы в определенное время их сотрудники просто смотрели в другую сторону. И как пройтись с казачьей лихостью каленым железом по этой заразе…

Да, мечты, мечты… Никто не даст даже неофициальной санкции на подобную акцию. Ни у них, ни у нас. А жаль! Это же… — он зло зашуршал страницами газеты, — полный беспредел! Они нас еще и пугают! «Трепещите, гетеросвиньи… Мы предстанем перед вами без масок…» Дескать, как нас много. И права, козлы вонючие, качать пытаются. То парад свой хотим на Крещатике провести, то поправки под нас в Трудовой кодекс внесите…

Эх, по зубам бы им всем. По зубам. Впрочем, не только. Педофилов этих вообще на столбах развесить. В назидание… чтоб не повадно было… всех в корень… так через эдак… в… на… за… и…»

Мысли начали сливаться в один сплошной поток ненормативной лексики, в котором, в конце концов, цензурными остались только предлоги и знаки препинания.

— Ну вот — настоящий полковник! А я уже подумал, что с сотрудниками МВД, пусть даже бывшими, какая-то беда

приключилась: академический язык, правильные слова, красиво написанный план мероприятий… А раз вот так, от души, желаю, чтобы все! То да! — я покинул тело жаждущего крови лиц нетрадиционной сексуальной ориентации и все больше распаляющего самого себя офицера.

Следующим по очереди, причем безальтернативно, (потому что он был последним в кабинете) был мужчина средних лет довольно приятной наружности. Он выгодно выделялся на фоне присутствующих строгим недешевым нарядом: тройкой темно-синего цвета, начищенными до блеска туфлями в цвет, интеллигентными очками в золоченой оправе и дорогим модным галстуком. Вид у него был солидный и внушающий доверие. Имя мужчина носил Виктор, отчество — Антонович, фамилию — Калиниченко.

Он так же, как и Алексей Сергеев, и отставной полковник, что-то старательно набирал на компьютере.

Хочется верить, что из пяти работников данного кабинета большая часть позитивна (полковника зачисляем в дебет условно, с небольшими оговорками за откровенную гомофобию и суровый подход к решению глобальных вопросов), и общий счет будет три-два в пользу… в чью пользу? Украины?! Ну да, а кого же еще? Конечно, Украины. Три-два в пользу Украины! А вообще, не будем торопить события. Посмотрим. Я с энтузиазмом проник в тело и мысли этого элегантно одетого мужчины.

Виктор Антонович Калиниченко увлеченно работал над документом под названием «Основные направления деятельности Комитета по делам духовности и морали в сфере регулирования оборота продукции, которая негативно влияет на общественную мораль». Он писал:

> Основным смыслом государственной политики в сфере защиты общественной морали есть создание необходимых правовых, экономических и организационных условий, которые помогают реализации права на информационный простор, свободный от любых материалов, которые создают угрозу физическому, интеллектуальному, морально-психологическому состоянию населения.
>
> Главные направления государственного регулирования информационной продукции, которая влияет на общественную мораль:
>
> — формирование единой комплексной системы обеспечения защиты моральных принципов и утверждение здорового образа жизни в сфере

информационной деятельности, образования, культуры и пр.;

— недопущение пропаганды в электронных, печатных и других средствах массовой информации культа насилия, жестокости, распространения порнографии;

— введение обязательной экспертной оценки видео-, аудио-, печатной информации и информации на электронных носителях, разработка критериев оценки продукции как негативной, представляющей угрозу общественной морали;

— поддержка национальной культуры, искусства, кинематографии, книгоиздания, улучшение системы пропаганды лучших образцов украинской и мировой литературы;

— запрет на демонстрацию нелицензионной аудио-, видеопродукции на всех национальных телерадиоканалах;

— установка жесткого контроля над оборотом продукции, которая составляет угрозу общественной морали;

— присоединение к международным договорам по вопросам защиты общественной морали.

Я хотел уже покинуть это тело, полное правильных конструктивных мыслей, но тут мужчина шумно вздохнул и с мыслью: «Фу ты, наконец-то закончил! Пора и делом заняться!» — закрыл файл с документом и переключился на работу совсем иного рода.

Виктор Антонович с неким благоговейным трепетом отыскал по корневому каталогу и открыл далеко спрятанную папку с названием «Исторические изыскания», предварительно с опаской оглядев окружающих его сотрудников, словно боясь, что кто-то из них проникнет в его тайну. В папке он нашел файл с интригующим названием «Первый Украинец», затаив дыхание клацнул по иконке курсором и погрузился в работу.

Я успел заметить, что в папке находились текстовые файлы с такими названиями: «Открытие украинцами Америки», «Украинские корни происхождения атлантов», «Украинцы — инопланетяне?», «Мировой путь украинцев», «Как украинцы раскрыли тайну северного полюса» и многое другое.

Господин Калиниченко тем временем уже вдохновенно кропал.

Первый Украинец

Как ни странно, большинство людей убеждено в том, что Спаситель по рождению был евреем, хотя существуют и другие мнения, например, что он был арамеем или ассирийцем. Нам же со всей ультимативной определенностью следует сказать, что Иисус из Назарета был галилеянином, жителем провинции Галилея, представителем этнической группы, возникшей из украинской народности (что дает основание Его называть «Всечеловеком» не только с богословских позиций).

Откровенно глупая арамейская версия происхождения Иисуса основана на том, что Он проповедовал, в том числе, и на арамейском языке. Ему приходилось это делать, так как этот язык в то время был языком общения всего Ближнего Востока. В настоящее время на нем разговаривают современные потомки ассирийцев, что, по их мнению, является аргументом в пользу того, что Иисус Христос происходил из их народа. Родным языком Иисуса был, безусловно, украинский, а знать иностранные языки никогда никому не возбранялось.

Из Галилеи, согласно Евангелиям, были Его первые ученики-апостолы (включая равноапостольную Марию Магдалину), исключение составляют Фома, о происхождении которого не сообщается, и Иуда-предатель, уроженец иудейского города Кариота (т. е. Иуда был единственным евреем, а не украинцем, среди двенадцати апостолов).

В Евангелиях приводится генеалогия только украинца Иосифа, номинального отца Христа, причем Матфей представляет Его потомком царя Давида в 27-м колене, а Лука — в 41-м колене; вообще, цель обеих генеалогий — доказать происхождение Спасителя от Давида, соответственно предсказаниям пророков.

О происхождении Богоматери неизвестно ничего, если не считать упоминания Луки о том, что Елизавета, иудейка (читай: украинка), мать Иоанна Крестителя, была Ее родственницей.

Все это, несомненно, подтверждает уже общепризнанный факт, что Иисус Христос был нашим соотечественником — украинцем. Причем, Первым Великим Украинцем! И это немаловажно! Но, давайте по порядку.

Доказательство № 1

Люди на планете Земля существуют уже более 30 тысяч лет. Таким образом, украинцами были не только казаки («казацкая нация»). Все их предки, проживающие на украинских землях: русы, анты, сарматы, скифы, сколоты, киммерийцы, арии — были

настоящими украинцами. Наша земля формирует супермощные «кровь» (генотип) и язык. Приоритет «земли» дополняется фактором «крови» (генетического происхождения) и «языка» (ментальности, культуры). С этим понятно, переходим к Первому Украинцу.

Иисус принадлежал (и это теперь уже общеизвестно и не оспаривается) к галилейскому народу потому его и называли не иначе, как Иисус Галилеянин или Иисус из Назарета. Родное местечко

Иисуса находилось в центре Галилеи.

На самом деле слово Галилея — это просто другое произношение слова «Галлия» (Галичина), то есть «край галлов». Суперэтнос галлов возник в Украине приблизительно в 12 в. до н. э., откуда под разными племенными названиями расселился на огромной территории от Припяти к Палестине и Испании. Европейскую ветвь галлов еще называли кельтами. Одним из самых известных галльских племен были «бой-бойки» (то есть «воины»), от названия которого происходит западно-украинская Буковина.

Важнейшим фактором могущества галлов-украинцев было искусство обработки железа. Именно у них изготовлению железных изделий учились и римляне, и египтяне. В Украине же производили стальное оружие, по самым скромным предположениям, еще в 13–12 ст. до н. э.

В 12 в. до н. э. состоялось завоевание Палестины «народами моря». Археологи и историки доказали, что это была массовая миграция великих воинственных племен из Северного Причерноморья (наших предков). Это были именно те самые библейские «филистимляне», с которыми длительное время безуспешно воевали евреи.

Галлы-украинцы-филистимляне занимались садоводством и земледелием, торговлей и морскими промыслами, владели искусством обработки металлов и гончарым делом, подобно европейским галлам, были замечательными воинами. Интересно, что шлем на языке филистимлян назывался «кова», то есть «кованый». Совокупность всех известных фактов свидетельствует о том, что названия: «галлы», «кельты», «филистимляне», «народы моря» — относятся к одному суперэтносу. А именно, нашему украинскому.

Филистимляне продвигались на север Палестины и в конце 11 ст. до н. э. завоевали земли, которые назвали Галлия-Гальлея-Галилея, то есть «край галлов». Так они делали всегда — осваиваемую землю называли именем своего племени (Бельгия, Бовария, Британия, Скотланд) или общим именем всего

суперэтноса (Галлия, Галичина, Галатия, Галисия). Галилеяне были потомками южных галлов-украинцев. К тому же, все историки описывают галилеян как резвый, веселый, упрямый и гордый народ, который превыше всего ценит свободу, что само по себе уже указывает на нацию украинцев. Учитывая все вышеизложенное, Иисус, бесспорно, был украинцем.

Доказательство № 2

Отец и мать Иисуса — Иосиф и Мария — были галилеянами-галичанами-украинцами. Так же, как и все их родственники. Дом святого Иосифа был в украинском городе Назарете. Согласно церковной истории, мать Иисуса происходила из города Сепфорис, который до 25 года н. э. был столицей Галилеи. Он располагался на расстоянии всего пяти километров от упомянутого выше Назарета. Так что вполне естественно, что Иосиф, согласно нашим национальным обычаям, женился на девушке «из соседнего украинского села».

Посыл следующий: характерными особенностями галлов-кельтов-украинцев во все времена были высокий рост, белая кожа, развитые мышцы. Они были гораздо выше иудеев. Согласно данным археологии, средний рост тогдашних иудеев не превышал сташестидесяти сантиметров. Во всех исторических источниках подчеркивается, что у галлов того времени были роскошные русые волосы, которые мужчины, как правило, носили распущенными.

Согласно известным словесным описаниям внешности Девы Марии, она была благородной красавицей высокого роста, имела овальное лицо, голубые глаза, волосы цвета пшеницы, длинные и тонкие пальцы рук. Иисус был очень похож на свою мать. Он обладал высоким ростом, имел тонкий прямой нос, длинные волосы цвета спелого лесного ореха, бороду пшеничного цвета, светлые глаза.

Правдивость этого описания через два тысячелетия подтверждена Туринской плащаницей, которая сохранила лик Иисуса в момент его воскрешения. Согласно ей, Иисус был человеком европейского типа с атлетическим телосложением, ростом сто восемьдесят сантиметров, со светлокаштановыми волосами и благородным выражением лица. Так что, без всякого сомнения, в жилах галилеян-галлов текла украинская кровь, а Иисус Христос был настоящим украинцем.

Доказательство № 3

Галилеяне были рьяными хлеборобами, охотниками и рыбаками, массово разводили свиней. Имели большие пасеки с

медом, выращивали лен. Все апостолы Иисуса, за исключением Иуды, были галилеянами (украинцами).

Имя Иисус (Иес-ус) — это гелленский вариант имени Яс, которое означает «ясный», «светлый», «солнечный».

Подобные имена — Ясус, Ясион, Ясон — были привычными в древней Гелладии. Их украинскими соответствиями являются давние имена Ясь, Яско, Яцко.

Гелленское слово «хрестос» означает «наилучший, хороший, благородный, богочеловек». Синонимом слова «христос» является «сын Божий».

«Отозвался Симон Петр и заявляет: ты христос — сын Бога живого!» Иисус принадлежал к той волне галлов, которые еще сохранили материнский язык, на котором разговаривали обитатели Западной Украины. Именно этим языком Иисус сказал свои предсмертные слова: «А круг девятого часа Иисус вскрикнул сильным голосом, говоря: Элле Элле лемма савахтани», то есть «Леле, Леле, лемм из мя сия остани», буквально «Тато, Тато, — лишь со мной останься».

Этот фразеологический оборот отвечает гелленскому «Отче, в Твои руки отдаю дух Мой!», то есть «Тато, теперь все в Твоих руках!».

В самый критический и самый тяжелый момент своей жизни Иисус заговорил древнеукраинским языком. Так кем же был Иисус Христос? Никем иным, как украинцем. И именно он — Первый Великий известный на весь мир вот уже больше двух тысячелетий Украинец…

Виктор Антонович замер и рассеянно уставился на монитор. Некоторое время его мысли идентифицировать как нечто разумное и связное возможности не было: костры, прибой, младенец, радуга, крест, планеты Солнечной системы, ядерный взрыв… Наконец, я уловил их ход. Они, подобно набирающему скорость локомотиву, уже неслись к заветной цели.

«Совсем другой поворот тут нужен… Ведь первый на Земле был не Иисус, а Адам. Как это я так, не подумал… Первый Великий Украинец — Адам. Так получается. Вернее, так должно быть. К тому же, о том, что Иисус Христос украинец, уже пишут несколько человек из Западной Украины, да и в Киеве, наверняка, кто-то строчит диссертацию на эту тему. Всем лавров хочется. Можно с этой темой и не успеть.

А про Адама… Гениальная находка. Адам — Первый Великий Украинец! Про это еще никто и никогда не писал… — от радости господин Калиниченко заелозил подошвами туфель по потертой поверхности ламината, ревностно скользнул взглядом по

сослуживцам. — Я первый… Никому… Ни слова… И как это никто раньше, до меня, не додумался? Итак, первый набросочек для затравочки.

Адам от сотворения мира находился на землях нынешней Николаевской области. Как бесспорное подтверждение этого факта — существование деревни с названием Адамовка на побережье Черного моря. В честь Евы назван город Евпатория. Именно там изначально обитала она. Крым и Николаевская область — чем не рай? Тепло, море, солнышко, фрукты-овощи… Отлично. Идем дальше.

Адам вышел в море на лодке порыбачить и попал в шторм. Его отнесло далеко от берега… Ева отправилась стирать белье и упала в бушующее море… Адам ее спас близ острова, на котором они после удачного спасения от разошедшейся стихии и полюбили друг друга. Вот. Нормально? Нормально. Только какое же белье Ева пошла стирать к морю, если они изначально были оба голые? М-да. Незадачка получается… Да ну, тоже мне проблема! Купаться она пошла к морю. Без белья, без стирки, просто купаться! И ее вынесло в открытое море. Все. Точка. Дальше.

Исконно украинский остров Змеиный назван в честь Змея Искусителя, который совратил этих первых на планете молодых людей. Именно на этом острове они вкусили запретный плод и поняли, что они наги. И, конечно, то, что они рождены украинцами, они поняли тоже и сразу.

Их первые слова, обращенные друг к другу: «Любий» и «Кохай» — бесспорно, подтверждают это. От первого наиважнейшего слова «Кохай», произнесенного на Земле, произошло название города Каховка в соседней Херсонской области. Там и по сей день проводятся ежегодные ярмарки кохання в честь первых любовников на земле под прикрытием молодежного музыкального конкурса «Таврийские игры».

Замечательно. Теперь надо добавить сюда много фактов и исторических ссылок. А потом развивать по нарастающей. Первое колесо придумали украинцы! Порох, железо, алюминий, фарфор — тоже наше изобретение. Секрет производства шелка украли у китайцев первыми украинские казаки. Именно они вывезли из этой узкоглазой страны червей-производителей в своих чубах-оселедцах, а уж никак не японская царская персона в своей прическе…»

— Да, вот и пойми, куда относить дражайшего Виктора Антоновича Калиниченко! За или против? Три-два оно-то три-два, а не два-три. Хоть так, хоть эдак! Только вот на пользу ли пойдет оно, такое своеобразное новаторство… Так однозначно и не

определишь! — я вылетел из тела этого писателя-фантаста и с интересом посмотрел на него со стороны. Причем, сразу и в прямом, и в переносном смысле.

Вроде бы и нужны подобные мифы и легенды подрастающему поколению украинцев для воспитания патриотизма. Начитаешься такого, и в тот же миг появляется гордость за предков, за страну, и сам как-то становишься внушительней, солидней… И это вроде бы как совсем неплохо. Только вот смеяться же все будут вокруг: и внутри, и за рубежом…

С другой стороны, американцы своих детей так из поколения в поколение и воспитывают: впереди планеты всей и во всем! И ничего — подрастающие янки воспринимают все за чистую монету. Результат налицо — граждане Штатов искренне гордятся своей страной и любят ее. А всех тех, кто вместе с ними не боготворит Америку, видели они в гробу в белых тапочках, ну или, если по-доброму, просто игнорируют…

Так что по логике на тех, кто смеется из-за границы над национальными преданиями, мифами и легендами, можно положить все имеющиеся болты со всеми необходимыми приборами, а вот внутри…

А в самой стране через одно-два поколения все, кто понимают суть этих «исторических изысканий», вымрут и все… Некому будет смеяться. Останутся только те, которые будут гордиться переписанной наново историей Украины. И чем плохо? Ничем, как-будто…

Много сейчас плодится трудов таких авторов. На книжных развалах появляются все новые героические памфлеты: «Пути Украинцев», «Украинские библии», и тому подобные работы ремесленников пера. Жить-то пишущей братии за что-то надо. Может и себе чего накропать? Такого-эдакого прикольно-экзотического. Например…

«Как казаки построили египетские пирамиды!» А что? Совсем неплохо. Сенсация! Разгадка главной тайны человечества! Секрет постройки, будоражащий фантазию людей из тысячелетия в тысячелетие, раскрыт! Все просто: под действием украинской конопли лихие рубаки в шароварах сложили неподъемные камни в огромные кучи. Совершенно не напрягаясь. Просто обкурились! Вот какая она — украинская конопля! Можно провести научный эксперимент! Необходимо только нужное количество и определенное качество травы.

А у Сфинкса отвалилась не фараонская бородка, а казачья курительная трубка-люлька-наркоманка — так египтяне коварно и предусмотрительно устранили единственное доказательство подлинной истории построения пирамид. Звучит? Как минимум,

идея не хуже, чем у моего нового знакомца Виктора Антоновича Калиниченко…

Кстати, здесь, в Комитете по духовности и морали, наверняка должен быть отдел моих коллег-журналистов. Надо посмотреть, чем они дышат. Неужто ваяют нечто подобное?

Пройдя сквозь несколько стен я, что называется, по родному запаху нашел отдел «По связям с общественностью». Он в полном составе из трех человек размещался в кабинете, похожем и по форме и по размеру на пенал. Узкая длинная комната в одно небольшое окно. Темная и неуютная.

Две женщины средних лет, начальник отдела и ее заместитель, вяло сплетничали о перипетиях службы в государственном учреждении, о рыночной дороговизне, о мизерной оплате труда, о плохо исполняющих свои обязанности мужьях и любовниках… Словом — работали.

Третьим в кабинете был юный, преисполненный рвения журналист. Он остервенело барабанил двумя указательными пальцами по клавиатуре допотопного компьютера. Я усмехнулся: знакомая песня, самым молодым и талантливым — в пользование откровенный хлам. Зато чванливым матронам, неспособным ни на что путное, кроме плетения желчных интриг, — последние модели компьютерной техники. Еще бы! Им же целыми днями надо играть в «Косынку», «Пасьянс», «Сапер», «Солитер» или еще во что-то из этого же интеллектуального ряда.

Я взглянул через плечо пишущего на монитор. В правом углу были отбиты рабочие названия материала: «Откровения соотечественника», «Путь к себе», «О великом «хотении» Украины». Интересно, что это парень подразумевает под «Великим «хотением»? Посмотрим…

Украина хочет в НАТО, Украина хочет в ЕС, Украина хочет в ЕЭП…. Украина хочет туда, Украина хочет сюда… Украина хочет… Просто хочет куда-то срочно, а лучше немедленно вступить!

Это кто решил? Сограждане, вы подумали? А? Кто за нас так решил? Они? Да, да именно они. Продажные «политики». Язык не поворачивается называть без кавычек эту грязную пленку на теле нашего общества. Господа, вы у своего народа спросили, чего он хочет? А не вы? Такие разновекторные, заряженные из разных кошельков наши «избранники».

Чего же хотят украинцы? Впрочем, более уместно сначала выяснить, кто такие украинцы. Кто есть мы? Оголтелые ультраправые, нетерпимые ни к кому и ни к чему националисты с Запада? Голодные, вечно обманутые всеми правительствами

независимой Украины шахтеры с Востока? Относительно благополучные киевляне? Вечно жаждущие больший кусок пляжа в собственность граждане Крыма? Скитающиеся по миру с синими непрезентабельными и непонятными для «сильных» стран паспортами миллионы наших сограждан в поисках более высокой оплаты за вынос ночных ваз или замешивание куба бетона? Если суммировать, то все перечисленные выше мы и есть?

Кто мы — украинцы? Волею судьбы история подарила нам большую территорию, ранее нам не принадлежащую. Да, да, не будем себе врать, эти богатейшие земли первый раз в таких границах, до этого они относились к иным государствам. И мы тоже все разные. Непохожие друг на друга. Те, кто живет на Севере не похожи на тех, кто живет на Юге, и те, кто живет на Востоке совершенно иные, чем те, кто живет на Западе. Это есть. Хотим мы этого или не хотим, но это так. Вот такие мы, отличные друг от друга люди, живущие ныне под желто-голубым флагом и трезубцем…

Так вот — кто мы, украинцы сегодняшнего дня? Чего нам хочется? Куда нам идти? К кому примыкать, за чью спину прятаться? Под каким флагом живет тот добрый дядя, который «прилетит в голубом вертолете и бесплатно покажет кино»? Все ждем и ждем этого волшебника из сказки.

Как мы не поймем одну простую истину: никто нам ничего не даст! Это так же верно, как закон всемирного тяготения. Он вечен. И мы будем так же бессменно и бессмысленно стоять в очереди за куском хлеба у давно и навсегда закрытого на переучет магазина. Был две тысячи с небольшим лет назад один, который накормил пятью хлебами толпу… Но он был один, жил давно и далеко от нас. Этот вариант не про нас!

Свой хлеб мы должны заработать! Странно звучит? Согласен. Куда проще стоять, переминаясь с ноги на ногу, и ждать, когда абстрактный добрый сказочник принесет все необходимое для счастливой жизни украинской нации на пресловутом блюдечке с голубой каемочкой.

Умные и глупые, обеспеченные и нищие, говорящие по-русски и по-украински, дорогие мои, никто ничего нам не даст, не надейтесь! И не надо! У нас все есть.

Мы географический центр Европы. Точка. Нам никуда не надо вступать. Мы уже есть там, где мы есть. На своем, и весьма хорошем месте. Многие страны откровенно завидуют нашему местоположению и тому изобилию природных ресурсов, которыми мы владеем.

Теперь надо сделать так, чтобы наше бытие стало человеческим. Чтобы наши дети гордились своими родителями,

чтобы экология радовала многие и многие поколения украинцев, чтобы нищета и разруха стали для последующих поколений непонятными не только явлениями, но и словами. А для этого нужно засучить рукава и работать, работать, работать…

Последние годы показали практически всем мыслящим, что мы никто… Обидно? Еще как! А вы вдумайтесь. Политическая мерзость всех цветов тащит нас на площади и улицы. Расставляет шеренгами и колонами под администрации всех уровней, исполкомы, суды, штабы конкурирующих бизнесменов от политики. Раздает транспаранты, заставляет скандировать разработанные политтехнологами всех мастей слоганы, поит как бы бесплатным кофе, кормит купленными на украденные у нас же деньги бутербродами, и мы их едим, едим, едим…

И только потом, вечером, дома на кухне возмущаемся всеми и всем. А с утра с тяжелой головой снова выходим сражаться за непонятно чьи интересы, ожидая как бы бесплатного кормления. Замкнутый круг.

Ничего не изменится, пока мы сами не возьмемся за нашу Украину! Мы и только мы можем спасти эту страну! Нам есть на что опереться, вокруг чего консолидироваться. У нас есть великая история. История Киевской Руси — это наша история! Нам есть чем гордиться! Или кто-то сомневается, что наша украинская государственность уходит корнями в это время?

Все прошлое Украины перековеркано придворными историками разных правителей. Давайте зададимся целью восстановить истину по каждому спорному вопросу. Давайте? Кто же был Мазепа? Хороший украинец или плохой поляк? А Богдан Хмельницкий? Тайный москаль или честный чигиринский крестьянин, он же гетман? Какая сволочь погубила наших соотечественников в тридцатые годы двадцатого века? Персонально. Пусть ответит. Найти и распять на кресте позора. Какой человек был Шухевич? Кому он служил? И зачем? И почему?

Таких вопросов мы можем поставить несколько тысяч. Уж больно пестрое прошлое у наших земель. Так что, займемся?

Отложим все насущные дела, перестанем кормить наших детей, окончательно утопим страну в коррупции и нищете и будем оголтело, брызгая слюной, спорить, давая тем самым возможность кучке нечистоплотных бизнесменов грабить страну и продавать ее по частям иностранцам.

Они же с этой, единственной целью — создать дымовую завесу для своих грязных делишек — и вбрасывают все эти спорные вопросы в наше общество. Им надо как-то отвлечь народ от насущных проблем и своих хитрых гешефтов. Неужели есть в

стране такие, кто это не понимает?

Надо остановиться и перестать отвлекаться на глупости. Пора заняться государством. Только мы в состоянии превратить эту страну из случайно бутафорно-искусственно слепленной из ничего в процветающее государство с претензией на мировую значимость. Нам надо если не для себя, то хотя бы для наших детей сделать эту страну комфортной для проживания. Мы и только мы, все сообща и каждый отдельно на своем месте, своим делом можем это сделать. Это наш шанс, и нам нельзя его упустить…

— А это не мои ли мысли он излагает? Или просто повезло — единомышленник попался? — вылетев из его тела, я сделал горизонтальную петлю вокруг монитора и посмотрел в молодое, но по взрослому сосредоточенное лицо одержимо печатающего журналиста. Завис напротив. — Если мои, то насколько? В какой степени он, вообще, зависит от моего присутствия? Это он сам сейчас пишет или я ему помогаю? Насколько он, а насколько я? Хотя, какая разница, и так заметно, что с моей помощью или без нее парень одержим правильными устремлениями. Подброшу-ка я ему, пожалуй, кое-что из моих нереализованных набросков. Из последних — про понятия. Когда был просто человеком и журналистом, не дошли руки, а теперь и подавно не займусь этой статьей. Не до того. Вот пусть юное дарование и дерзает! Тема интересная и ему пойдет в цвет.

Снова влетел в тело журналиста и направил нужный посыл ему в мозг. Парень перестал работать с «Великим «хотением». Он напрягся и замер, а спустя мгновение, принялся, как сумасшедший, стучать по клавиатуре, озаренный «внезапно» пришедшей идеей.

Я внутренне улыбнулся: вот, оказывается, как, откуда, зачем и почему приходит Муза. Хотя я по определению имею мужской пол. Значит — Муз. Впрочем, сейчас ты уже и не первая и не второй, а нечто совсем третье. Парень тем временем молниеносно выстрелил название «Страна понятий» и с пулеметной скоростью принялся набирать строки.

Наша страна — страна понятий. Хорошо это или плохо, вопрос спорный, но это так. Мы все, дорогие соотечественники, даже не задумываясь, и не отдавая себе в этом отчета, живем по понятиям. Украина живет по понятиям. Почему так? Да очень просто. У нас мораль и закон подменены понятиями. Вместо того, что должно, имеем то, что есть.

Многие часто спекулируют самим определением «понятия». Склоняя их и так и эдак, пользуя себе во благо, выворачивают

суть наизнанку. На самом деле все гораздо проще, прозаичней и в тоже время печальней.

Там, где не работает закон, люди живут по оговоренным между собой нормам поведения. В уголовной мире их давным-давно решили обозвать «понятиями». Там все просто: это можно, а это нет. За определенный поступок такое наказание, за иной соответствующая благодарность. Все четко и просто.

Гражданское общество должно жить по моральным принципам. Мораль — это свод правил поведения в обществе. Если упростить, то это название «понятий» в некриминальной среде. А сами «понятия» — нормы поведения только в преступном мире. Разницы особой в определениях нет. Только среда иная. В одном случае надо вести себя так, в другом иначе.

В нормальном развитом государстве, не прошедшем такие круги ада, как мы, все элементарно просто. Там мораль и закон одно и тоже. Например. Нельзя выбрасывать мусор из окна автомобиля. Это, во-первых, неэтично (действие вызывает де-факто всеобщее искреннее порицание). А, во-вторых, это незаконно (прописан де-юре сумасшедший штраф).

Законопослушный гражданин, который увидел факт такого свинства, считает своим долгом сообщить куда следует, чтоб с аморального типа, не уважающего закон и наносящего вред окружающей среде, взяли штраф. Заслужил — получи! В следующий раз будешь вести себя иначе. Система работает. От этого выигрывают все: и государство, и народ, и экология, и мораль. Преступление не должно оставаться безнаказанным. У них это общепризнанная и вызывающая уважение норма поведения.

У нас же такое действие никто не поймет. Потому что оно не «по понятиям». Донос? Это мерзко. Фу, фу, фу. Как можно! Никогда. Только не я! Наябедничать на соотечественника, что бы он ни сделал — любую гадость и мерзость — это у нас в стране порицаемое явление с уголовным определением «настучать». Мы так воспитаны. Это наши нормы поведения.

То есть, общество наше склонно следовать не букве закона, а уголовным нормам поведения (от которых в тоже время оно как бы и не зависит). И так во всем. Понятия заполонили нашу жизнь. Мы, не задумываясь, следуем этим не хитрым, но выгодным и удобным своим примитивизмом правилам поведения.

Так и живем не по общечеловеческим принципам морали, и не по закону, а по понятиям. Правда, у каждой социальной прослойки есть свои нюансы, своя специфика. Кроме общенациональных, всеми признанных и исполняемых правил поведения в стандартных ситуациях, есть еще свои отклонения от

среднестатистических норм, выработанные исходя из профессиональной принадлежности.

Возьмем, к примеру, наших специалистов-медиков. Работники шприца, нашатыря и скальпеля живут четко по своим подлым, законспирированным законам, неведомым остальным гражданам. Любой, кто извне попадает к ним со своей бедой, просто теряется. Поскольку медицина у нас бесплатная, деньги в государственных клиниках берут как бы в благодарность за хорошее обслуживание. Врача надо еще уговорить взять деньги, поскольку это статья Уголовного кодекса и статья нехорошая. А, с другой стороны, любой медик тебе заявляет сразу: лечиться даром — даром лечиться! Вот и принимай их правила игры, подстраивайся, если хочешь добиться какого-то результата. А без денег в больничном коридоре можно просидеть хоть с переломом, хоть с инфарктом сколько угодно — никто даже не подойдет. Ты неинтересен! Подыхай, гражданин независимой страны!

Есть альтернатива — частная клиника. Там тебя внимательно выслушают, обследуют, назначат курс лечения (то, что помогут, совсем не факт). Однако за это придется оставить двух, а то и трехмесячную зарплату.

Демократия — это свобода выбора. Вот и выбирай. Сдохнуть от рук эскулапов почти бесплатно или в более комфортных условиях, но за свои же, весьма существенные деньги.

Или наши доблестные защитники из органов охраны правопорядка. Это у нас особый специфический клан. В нем работают и выживают только люди с определенным складом ума. Выдали пистолет — крутись, как хочешь! Это главная норма поведения любого сегодняшнего милиционера, да и работника службы безопасности тоже. Жалованья им в аккурат на сигареты хватает. Идейности — ноль. Да и откуда ей взяться?

Вот и рыщут с утра до вечера парни в погонах в поисках дополнительного заработка. Тут уж гнушаться нельзя ничем — очень деньги нужны. Поймал за нарушение паспортного режима — плати, за несоблюдение правил дорожного движения — плати, за торговлю в запрещенном месте — плати. Плати за все — за что поймали. А если случайно убил соседа — плати много, а то сядешь надолго. Украл из бюджета чемодан денег — отдай половину. Отравил дедушку за наследство — отстегни две трети. Почему так дорого? Потому, что преступление тяжелое, наверх надо долю занести. Иначе никак. Иерархия. Система.

А вот если тебя избили, обворовали, ограбили, угнали твою машину — тут извини, гражданин Украины, подвинься. Это не к нам. У нас есть тысяча и еще одна причина не заниматься твоим делом (если даром). Система наработана и сбоев не дает.

Выглядит усредненный вариант примерно так:

Продержим избитого хулиганами окровавленного человека в коридоре часиков пять-шесть, дескать, дежурный следователь занят. Человек устанет ждать и сам уйдет. На этом ломается больше половины заявителей. Если уж потерпевший больно настырный и терпеливо выдержит испытание временем (а зачастую приходится ждать шесть-восемь часов), ну что ж, послушаем.

Сразу пристыдим мизерностью его проблемы по сравнению с масштабными задачами, которые сейчас решают сотрудники райотдела милиции. Дескать, у нас тут шесть детей похищены, мы двадцать четыре часа в сутки работаем по малолетним заложникам. Еще три заказных убийства «висит». Десять особо тяжких преступлений, шестнадцать грабежей и сорок восемь квартирных краж в очереди. И все «терпилы» ждут. А ты тут со своими синяками, кровоподтеками, сотрясением мозга и ссадинами приперся и чего-то от нас хочешь. Часть заявителей проникается этими россказнями флегматично настроенного, усиленно зевающего сотрудника и печально отваливает.

Если потерпевший продолжает настаивать, проникновенно советуем прийти завтра, а лучше послезавтра, для просмотра картотеки и составления фотороботов преступников (сейчас специалиста нет на месте). Глядишь, завтра «терпила» уже не придет, передумает. В основном, и не приходят, уяснив себе порядок вещей и сетуя на напрасно потраченное время.

А если еще приходит, так милости просим! Для особо тупых и настырных у нас таких кругов ада в запасе еще достаточно. Все равно заявление не примем, заводить дело не будем. Не надейся. На кой оно нам? Портить только райотделу показатели, а себе нервы. Так что ходи не ходи — останешься со своей бедой все равно один на один.

Да и, если говорить честно, делать ничего, кроме очковтирательства, мы, ваши «защитники», не умеем. Все, кто хоть на что-то путное способен, давно из органов ушли. А у нас тут сейчас клуб нищих любителей — по интересам. Это начальство наше оно да — небедно живет. Они там и темы жирные решают и откаты-благодарности недурные имеют. Но работать они бесплатно, так же, как и мы, не приучены. Сначала деньги засвети, а там посмотрим. Но опять-таки надеяться на результат не стоит. Ни мы, с одним просветом на погонах, ни они, с большими звездами, никому ничего не гарантируем. Даже при хорошем откате.

Хотя, по большому счету, в отличие от предыдущего, в этом случае должно быть не так обидно. Если человек столкнулся с

органами правозащиты, значит, где-то в чем-то как-то виноват. Причем, сам. Где-то что-то нарушил, преступил, недодумал, недоучел. Просто ошибся в выборе: начальника, подчиненного, жены, любовницы, друга, товарища, собутыльника, подельщика. Был не в меру болтлив или, напротив, не сказал нужные слова в свое время. Словом, если хорошенько покопаться, то причина привода в милицию всегда в себе самом найдется.

Так вот, наши «защитники» они, в большинстве своем, люди, конечно, нехорошие, но все же их подлость на порядок меньше, чем у описанных выше служителей Гиппократа. Ведь когда человек обращается в больницу, он не виноват в том, что заболел. Это от него не зависит. И пришел он к белым халатам не по своему желанию или сделанной глупости, а за неимением другого варианта поправить свое здоровье. А тут эти бездушные нарушители клятвы первого цивилизованного врачевателя берут безвинного больного человека в профессиональный оборот и вытягивают из него все, что могут. И соки, и здоровье, и нервы, и деньги.

Так что запомни главное, соотечественник: если ты попал и приходится плотно общаться с людьми в погонах (в любом качестве), в этом виноват процентов на девяносто, если не на все сто, ты сам. Хотя от этого, понятно, процедура приятней не становится.

И еще бесплатный совет по решению вопросов с нашими правоохранителями. Например. У тебя украли сумку с паспортом, правами, ключами и пятью тысячами долларов. Приходишь и в лоб заявляешь: «Я плачу. Найдите права, ключи и паспорт, а деньги можете не возвращать!» И тогда, если сильно повезет, найдут и вернут под расписку (в которую вписаны и деньги, естественно) документы и ключи. Если поступишь иначе, не получишь, разумеется, вообще ничего.

Идем дальше. Возьмем нашу «любимую» четвертую власть — средства массовой информации. Тут скрывать тоже особо нечего. Есть свои специфические отклонения (от морали и закона) и условности.

Журналисты берут деньги за публикуемые материалы, да берут! А как иначе? В средствах массовой информации, что, не люди работают? Это наша норма поведения. От нее никуда не деться. Не единственная, естественно.

Вот взять деньги у одного заказчика для того, чтобы облить грязью другого, а написать пасквиль при быстрой перекупке наоборот — это «западло», то есть, не по журналистским понятиям.

Объясняю проще. Взял деньги у господина Иванова, чтоб

испачкать дерьмом товарища Петрова. Если ты честный журналист, будь добр, исполни. А только уже потом возьми деньги у товарища Петрова и сравняй с плинтусом господина Иванова. Вот это грамотно и профессионально. По понятиям. Никто не осудит. Такой работник средств массовой информации заслуживает уважения. Считается порядочным и честным.

Следующая градация. Слесарь или иной работник ЖЭКа. Кто-нибудь слышал, чтобы хоть один работник коммунального хозяйства хотя бы раз исполнил свои функциональные обязанности без взятки? Поменял прокладку, починил кран, выключатель, розетку или хотя бы перекрыл стояк? Ни за что! Только через магазин или кошелек. Это их понятия — коммунальные.

А их руководство, живущее по аналогичным принципам, покрывает своих подчиненных и только демонстративно разводит руками, призывая к пониманию и толерантности.

Закон Системы. Ничего не сделаешь. Хотите, чтоб была вода, платите слесарю-сантехнику. Света нет? Пойдите, договоритесь с электриком. Что? Платите коммунальные платежи исправно? Ну и что? Вы же не мне их в карман платите и не сантехнику, электрику! Хотите результата, играйте по нашим правилам! По нашим ПОНЯТИЯМ.

Все перечисленные и неперечисленные работники предприятий и сотрудники иных учреждений Украины в качестве бессменного аргумента в свое оправдание (и перед собой в том числе) приводят одну и ту же причину — маленькую заработную плату (причем, какая бы она ни была).

Звучит это примерно так: «Вот если б мне платили в два раза (или пять, или десять) больше, тогда бы я, конечно, исполнял свой долг честно, работал с полной отдачей, не воровал…»

Если посмотреть на этот подход со стороны и внимательно проанализировать посылку в кавычках, то… глуповато фраза построена, не находите? Нет? Тогда шансов лично у Вас по изменению сознания от «понятий» к пониманию не прослеживается.

Список специфических норм поведения с разбивкой по профессиям можно продолжать до бесконечности. Все мы прекрасно понимаем, о чем идет речь. Это иностранцам разобраться в наших нюансах крайне сложно.

Они же «тупые», живут по закону: не ездят на красный свет и через двойную осевую, пристегивают ремень безопасности, не воруют ни у страны, ни на месте постоянной работы, мусор бросают только в урны, уважают себя и свое государство. А мы… Сами знаете, что мы… Суть нашей особенности в ментальности и

подходе, выработанных нами же исходя из условий жизни в этой стране.

Мы страна понятий! Мы все дружим против своего государства. Все ни в грош не ставим закон (пока, конечно, он не угрожает тюремной решеткой персонально). Уклоняемся от налогов, воруем воду и электричество, не платим за проезд в общественном транспорте. Оно делает нас, а мы его! Только все давно позабыли, что государство это и есть мы! И кто же тогда кого делает? Правильно — сами себя! И все согласно нашим понятиям! Вывод прост: пока мы не станем страной закона, нам удачи не видать! Так что, дорогие соотечественники…

— Дарю, коллега. Издавай. — Я покинул тело озаренного «Музой» парня. Скользнул взглядом по бездельничающим женщинам. — Так, ладно. С работниками все понятно. Есть и такие, и эдакие… Всякие. Как везде. Посмотрим, кто здесь задает направление и осуществляет, говоря словами бессмертного классика, «чуткое руководство».

Неспешно поплавал по территории офиса организации, манкируя как тонкими перестенками, так и капитальными несущими стенами и, найдя искомое, шмыгнул сквозь обшитые кожей двустворчатые двери, за которыми ни по определению, ни по здравому смыслу никого, кроме руководства Комитета, быть не могло.

Посещение начальства испортило не только настроение, но и самочувствие. Появилась болезненная вялость, скованность и довольно сильный душевный (поскольку тело у меня, как таковое, отсутствует) дискомфорт. Вот тебе и ответ задачки. Вот почему все «не так в Датском королевстве»…

Познакомился я со всеми тремя основными начальниками Комитета по делам духовности и морали. И так мне муторно стало, так не по себе, так нехорошо… Такое состояние можно выразить только простым народным словом — хреново, с определением — очень. Даже пришлось некоторое время отдыхать-восстанавливаться после столь болезненного знания.

Да уж, деятели… Будет лежать под сукном концепция идеалиста-романтика Алексея Сергеева, разработки полковника не найдут практического применения, и статьи моего юного коллеги через Комитет разместить в средствах массовой информации также не удастся. Это мне стало как-то четко и сразу понятно. И вообще, все хорошее, что пытаются делать рядовые, неравнодушные к судьбе государства сотрудники этой организации, будет похоронено на уровне руководителей

Комитета. К превеликому сожалению. Почему так? Очень просто.

Главный начальник — перепуганный по жизни закомплексованный по уши пятидесятилетний врач-сексопатолог, которого и на пушечный выстрел нельзя подпускать к административной работе, тем более, в таком ведомстве. Появляется в офисе на один час от силы, обычно в районе обеда, но не каждый день. Остальное время проводит непонятно где, возможно в своей клинике, где трудится по специальности.

Сотрудников в лицо не знает. В рабочий процесс не вникает. Никаких полезных мыслей не имеет и приобрести не пытается. Делать ничего не хочет и не может одновременно. В своем кресле занимается только одним — очень гордится этой почти министерской должностью и регулярно получает соответствующую заработную плату.

Единственная и в тоже время главная заслуга перед народом Украины — не умеет грамотно воровать бюджетные деньги. Мешает отсутствие навыков и фантазии. Поэтому и не берется. Просто выписывает себе максимально возможные в рамках законодательства (а не справедливости и порядочности) премии и катается за казенный счет по своим семинарам, посвященным актуальным вопросам сексопатологии. На этом пустая (прямая) трата народных средств непосредственно с его руки заканчивается.

Находится на таком посту благодаря тому, что учился в школе с одним из «поднявшихся» «оранжевых» лидеров государственного масштаба. Логика в его поведении прослеживалась определенно: на этой должности он вечен, пока однокашник «на коне». И никто его не тронет внезависимости от того: делает он что-то полезное или нет, появляется на работе или числится номинально, вникает в процесс или даже не пытается. А вот если могучий покровитель слетит со своего кресла, то и здесь придется освободить свое незамедлительно. Причем, даже если будешь вкалывать на благо страны двадцать четыре часа в сутки. Все равно, как встарь, прозвучат грозные слова: «Которые тут временные? Слазь!» Какой же смысл напрягаться? Или даже просто — изображать деятельность?

Ведь из чего состоит рабочий цикл типичного украинского чиновника сегодняшнего разлива? Семьдесят процентов времени любой современный руководитель тратит на то, чтобы удержаться в должности, двадцать пять — получить личную выгоду из занимаемого кресла и только пять уходит на непосредственное исполнение функциональных обязанностей. Главный начальник Комитета не переживает насчет своего кресла, оно к нему прикреплено намертво, пока группа одноклассника стоит у руля

власти. А там видно будет. Все просто, понятно и… безнадежно.

Его первый заместитель пытается руководить организацией, хотя тоже раньше обеда на службе не появляется. Говорит много, правильно и с явным удовольствием. Люди в большинстве своем воспринимают эти словеса за чистую монету. Многие по началу верят.

Однако, сделать в заданной системе координат толком ничего не может. Щедро розданные обещания не выполняет. В результате путается и вынужден регулярно изворачиваться и лгать. Страстно желает занять пост номер один и сам верит в то, что это и есть главная цель работы всего Комитета. Точки приложения усилий соответствуют поставленной задаче.

А последний, третий по счету руководитель организации, второй заместитель — общепризнанный козел отпущения. На него и первый лидер, и второй сбрасывают небрежно, походя, словно в мусорную корзину, все провинности, недоразумения и служебные ошибки. То есть, по всем неприятным эпизодам (которых неимоверное количество), связанным с деятельностью Комитета, он остается крайним.

Его громко и долго демонстративно ругают, создавая видимость, что полный хаос и беспорядок в организации происходят исключительно по его вине. В тоже время никаких реальных рычагов власти он не имеет: ни к каким мероприятиям два вышестоящих начальника его не подпускают, от руководства кадрами оттирают, права подписи не дают. А тот стоически переносит такое положение вещей, послушно исполняя роль бессловесного громоотвода.

Этими всеми делами ловко пользуется главный бухгалтер, который в полной неразберихе сливает деньги по примитивным схемам, пользуясь тем, что первое лицо абсолютно не ориентируется в управленческих вопросах и подписывает все, что ему главбух ни подсунет. Только он и был, пожалуй, единственным человеком в Комитете (кроме главного лидера, естественно), который четко знал, чего хочет от своей работы, и получал желаемое.

— Стадо меркантильных баранов с несколькими идейными работниками, которым руководит неизвестно кто и почему, — подвел итог работы главного идеологического и направляющего по делам духовности и морали аппарата страны я, так толком и не придя в себя. — Фу ты, а плохо-то как… Надо как-то восстановиться, расслабиться… Ага, знаю, куда следует направиться…

Лекция

Наклонная, заполненная студентами на две трети лекционная аудитория в Киево-Могилянской академии сразу же разбудила воспоминания о далекой молодости. Самочувствие сразу начало улучшаться. Я живо представил мои восемнадцать лет, которые до сих пор вышибают слезу обиды за безвозвратно утраченные ценности и жалости к себе за их же потерю. Лучшие романтические годы, которые…

В корне пресек душевный порыв углубиться в ностальгические воспоминания и сделал горизонтальную петлю над головами присутствующих. Так-так, что у нас здесь происходит?

Нестарый еще лектор с бородкой а-ля «украинский козел» на прекрасном государственном языке пытался вложить в головы слушателей, как обычно, разумное, доброе, вечное. Только это «вечное», было слегка новым, и, на мой взгляд, «разумное» и «доброе» тоже было изрядно перекрученным.

Преподаватель вещал о новых демократических ценностях, которые победили в Украине благодаря героическим усилиям истинных патриотов. О том, какие несусветные блага несет этот прорыв стране юной демократии. О том, с кем надо дружить Украине, а с кем нет. О перспективе интеграции в мировое сообщество (правда, очень туманно). О двойных стандартах и прочем, прочем, прочем…

Судя по всему, лекция была по политологии. Наверняка, этот научный работник с таким же энтузиазмом рассказывал (как теперь о голодоморе в новой истории Украины) и о научном коммунизме, и о социалистических завоеваниях, и о съездах КПСС, и о необходимости замены продразверстки продналогом, и о многом другом. О чем сейчас умалчивает и боится даже вспоминать.

Студенты, находящиеся в аудитории, не отличались от любых других поколений учащихся ВУЗов. Братия с зачетными книжками всегда разношерстно одинакова. Одни внимательно слушали преподавателя, вторые прилежно конспектировали, третьи делали вид, что им интересно, абсолютно не вникая в суть лекции, четвертые даже не пытались сохранить умный вид на лице. Кто-то соревновался в каких-то играх, кто-то рисовал на парте, кто-то сочинял стихи, кто-то сплетничал. Некоторые явно дремали: одни с открытыми глазами, иные даже закрыв их. Знакомая история — бурная ночь дает о себе знать. Столичные дискотеки, ночные клубы, веселые застолья делают свое дело.

Я пролетел сквозь весь поток, внимательно вглядываясь в лица присутствующих, и остановил свой выбор на преподавателе. Идея мелькнула в моей оболочке ехидной молнией: «Сейчас мы вас всех разбудим! А тебе, беспринципный словоблуд, «поможем» с продвижением по служебной лестнице!» Я влетел в тело лектора, который важно, с чувством причастности к провозглашаемому, говорил:

— … и на этих демократических принципах мы построим новое государство согласно лучшим мировым моделям. Развитие Украины в этом направлении теперь уже ничто не сможет остановить. Мы идем по пути истинного парламентаризма, и это является залогом успеха для будущего нашего общества…

И тут к его монологу подключился я. Горе-политолог, даже не изменив интонации, продолжил, перейдя на русский язык:

— Однако, тут не все так просто, как кажется. На самом деле, одним из самых лживых политических начал современности есть, так называемое, народное волеизъявление. Самая модная сейчас идея устройства государства, довольно серьезно прижившаяся во всем мире. Она утвердилась во время французской революции. Суть ее состоит в том, что любая власть исходит от народа и имеет в основе волю народа. Отсюда и появилась теория парламентаризма, которая по сей день вводит в обман людей, и, к превеликому несчастью, широко внедрилась в украинском государстве. Она держится в умах, как некая истина, хотя ложь становится все наглядней и давно уже понятна всем умным людям в мире. К сожалению, Украина уже идет по этому гибельному пути…

В среде студентов произошли существенные изменения. Отличники бросили писать конспекты и переглядывались с недоумением. Хорошисты по инерции продолжали заносить произносимое лектором в свои тетради, но с каждой секундой тугодумов оставалось все меньше. Ручки повсеместно замирали и оставались без работы. Троечники весело перемигивались, тут же строя различные версии относительно поведения лектора: пьяный, с похмелья, крыша поехала, идеологический диверсант… Двоечники, выходя из дремы и ориентируясь больше не на смысл лекции, а на состояние аудитории, вопрошающе смотрели на всех остальных: это о чем тот, который у доски, глаголет? Один из отличников, сориентировался быстрее других и в стремительном порыве выбежал из аудитории. Преподаватель не обратил на эту самовольную выходку никакого внимания. Он продолжал:

— В чем же состоит теория парламентаризма? Давайте вдумаемся. Предполагается, что весь народ на своих общих собраниях творит законы, выбирает должностных лиц и, таким

образом, непосредственно проводит свои намерения в жизнь. Это идеальное представление; его применение в наше время, а тем более, в нашей стране, просто невозможно. Ведь народ должен передать свое право на власть определенному количеству выборных людей, которые, в свою очередь, не могут управлять страной все вместе, а вынуждены избирать между собой еще меньшее количество управленцев. Например, профильных министров и других должностных лиц, которым и поручается управление: армией, милицией, безопасностью государства, промышленностью, транспортом, финансами, экологией, сельским хозяйством, коммунальным и тому подобным. Они в ответе за все происходящее в государстве: формирование бюджета, правопорядок в стране, благополучие сограждан, охрану окружающей среды, сбор и распределение налогов, внешнюю и внутреннюю политику и так далее.

По идее описанный выше механизм выглядит красиво, но для того, чтоб он качественно работал, необходимы специальные условия. Как-то: представителями народа, должны быть лица, которые: во-первых, могут понимать в полном объеме поставленные электоратом задачи; во-вторых, хотят это делать; и, в-третьих, будут выполнять поставленную избирателями программу действий. При таких условиях каждый порядочный гражданин с удовольствием участвовал бы в этой общегосударственной форме управления.

А теперь посмотрим на практическое применение этой «идеальной» модели управления государством. Даже в странах с устоявшимся парламентаризмом выборы никоим образом не отражают волю избирателей. Потому что народные избранники абсолютно не ограничиваются взглядами и мыслями своих избирателей, а руководствуются, в первую очередь, собственными интересами, расчетами и планами действий.

Наши украинские министерства на сегодняшний день, вообще, напоминают отдельные княжества, где каждый творит, что хочет. Руководители этих ведомств попадают во власть или лишаются ее не вследствие народной воли, а лишь потому, что их назначают или снимают определенные политические или бизнес-силы. Министры и прочие руководители высшего звена распоряжаются всеми денежными средствами на свое усмотрение, раздают льготы и милости, содержат в своих аппаратах массу ненужных работников. И все это за деньги народа!

А если высокие чиновники еще имеют в парламенте свое большинство (что периодически происходит), то тут они уже не боятся ничего. Совершенно. Причем, что особо обидно для рядовых жителей страны, это самое большинство они сохраняют

благодаря раздаче его членам всяких благ со щедрого стола, который государство выдало им в полное распоряжение. То есть, оплачивают из карманов избирателей.

Всем наглядно видно и без всяких доказательств, что сегодняшние министры и прочие государственные мужи исполнительной ветви власти, так же безответственны, как и народные избранники. Многочисленные ошибки, бескрайние злоупотребления, профессиональная профанация — вот что мы наблюдаем ежедневно в работе правительства. А слышали мы когда-нибудь о соответствующем наказании, которое понес хоть один серьезный чиновник Украины? Даже если когда-нибудь дело дойдет до суда(!), то результат предсказуем. Решение нашего суда будет мелочью по сравнению с виной чиновника. Да здравствует украинский суд, самый продажный суд в мире! Впрочем, я отвлекся.

Если давать истинное определение парламентаризму, то следует со всей прямотой сказать, что парламент есть учреждение, которое служит для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и, безусловно, материальных интересов избранных.

Всегда и везде, в любой стране при парламентаризме людьми управляет кучка привилегированных личностей с партийным вождем во главе…

Аудитория слушала, затаив дыхание, как один человек. Такого внимания у этого преподавателя никогда не было и, без моего участия, быть, разумеется, не могло. А тут такое… Кроме мерного голоса докладчика, в помещении не раздавалось ни звука. Самые умные включили камеры на мобильных телефонах и сидели не шевелясь, боясь испортить хоть один фрагмент записи. Популярность и известность я обеспечил этому лектору на многие годы. А как ты хотел, дорогой? Проскочить в этой жизни с однотипными дифирамбами в пользу правителей? Нет уж, не выйдет! Ныне забытая теория великого просветителя своего времени Константина Петровича Победоносцева о вреде парламентаризма для общества запечатлит тебя в истории, как минимум, Киево-Могилянской академии, надолго. Лектор, между тем, проникнувшись столь необычным вниманием аудитории, деловито говорил:

— На фасадах зданий парламентов во всех странах мира с этой формой правления государством висит лозунг: «Все для блага народа!» Но это ничто иное, как главная формула обмана. Парламентаризм — не только торжество эгоизма, это его высшая форма. По смыслу парламентской фикции, представитель обязан служить идеям своих избирателей, но, на самом деле, избиратели

в самом акте голосования фактически отказываются от всех своих прав в пользу определенного избираемого лица.

Перед выборами любой кандидат в своей программе и пламенных речах нагнетает эту фикцию: он твердит об общественном благе, безустанной заботе о своей стране, великих идеалах, светлом пути, экологии, детях, нищих, пенсионерах, заработных платах, социальной справедливости и многом другом. Проще говоря: он позиционируется как слуга народа, который забудет о своих интересах ради процветания государства и народа. Только выберите! Но все это, как сказал Шекспировский Гамлет, слова, слова, слова…

Пустые обещания — только необходимые ступеньки на лестнице к власти. Как только кандидат доходит туда, куда ему надо, то есть, становится депутатом, он, не раздумывая, отбрасывает эти ступеньки и даже забывает об их существовании. Теперь не избранник работает на общество, а общество становится инструментом в его руках для достижения своих узкокорыстных интересов.

Избиратели для него — не более чем стадо для сбора голосов, и собственники этих стад, надо отметить, подобны богатым кочевникам, стадо которых есть капитал, основа значимости и могущества в обществе.

Сегодня, как никогда ранее, развилось и усовершенствовалось искусство игры инстинктами и желаниями толпы. Манипулированием сознанием масс занимаются тысячи политтехнологов. И все это лишь для того, чтобы единицы прорвались к власти и потешили свое самолюбие и набили свой, и без того тугой, кошелек.

После достигнутого люди для соискателя депутатского мандата теряет всякую ценность. До следующих выборов, разумеется. Тогда снова запускаются льстивые и лживые словеса — на благо одним и на погибель другим. Это и есть длинная цепочка однотипных маневров, которая создает механику парламентаризма.

Именно так и устроено выборное право. Честолюбивый кандидат выступает перед избирателями и старается уверить, что он, больше чем кто-либо другой, достоин их доверия. С каких дел он вообще пытается убедить нас в этом? Вы когда-нибудь об этом задумывались? Ведь понятно, что уж никак не из бескорыстных намерений! Это аксиома!

Вообще, в наше время крайне редко встречаются люди, которые способны проникнуться солидарностью со своим народом, готовы на труд и самопожертвование для общегосударственного блага. Такие человеческие качества

идеальны. Этим личностям не нужны никакие банальные жизненные столкновения. Тот, кто по своей сути склонен к бескорыстному служению на благо народа, не станет лицемерить в погоне за голосами избирателей, не будет петь себе дифирамбы на выборах, нанизывая друг на друга бесконечные лживые фразы.

Такой человек раскрывает себя на своем рабочем месте или в тесной компании единомышленников, но он не пойдет искать популярности на шумном рынке предвыборной гонки. Лучшим людям, людям чести противна сама процедура выборов. Ею пользуются только корыстные, эгоистичные натуры, которые желают добиться своих целей любым способом.

Общеизвестно, любые выборы — дело искусства. Подобно военной науке, здесь есть своя стратегия и своя тактика. Кандидат не пребывает в прямых отношениях с избирателями. Между ним и электоратом работает целая специально обученная организация, у которой главной силой на пути к результату служит наглость.

Тот, кто хочет быть избранным, нанимает эту группу специалистов с определенными наработками и соответствующим опытом. А дальше уже их задача — убедить всех, что этот кандидат лучший. Они организовывают для него все мероприятия: разрабатывают стратегию и тактику кампании, проводят собрания, митинги, всевозможные другие акции в его поддержку, пишут выступления соискателю.

Только тот, кто владеет хорошо поставленным голосом, умеет быстро и ловко нанизывать слова, может произвести впечатление на толпу. Люди слушают только того, кто кричит, умело подстраиваясь банальностью и лестью под настроения, которые бродят в массе.

А в сам день выборов редко кто голосует осознанно. В основном, отдают свои голоса за то имя, которое громче всего звенело в ушах в последнее время. Никто не знает этого кандидата, не имеет представления ни о его характере, ни о его способностях, ни о его роде занятий. Избирают только потому, что часто слышали это имя. И избранным всегда будет тот, кого провозгласила толпа легкомысленных, равнодушных и уговоренных обывателей.

Выбор, по идее, должен был бы упасть на более разумного, образованного и достойного, а на самом деле побеждает тот, кто наглее и напористей. Казалось бы, для народного избранника необходимым набором качеств должны быть: порядочность, образование, опыт, трудолюбие, честность. На самом деле эти достоинства в выборных забегах совершенно не нужны, мало того, они могут оказаться вредными для получения конечного

результата.

Здесь определенно нужны: напор, ораторское искусство, смелость, самоуверенность, наглость и даже вульгарность, которая очень эффективно действует на массы.

При определенной ограниченности ума, а также при существенно развитых эгоизме, злобе, низости и подлости человек, обладающий, к тому же, сильной волей, вполне может стать лидером партии. Причем, в нее могут входить люди, которые намного превышают его по умственным способностям и этичным нормам. Опыт показывает, что для лидерства это не главное: при спорах решительное слово остается не за умной мыслью, а за доводом, который высказан ярко и темпераментно.

Больше всего народ воспринимает не четкие, выверенные аргументы, основанные на глубоком знании сути вопроса, а гибкие формулировки и мастерски составленные фразы, рассчитанные на инстинкты вульгарности, которые всегда таятся в толпе.

Если лидер партии объединяет в себе силу воли и дар красноречия, он сам себя расхваливает на всех предвыборных мероприятиях. Если у него этот дар отсутствует, он стоит, подобно режиссеру, за кулисами и управляет сим действом дистанционно: направляет ход выборного спектакля, распределяет роли, выпускает в определенной последовательности ораторов, которые говорят вместо него, привлекает более сильные, но нерешительные умы.

Что такое вообще парламентская партия? По теории, это общность людей, которые одинаково мыслят и объединяют свои силы для осуществления своих убеждений в законодательной сфере и исполнительной ветви власти для всеобщего процветания державы. Но на самом деле большая, весомая в парламенте партия создается под влиянием личного корыстолюбия и тщеславия и группируется вокруг одного лидера.

Публичные заседания парламентариев это не что иное, как представления для публики. Сцена. Подмостки. Театр. Речи провозглашаются только для того, чтобы поддержать фикцию парламентаризма. Редко какое выступление тянет за собой парламентское решение по действительно важному для страны вопросу. Обычно выступления пиарят самих ораторов для увеличения их личных рейтингов, а также популяризируют партии, к которым принадлежат выступающие.

Такой, как видим, несложный механизм парламентарного лицедейства как у нас в стране, так и за ее пределами. Такой нелицеприятный образ великой лжи, которая существует в наше время. Итак, подведем итоги.

Первое. По теории парламентаризма, в парламенте для принятия решений должно существовать разумное большинство, на самом деле всем руководят лидеры четырех-пяти партий, которые получили власть.

Второе. По теории, убеждения должны подтверждаться доказательствами во время парламентских слушаний, на практике решения никоим образом не зависят от дебатов, они принимаются лидерами партий кулуарно и только в угоду своим узкокорыстным интересам.

Третье. По теории, народные представители должны заботится о благе народа, реально они пекутся только о своем достатке, ну, как максимум, своих друзей по партии.

Четвертое. По теории, депутаты должны быть лучшими представителями народа, на практике — это наиболее честолюбивые, беспринципные и наглые граждане.

Пятое. По теории, избиратель отдает свой голос за кандидата потому, что знает его и доверяет ему, но на деле он почти всегда своего кандидата не знает, тем более, как сейчас у нас, при голосовании по партийным спискам.

Шестое. По теории, делами в парламенте должны руководить опытный разум и бескорыстная воля, а на практике главной решающей силой есть эгоизм, краснобайство, хамство и стяжательство.

Седьмое. По теории, основа работы народных избранников лежит в плоскости…

Что хотел сказать лектор «в седьмых», слушатели уже не узнают никогда. Вернулся сорвавшийся с места студент и, безапелляционно прервав преподавателя, сухо с порога отчеканил:

— Вас срочно вызывают к проректору по учебной работе!

— Да, да, конечно, — суетно скомкал конец фразы лектор, собрал со стола свои бумаги в папку и больше не глядя ни на кого, не попрощавшись, покинул аудиторию.

Я все это уже наблюдал со стороны. При появлении запыхавшегося усердного отличника покинул тело преподавателя автоматически, сразу же поняв, что представление пора заканчивать. Да и так, судя по реакции студенческой братии, получилось совсем неплохо.

Аудитория гудела, как растревоженный улей. Обмен мнениями шел в порядке горячей дискуссии по нарастающей. Как бы банальным мордобоем дело не закончилось. Учились-то на потоке представители разных регионов, и, как следствие, политические взгляды у студентов, естественно, не совпадали. Да уж, нетривиальное событие произошло у вас, ребятки, на лекции

по политологии. Берегите записи! Хвастайтесь! Многие вам позавидуют.

— Все. Восстановился, расслабился. Пора заниматься делом. Надо отрабатывать сектора! По порядку! За работу! Труба зовет! — такими словами я подхлестнул себя и буквально вышвырнул из аудитории Киево-Могилянской академии, потому что подмывало развить многообещающую ситуацию, а это уже грозило перейти в обычное ребячество со всеми вытекающими последствиями.

— Эй, прапорщик! — зычный окрик, раздавшийся из остановившегося неподалеку от КПП УАЗика, адресовался, в том числе, и мне, поскольку я в данный момент находился в теле именно этого военнослужащего. Из машины вышли двое: майор и полковник. Майор выскочил пулей, а полковник (голос принадлежал ему) покинул машину неторопливо, с видом полноправного хозяина этого мира.

«Блин, это надо же так вляпаться! Полный алес! Никак новый командир полка объявился, и как не вовремя! Три минуты — и только б они меня и видели, до выхода из части осталось метров тридцать, не больше. Вот попандос!»

Сергей остановился и начал лихорадочно изобретать версию происходящих событий, поскольку ящик с тушенкой, который он нес на плече, спрятать уже не представлялось возможным. Слабая надежда была на приближавшегося вместе с полковником майора Зубкова.

«Столько лет вместе, прошли и огонь, и воду, и медные трубы — может, прикроет. Хотя новый командир вон объявился… Как знать… Захочет ли Зубок рисковать своей шкурой…»

— А этот героический служака, я так понимаю, — полковник, обращаясь к майору, безошибочно идентифицировал несуна, — наш начальник продовольственной службы?

— Так точно. Старший прапорщик Загоруйко! — доложил майор Зубков и, пользуясь тем, что полковник смотрел на Сергея, скорчил сослуживцу страшную рожу. Дескать, влип, дурилка! Как же ты так? Давай, рожай что-нибудь! Придумывай! Выпутывайся!

— Понятно. Кому, как не главному над продуктами, с тяжелой картонкой по части ходить! А что в ящике, товарищ старший прапорщик Загоруйко? — усмехнулся полковник. — Сгущенное молоко?

— Никак нет, товарищ полковник, — отчеканил Сергей, вытягиваясь по стойке смирно. Ящик давил на плечо и мешал. — Говяжья тушенка!

— А скажите мне, Загоруйко, — полковник ехидно посмотрел на моментально под его взглядом сменившем мимику майора. — Что Вы делаете с ящиком тушенки в тридцати шагах от проходной, да еще и направляясь непосредственно к ней? Уж не вынести ли консервы за пределы нашей доблестной части собираетесь? Да поставьте ящик, прапорщик. Тяжело, небось?

— Никак нет, товарищ полковник!

— Что никак нет? — не понял новый командир полка. — Не тяжело? Или вынести не пытаетесь?

— Никак нет, тяжело! — Сергей поставил ящик на асфальт и снова выкатил вперед грудь, лихорадочно соображая: «Что же придумать? Нес тушенку для раздачи сухого пайка? Кому? Караулу на КП? Бред! Нет. Их там трое, а говядины ящик. Не подходит. Хотел обменять на что-то нужное для части? Что? Например? Шторы в столовую? Для улучшения интерьера. Бензин для сверхнужд кухни? Дескать, горючки по утвержденному лимиту маловато. Другую провизию? Конфеты для отличившихся солдат к празднику Военно-Воздушных Сил? Все это очень слабо, не поверит!»

— Так куда направляется начальник продовольственной службы с ящиком консервированной тушенки? На прогулку? — полковника ситуация, похоже, забавляла. — Говядина в банках в ежедневном выгуле не нуждается. Это не собака…

— Точно так, — не стал возражать Сергей.

— Стало быть, старший прапорщик Загоруйко идет по неверному пути прежнего командира части полковника Бельца? — развивал свою мысль командир полка. — По пути растрат и хищений прямиком к тюремной камере?

— Никак нет, — вступился за подчиненного майор Зубков. — Разрешите прояснить ситуацию. Сергей у нас очень ответственный и глубоко порядочный человек, сейчас он выполняет деликатное и очень важное задание, с моего ведома, естественно…

— Даже так? — поднял левую бровь новый хозяин воинской части. — Любопытно будет узнать, какое…

— Дело в том, что здесь замешаны интересы… — майор бережно, словно невесту, взял начальника под локоть и, отведя на несколько шагов в сторону, что-то проникновенно зашептал в ухо.

Сергей перевел дух: «Слава Богу! Наконец-то! Соизволил-таки помочь. Ведь столько всего вместе с майором по хозяйственным делам намучено, перемучено… Мы же одной крови! Надо помогать! Завтра половину свиной туши отстегну, если сегодня все закончится нормально. Давай, Зубок, давай майор, ты же меня знаешь, я в долгу не останусь! А отношения, похоже, с новым

полканом он уже завел неплохие. Молодец! Как мило скалятся… И душок от обоих одинаковый — водочно-селедочно-коньячно-конфетный… Отмажет… Стопудово отмажет!»

— Хорошо, майор, уговорил, — уже в голос смеялся полковник. — Какие у вас тут дела, однако, происходят непростые! Это ж надо! Кто бы мог подумать!

— Ну, а я о чем говорю, все по-серьезному! А Сергей свой парень! Надежный! — доверительно вещал Зубков. — Так что дело именно в этом… словом, таким образом, товарищ полковник.

— Смотри, прапорщик Сергей, — командир части погрозил пальцем и, направляясь к УАЗику, добавил, — не подведи! Не урони честь военнослужащего украинской армии. Покажи этим поганцам по полной программе!

— Никак нет! Буду стараться! — и, видя, что вопрос решен, позволил себе несколько слов не по уставу. — Мы никогда не подводим!

— Вот и славно, — командир части уже садился в машину.

— Я на секундочку, — Зубков раскланялся с новым начальником и рысью подбежал к прапорщику. — С тебя, Серега…

— Все будет в поряде, без базаров, завтра же! — заверил он майора. — Ты что ему, вообще, наплел?

— Не перебивай. Какое завтра? С тебя немедленно кабак, на двоих! Начальника ублажить надо. Врубился? Что тут у нас рядом приличного есть… — майор в уме начал перебирать столь близкие его душе ближайшие забегаловки. — Блин, ничего путного! Не подходят для такого случая окрестные тошниловки…

— Давай «Изабеллу» организую, — предложил Сергей. — Там все по высшему разряду! И концы есть.

— Давай! — Зубков взглянул на часы, — полчаса хватит?

— Вполне.

— Тогда, дерзай!

— Погоди, — прапорщик схватил за рукав уже рванувшего к машине майора, — так что ты ему налапшал?

— То, что ты работаешь, с моего разрешения, разумеется, по легенде. Сотрудничаешь с местными районными операми из уголовного розыска. Помогаешь выявлять доблестным сотрудникам МВД недобросовестных коммерсантов, которые торгуют в своих магазинах и продуктовых киосках украденным у государства товаром, — весело поведал Зубков.

— И он поверил? — поразился Сергей.

— Ты чего? — в свою очередь сделал удивленное лицо майор. — Он что, по-твоему — идиот? Нет, конечно. Не поверил,

но вид сделал. Ты с кабаком пошустри! Давай мухой в «Изабеллу»!

— Все будет чики-пики! — уверил Загоруйко и, едва машина тронулась с места, подхватил ставший внезапно необычайно легким ящик, бросился галопом к проходной.

Предыстория этой сцены была увлекательной и не совсем типичной для украинской армии. Во всяком случае, в плане судьбы предыдущего командира части полковника Бельца С. К. Назначен новый командир истребительного полка был после для кого-то радостных, для кого-то печальных, а, по большому счету, довольно глупых обстоятельств. В ситуацию я вник досконально. Можно сказать, изнутри, что на самом деле, в какой-то мере, и было.

Майор Зубков Виктор Степанович сидел в приемной и злился. Злость, с одной стороны, была абстрактная — он злился на все сразу, что можно выразить одним емким словом — «жизнь». И в тоже время его злость была направлена на вполне конкретные раздражители, которые, собственно, и мешали ему комфортно чувствовать себя на этом свете.

К таковым относилось: похмельная дрожь в руках, сухость во рту, стрекочущая на машинке секретарша — старший сержант Журавлева Татьяна Ильинична, медная табличка на двери кабинета с фамилией непосредственного начальника — полковника Бельца С. К. прямо перед глазами, плохо начищенные форменные ботинки, которые он поленился утром протереть щеткой и теперь стыдливо прятал под креслом, неудобно поджимая ноги, солнечный луч, который попадал ему прямо в глаза. И еще многое, многое, многое…

Однако другие раздражители, не воспринимаемые глазами или иными человеческими органами, доставляли майору гораздо больший дискомфорт. Их было не так много, но поделать с ними Виктор Степанович ничего не мог. Если от противного солнечного луча можно было заслониться, то от назойливых мыслей никакие телодвижения не спасали. И били они Виктора Степановича по самому больному.

«Как он, военный летчик, орденоносец, докатился к сорока пяти годам до такого? Бывший, давно уже бывший летчик. Сейчас он просто сильно пьющий заместитель командира части. Истребительного полка. Заместитель Сергея Карловича Бельца. Просто Сереги, с которым вместе начинали службу. После выпуска из училища что творили… Два молодых сокола… Эх, вспоминать горько… А теперь? Бельц большой человек, при

власти и при деньгах, а ты просто мелкий пьяница. Даром что майор. Впрочем, это пока майор. Серега столько раз предупреждал… А сейчас может действительно выгнать. Имеет полное право. Вопрос стал ребром. Вызвал и приказал принести тысячу долларов. Если не хочешь, дорогой друг, вылететь на гражданку с волчьим билетом, неси капусту. Вот так вот. Сам, правда, виноват. Задвинул два десятка летных комбезов налево. Но ведь все пропил же сразу. До копейки. Откуда теперь деньги взять? Е-е-е-е-е-е».

На вздох обернулась старший сержант Татьяна и, перестав стучать по клавишам, наградила майора сочувственным взглядом:

— Виктор Степанович, может, поправитесь? Чего мучиться? — кивнула на шкаф, в котором был устроен на средней полке минибар, где находилось все необходимое для подобных случаев со здоровьем.

— Нет, буду терпеть, — помотал отрицательно головой Зубков, не столько для нее, сколько убеждая себя. — Нельзя. От шефа выйду, тогда уж…

— Как знаете, — не стала уговаривать его Журавлева.

— Скоро он уже меня примет? — попробовал отвлечься Зубков от мучившей его дикой жажды и не менее беспокоивших неприятных мыслей.

— Сказал, ждать. Вызовет, — пожала плечами сержант-секретарь и вновь затарахтела на своей печатной машинке.

— Значит, будем ждать, — невесело согласился майор.

Отвлечься не получилось. Голова продолжала гудеть, в горле першило, руки тряслись, а мысли вернулись к тому же камню преткновения:

«Ну ведь мог же не требовать с меня эти бабки? Сам, как сыр в масле, катается, все у него в ажуре, а у меня дома шаром покати. Знает же, как я живу. Однокашник хренов. Еще и три дня срока дал. Ни больше ни меньше, три дня — и все. Вынь деньги и положи. И сейчас специально маринует в предбаннике, воспитывает, словно знает, что вместо тысячи долларов принес всего шестьсот. Все заначки выгреб, занял триста и то больше не смог наскрести. Валька, жена, еще истерику закатила, не носи, не носи. Обещала какие-то меры принять. Дура! Попробуй, не отнеси! А ну как, правда, без армии останусь. Что делать тогда? Здесь хоть на сто граммов и на бутерброд с маргарином каждый день что-то можно замутить».

— Домутился, — зло сказал он вслух.

— Что? — не поняла Татьяна.

— Да это я так, вырвалось, — смутился майор, опасливо поглядев в ее сторону и справедливо полагая, что та прекрасно

его поняла.

— А-а-а-а, — протянула Журавлева и принялась перекладывать бумажки, тщетно силясь скрыть улыбку.

«Ну вот и эта профура уже в курсе», — вернулся Виктор Степанович к своим горьким мыслям.

«О чем это я? А, о жене, о Вальке, дуре. Пришлось даже по зубам съездить. Совсем осатанела баба. С мозгами не дружит. Не понимает, что если сейчас не отдашь малое, то потеряешь все. Раскудахталась, что дети голодные, что последнее из дома уношу. Грозилась чем-то. К Сереге на прием придет? Да ему, как соловью. Послушает, и на том все закончится. Это ерунда. Он меня поймет. Главное, сейчас с ним договориться. Большую часть отдам, а там наскребу как-то».

Забулькал селектор голосом командира истребительного полка:

— Майора Зубкова ко мне.

— Он ожидает. Сейчас зайдет. — Татьяна, отключив связь, ободряюще подмигнула Виктору Степановичу. — Ни пуха.

— К черту, — почему-то первый раз в жизни обиделся на панибратство Зубков и потянул на себя ручку оббитой черной кожей двери.

— Разрешите?

— Проходи. — Полковник Бельц, вальяжно развалившись в огромном кресле, некоторое время разглядывал подчиненного молча, затем предложил: — Садись, Витя.

— Я постою. Спасибо. Мне так удобней, — скривился Зубков и остановился перед огромным полированным столом, скрывая в «мертвой» зоне грязные ботинки.

— Что, совсем плохо? Ломает тебя? — спросил полковник с наигранным участием. — Я тебе сколько лет уже говорю? Завязывай с зеленым змием! Не закончится это добром. Попомнишь мое слово. Посмотри на себя.

— А что?

— Ну какой из тебя офицер? Весь какой-то пожеванный, харя мятая, перегарище за километр. Брюки месяц не гладил, ботинки неделю не чистил. Как тебя Валька до сих пор не выгнала?

— Да я как-то… это… стараюсь… — промямлил майор, потупив глаза.

— Понятно. — Бельц махнул рукой. — Окажешься на гражданке, чем будешь заниматься, истребитель? Сторожем на овощную базу пойдешь? Не возьмут тебя и туда, Витя…

— Почему не возьмут? — обиделся Зубков.

— Заспиртуешь все фрукты-овощи.

— А-а-а-а, шутишь. Но почему же на гражданку? Я все

принес. — Зубков полез во внутренний карман кителя.

— Я не об этом, — скривился полковник.

— Вот здесь, вот, — майор выложил на стол Бельца потертый конверт и подтолкнул в сторону хозяина кабинета. — Только вот одна неувязочка есть…

— Какая еще неувязочка? — поднял на него глаза полковник, наклоняясь за деньгами.

— Понимаешь, Сергей, там…

Удар в спину не дал ему договорить. Мелькнул где-то в стороне стол, и лицо Виктора Степановича уперлось в красную ковровую дорожку. Сзади кто-то крепкой рукой придерживал голову, а на руках металлически холодно щелкнули наручники.

— Вы что себе позволяете? Кто вы такие? — где-то рядом раздался сдавленный писк полковника Бельца.

— Служба внутренней безопасности, — разъяснил откуда-то сверху властный грубый голос. — Понятые, пройдите. Дача взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей. Ознакомьтесь…

Со стороны коридора доносилось рыдание секретаря — старшего сержанта Журавлевой Татьяны Ильиничны.

Вечером, измотанный бесконечным допросом, Виктор Степанович, вернувшись домой, конечно же, первым делом хорошенько погонял по квартире жену и, вконец обессиленный, принял двести граммов своего безотказно действующего сорокаградусного успокоительного и сел ужинать.

— Я же хотела как лучше! Деньги сохранить для семьи… — всхлипывала в углу Валька, уверенная в своей правоте. — Сколько твоему дружку-мироеду можно в свою глотку все заталкивать?

— Вот и подавился. А ты закрыла б лучше рот. Как можно было вообще додуматься до такого? — в который раз подивился майор женской глупости.

— А что? И написала куда следует. Грамотные. На всех взяточников управу найти можно. Разворовали страну…

— Дура.

— Сам ты…

— Что? — Виктор Степанович сделал вид, что поднимается с табуретки. — Мало сегодня получила?

— Не трогай меня! — жена забилась в истерике, плотнее вжимаясь в угол. — В-я-я-я-я! О детях подумай.

— Бить больше не буду. Молчи только.

— Ну, Витюша, нельзя же все только ему одному. Что я такого…

— Да все ты уже сделала. Гораздо больше, чем я мог даже

подумать. Теперь поздно, — отрешенно произнес

майор, ковыряясь ложкой в остывшем борще. — В сейфе у него изъяли нашими несколько миллионов и сто сорок тысяч долларов.

— Вот видишь! — взвизгнула жена.

— На фига тебе, Серега, при таких деньгах понадобилась моя тысяча долларов? Зачем? Неужели не хватало? — не обращая больше внимания на жену, майор налил себе очередную порцию водки.

Полковник Бельц умудрился наворотить во вверенной ему части столько всего, что просто не укладывалось в голове. Вникая в суть дела, я подвывал от восторга и одновременно скрежетал зубами от злости: «Блин, это же надо! Не мясокомбинат, не шахта, не завод. Боевая часть, истребительный полк! За державу обидно!»

Талант комбинатора в полковничьих погонах впечатлял. И широтой направлений, и размахом. В страны дальнего зарубежья были проданы несколько истребителей. Два или три. Точное количество пока не установили.

Для прикрытия этого гешефта была инициирована операция по списанию в утиль партии якобы устаревших самолетов. Были списаны и порезаны несколько десятков самолетов, в которых по документам и затерялись искомые.

Излишне говорить, что цветные металлы от утилизации техники, а это и магний, и титан, и алюминий, и многое другое, обратившись в звонкую монету, осели в карманах полковника.

Следующая статья доходов предприимчивого командира полка: истребитель в среднем сжигает только при взлете одну тонну горючки, а самолеты не только взлетают и садятся, они еще определенное количество времени находятся в воздухе. На все это требуется определенный расход авиационного бензина. И этот объем топлива несравним ни с одной нормой пусть даже самого большого таксопарка.

Есть полетный план, который варьируется в зависимости от поставленных экипажам задач. Но на практике отследить, сколько было вылетов в день реальных, а сколько на бумаге, невозможно. Числится на такую-то дату по документам тридцать два вылета. А сколько их было? Двадцать пять? Двадцать? Пятнадцать? Десять? А уж определить длительность одного полета и подавно нельзя. Особенно человеку со стороны и задним числом. Тем более, что по документам все везде в ажуре.

Ребята из органов, которые работали с капитаном, начальником склада ГСМ, перестарались. Он им, конечно, выдал

примерное количество хищений, а речь там шла о целых железнодорожных составах, но сам сломался и, не дожидаясь суда, удавился в камере.

Еще об интернациональных связях Бельца. Негры и арабы получили от него массу всякой электроники и прочих мелких деталей и запасных частей, используемых как в самих самолетах, так и в наземных средствах слежения. Список состоял из ста семидесяти четырех позиций! И все это было новенькое, в смазке, в упаковке, прямиком со склада части.

Использование военных самолетов в перевозках гражданских грузов после этих преступлений показалось мне детской шалостью.

Далее следовали подобные же «мелочи». Например, сдача солдат «срочников» в аренду всем, кто ни попросит. Где только не служили родине рядовые, обслуживающие аэродром! На полях частных фермерских хозяйств. На стройках высотных домов. На дачах людей с достатком выше среднего. Короче, везде, где можно было задействовать дешевые рабочие руки невысокой квалификации.

Их силами Бельц умудрялся выполнять ремонт крыш, дорожного покрытия, высоковольтных линий, дымовентканалов, трасс тепловодоснабжения муниципальной собственности. В качестве безропотных чернорабочих, естественно. Руководили при таких узкоспециальных работах гражданские инженеры. Расчет с полковником производился из городского бюджета через подрядные организации.

Помимо аренды «рабов», полковник с размахом использовал и другой богатый ресурс аэродрома. А именно — огромные площади ангаров, которые сдавались бизнесменам в качестве складов. Под эту деятельность был сделан дополнительный выезд из части и поставлен еще один «коммерческой» КПП.

В жизни командира истребительного полка был интересный факт, ярко характеризующий полковника Бельца как личность, который я отметил особо. Был день Военно-Воздушных Сил. На это торжество приехали все «отцы» областного центра, на территории которого базировалась воинская часть. Мэр, губернатор, их замы, председатели районных исполкомов, начальники отделов, служб и прочая челядь. Под звуки военного оркестра прозвучали патриотические речи. Затем, как водится, их накормили армейской кашей, налили по сто граммов. Сытые и слегка захмелевшие гости вышли из специально возведенного шатра смотреть главное действо праздника.

А самым интересным во время празднования дня ВВС, само собой разумеется, был воздушный парад. Взлетели самолеты

последних модификаций. Небо наполнилось ревом реактивных двигателей. Ассы международного уровня принялись исполнять фигуры высшего пилотажа.

Гости стояли возле смотровой вышки, задрав головы и раскрыв от изумления и восторга рты. В разгар представления полковник извинился и поднялся наверх. Надел наушники с микрофоном:

— «Семерка», «семерка»! Это первый. Как слышите меня? Прием.

— Это «семерка». Слышу нормально. Прием.

— Разрешаю пройти рядом с вышкой. «Порадуй» наших гостей.

— Вас понял, первый, выполняю.

— Давай, Саша. Покажи класс. Делай, — не по уставу напутствовал пилота полковник и усмехнулся.

Истребитель с жутким ревом пронесся ниже стеклянного купола диспетчерской, примерно на уровне третьего этажа. Офицеры, стоящие рядом с Бельцем, отшатнулись в испуге.

— Знай наших, — подмигнул им полковник и показал глазами вниз, а про себя добавил: «Теперь будете знать, гамадрилы толстопузые, кто в этом городе настоящая сила. Сокрушу».

Городские власти в полном составе, во главе с губернатором и мэром, лежали на земле в диком испуге, прикрыв головы руками…

Все это именно так и было на самом деле, хотя в конце сухого лаконичного рапорта особиста части значилось, что «полковник Бельц С. К. извинился перед гостями и пообещал, что виновный в воздушном хулиганстве пилот будет строго наказан».

Я также ознакомился с очень любопытным рапортом на имя министра обороны. В нем полковник Бельц С. К. просил уволить его с занимаемой должности и вообще из армии на гражданку по состоянию здоровья. Медицинская карта прилагалась.

Исходя из заключения осматривавших его врачей, бодрый сорокапятилетний полковник доживал последние дни. Министр это прошение подписал, но вниз его еще не спустили.

Если б не вздорная жена майора Зубкова со своим доносом, через два-три месяца командир части полковник Бельц С. К. был бы уволен в запас по состоянию здоровья.

«После этого он, наверняка, купил бы себе небольшой остров с хорошим климатом или, на худой конец, начал бы строить свою финансовую империю, — подумал я. — Какая колоритная личность. Воистину, дайте мне военную часть, и я буду безраздельно править окружающим пространством… Ай да

господин Корейко Александр Иванович, только в погонах!».

Посетил я полковника и в камере, напоминающей мебелью и техникой номер люкс гостиницы средней руки. Бельц, что меня особо не удивило, и там себя чувствовал комфортно, осознавая, что с деньгами, которые у него имеются, а тем более с таким прикрытием в Киеве, которое позволяло творить этот экономический беспредел (впрочем, и кормилось с этих дел неплохо), его ничего особо страшного в украинском суде ждать не может.

Еще находясь в старшем прапорщике Сереге, мне удалось посмотреть его глазами на «серьезные» изменения в украинской армии, которые произошли с назначением на пост номер один в этом ведомстве очередного гражданского лица.

Мне было очень интересно определить, насколько недовольство людей в погонах по этому поводу объективно. По логике, конечно, бред сивой кобылы со стреноженными ногами в лунную ночь посреди кладбища: ну какой из гражданского чиновника военный министр? И все же любопытно было разобраться, что думают люди, в силу своей профессиональной принадлежности имеющие мозоль на лбу от кокарды. Случай выпал. Как раз в этой части и в это время проводились учения с непосредственным участием главного начальника Министерства Обороны.

Вообще, смешно у нас в стране министерские портфели раздаются. В последнее время кто чем только не командует: инженер с дипломом, но без стажа работы — МВД, следующий глава милиции вообще — председатель колхоза, армией не так давно руководил почти экономист, которого теперь сменил как бы промышленник, и так далее по списку абсурда.

Прибытие министра обороны в расположение части — дело всегда, во все времена очень неприятное и хлопотное. Все от старшего офицера до последнего солдата готовятся к показухе по полной программе. Жухлая трава на газонах красится в приятный зеленый цвет, рисуются патриотические стенгазеты, все сломанное прячется с глаз долой, все грязное моется, самолеты драятся до зеркального блеска, солдатам начинают давать в столовой мясо и в срочном порядке обучать строевому шагу и прохождению по плацу с бодрой зажигательной песней. Все квадратное повсеместно катится, а все круглое кантуется. И весь полк от командира до последнего рядового дружно проклинает министра.

Существуют и особые подвиги перед приездом высокого начальства. Когда в областной центр на учения еще в бытность

Советского Союза приезжал главный военный чин, сюда были согнаны все стройбаты из ближайших регионов, и в два дня построена дорога к полигону. Семьдесят километров нового асфальтированного шоссе. Двое суток. Прошло два с половиной десятилетия, а такое событие из памяти не выветривается. Все участники этого подвига будут рассказывать о нем своим внукам. Таких темпов строительства не знает ни одна страна в мире.

И в наши дни подготовка к учениям с участием нового министра обороны не отличалась оригинальностью: и солдаты, и офицеры не знали покоя ни днем, ни ночью. Недавно назначенный полковник Петренко старался изо всех сил. Загнал всех, а его заместитель, майор Зубков даже выпивать стал реже: утром и вечером, а не так как обычно — каждые два часа.

Старший прапорщик Загоруйко тоже крутился, как заводной, практически не смыкая глаз. Своя рутина, отягощенная приездом большого киевского начальства, измотала начальника продовольственной службы вконец. Уже в день учений рано утром к нему в хозяйственную комнату при столовой забежал майор Зубков.

— Здорово, Серега!

— Привет, Зубок! Как сам? — прапорщик, сидя за столом, с удовольствием орудовал вилкой. — Есть будешь?

— Да что там сам… нормально. А, в сухомятку, — хотел отмахнуться майор, обратив внимание, что стакана на столе нет, но, посмотрев на аппетитные куски мяса в маринаде, которые лежали на тарелке прапорщика, передумал. — Впрочем, давай.

— Клава, продублируй, — громко скомандовал Сергей, приоткрыв дверь в кухню. — Почему на сухую? Обижаешь.

На столе благодаря легкому движению руки прапорщика оказалась початая бутылка водки и два относительно чистых стакана. И тут же старшая повариха в накрахмаленных в честь приезда высокого гостя белых одеждах занесла тарелку для майора и так же неслышно ретировалась. Сергей плеснул одним, четко выверенным движением по стаканам остатки водки и спрятал пустую бутылку в тумбочку. Получилось поровну: по две трети стакана.

— Ловко, — одобрительно кивнул Зубков и поднял свой.

— Талант не пропьешь, — согласился Сергей. — Давай!

— Будем, — чокнулся с ним майор и тут же влил в три глотка сорокаградусный напиток в горло, занюхал ломтем хлеба. — Уууууууууааааааа, красота!

— А ты как думал? — прапорщик опорожнил свой сосуд и энергично заработал вилкой, майор последовал его примеру. Пару минут в комнате раздавалось только чавканье и стук вилок

о тарелки.

— Ну, и когда этого козла ждать? — Сергей насытился первым, отложил вилку и закурил.

— Через пару часов прилетит, — майор продолжал жевать.

— Надолго?

— Надеемся, что нет. Сегодня после обеда и свалит. Что ему вообще здесь смотреть? Он же полный «чайник». «Сушку» от «Тушки» не отличит. Наверное, никогда и автомат в руках не держал…

— Это да. Потрусит хлебальником на полигоне, повосхищается мощью родной армии, профессионализмом пилотов, коньяка выпьет, льстивые тосты послушает и обратно в Киев. — Сергей заговорил подозрительно похожими на мои мысли словами. Я устранился из его размышлений. Хотелось послушать не откорректированные мной мысли старшего прапорщика.

— Что-что, а летать наши пацаны умеют. Загляденье. Ваське Егорову не зря английская королева орден дала. Что тогда вытворял у них на параде… — мечтательно протянул бывший летчик Зубков. Он закончил со своей порцией и тоже закурил.

— Васька наш молодец. И остальные тоже. Базару нет. Слушай прикол, — вырвал из надвигающихся объятий меланхолии майора Сергей, опасаясь, что тот, как обычно, перейдет к воспоминаниям боевой молодости и, размахивая ладонями, будет пересказывать в тысячный раз летную специфику. — У меня опять канализационный люк за столовой сперли.

— Как? Даже сегодня ночью? — сразу же забыл о высшем пилотаже Зубков. — Ты же пост выставил?

— В том-то все и дело. Поставил Меньшова в ночь караулить, утром прихожу, люка нет. Я его в сонную рожу матом…

— Проспал? — перебил догадкой майор.

— Ха, ха, — засмеялся Сергей. — Не все так просто. «Где люк?» — спрашиваю. А он протягивает мне двадцать пять гривен: «Я его продал, товарищ старший прапорщик!»

— Да ну!? — майор тоже захохотал. — И что?

— Уже откуда-то притащил новый. Поставил.

— Какой по счету?

— Где-то тридцатый… — задумчиво потер переносицу прапорщик. — Пока ближайшие пункты приема металлолома не закроют, толку не будет. Может приварить его? Хотя каждый раз пригоняй сварку, разваривай… Тоже не выход.

— Люк. Ха. Это что! Помнишь, у нас шпана залезла в расположение и штурвалы в самолетах ножовкой по металлу

спилить пыталась? А ты люк, люк. Тоже мне ценность.

— Ну, это понятно. Магний все-таки. Стоит дорого. Да и поймали же…

— Я к тебе вообще-то по делу, — встрепенулся слегка захмелевший майор. — Елы-палы, чуть не забыл!

— Да, ну? — фальшиво удивился прапорщик. — Не может быть!

— Петренко меня только что дернул. Как выяснилось, новый министр любит икру…

— Кабачковую? — насмешливо перебил его Загоруйко. — Заморскую?

— Поостри.

— Ладно, — Сергей убрал с лица улыбку. — Красную, черную?

— А кто его знает? Я не спросил, — озадаченно почесал затылок майор. — Действительно…

— Ну так и что мне теперь искать? — насупился прапорщик. — Звони Петренко, спрашивай, выясняй!

— Расслабься, — ободряюще похлопал его по плечу Зубков. — Это напряги не твои. Полковник уже заказал ее в Одессе. Там у него кореш какой-то. Чем-то ему обязан. Так взамен долга пообещал двадцать восемь килограммов икры прислать. Зачет.

— Так, слава Богу, баба с возу, кобыла в курсе, — с облегчением выдохнул Сергей и недоумевающе добавил, — ну а я тогда здесь каким боком?

— Тебе спецзадание особой важности, — деловито принялся объяснять майор. — Надо встретить курьера на въезде. Тот, кто привезет, не знает нашего города, да и до отлета может не успеть… Если будет долго телиться, как у нас принято. В общем, все дело под твой контроль. Икру отобрать…

— Переполовинить, — ехидно подмигнул прапорщик, — провести дегустацию, может, качество не то…

— Смотри мне, — подпрыгнул на месте майор, — я тебе сниму пробу! С икры министра. Додумался. Даже не распечатывай, от греха подальше. Как упакована, так и отдай. Вот тебе мобильный телефон курьера. — Зубков порылся в кармане кителя и достал мятый листок. — Держи. Все. Занимайся.

— Есть, — шутливо козырнул Сергей.

Если б знал старший прапорщик Загоруйко, какими нервными потрясениями обернется для него эта икра, тут же спихнул бы это задание на кого-нибудь другого, сославшись на занятость. Но дело казалось простым, и Сергей спокойно принял номер телефона.

— Ну, Зубок, накаркал! — скрежетал зубами Сергей в обед того же дня. Было уже три часа. Он дежурил на одесском выезде уже полтора часа, а курьер все еще был на подъезде. Из части сообщили, что министр и иже с ним уже не только посетили учения, но и отобедали. Скоро будут выдвигаться на Киев, а этого одесского мммммммм… нехорошего человека все не было. Сергей звонил ему каждые десять минут, а тот все на подходе: ту деревню проезжает, этот поселок…

— Блин, разжалуют, — старший прапорщик курил сигарету за сигаретой, — или вообще на гражданку выгонят! Такие дела не прощаются! Можно продать свиную тушу, мешок сахара, запчасти со склада, бензин, напиться вдрызг на службе, даже самолет разбить и отвертеться от наказания. Но подвести полковника Петренко с презентом министру… Это катастрофа! Тут ничего не спасет…

Когда рядом с ним, наконец-то, остановился старенький «Фольксваген» курьера, Серега еле справился с желанием засветить одесситу в глаз. Щедро осыпав посыльного всем имеющимся в лексиконе запасом ненормативной лексики, схватил тяжеленную коробку, забросил в багажник своего «жигуля» и стартанул. Ехать надо было через весь город. Бедные водители и пешеходы, которые встретились на пути у торопящегося прапорщика. Хорошо, что хоть гаишников по дороге не оказалось. Была бы погоня…

Бросив, даже не закрыв, машину прямо у КП, влетел пулей в расположение части и с радостью заметил, что самолет министра стоит на месте. Топать до него было с добрый километр, но все же с души упал не просто камень, целый валун скатился…

— Фу, успел! — выдохнул старший прапорщик, стер рукавом со лба пот, катящийся градом, переложил ящик с одного плеча на другое, мимоходом отметив, что двадцать восемь килограммов икры министру многовато. — Было бы время, отложил бы себе пару килограммов или даже три… — кряхтя от натуги, на бегу, мечтал Сергей.

Но радость его оказалась преждевременной. Туда, где топтались в ритуальном танце вокруг министра два десятка генералов и полковников его упорно не пускали. Столичные волкодавы из роты охраны были неумолимы. За оцепление пройти никак нельзя — не положено. Сергей нервничал, глаза заливал пот. Тяжелая коробка оттягивала руки. Препирательства забирали драгоценное время и грозили перейти на личности.

— Что находится у тебя в ящике? — в третий раз спрашивал высокий парень в штатском.

— Что-что! Бомба! — злился прапорщик.

— Дошутишься.

— Я тебе уже сказал, выполняю особое задание. — Распалялся Сергей. — Старшего позови или полковника Петренко.

— Покажи что в ящике.

— Сейчас, разбежался!

— Тогда свободен!

— Сам свободен. Зови старшего!

Генералы и полковники хлопотливой стайкой уже провожали министра к самолету. Время шло на минуты. Еще немного, и он улетит без презента полковника Петренко. Сергей всю жизнь провел в армии и прекрасно понимал, чем лично ему это грозит. Красочные сцены расправы над нерасторопным старшим прапорщиком пронеслись вихрем в его голове.

— Зови старшего, быстрее, — громко и нервно повторил он.

Вокруг было полно камер, некоторые операторы, по инерции после насыщенного работой дня, снимали мокрого от пота прапорщика. «Вот хохма, еще и по телевизору мою потную рожу покажут! С ящиком икры!»

Наконец-то подошел статный черноусый полковник в форме, видимо начальник личной охраны министра обороны:

— В чем дело? — безо всякого интереса спросил он.

— Да вот, пытается прорваться за оцепление, — пояснил подчиненный, непроизвольно вытягиваясь в стойку «смирно». — Что в коробке, пояснять отказывается.

— Кто такой? Документы! — привычно потребовал усатый начальник.

— Да мне надо… — Серега поставил ящик на землю, протянул ему свои «корки» и с тоской посмотрел на поднимающегося по трапу министра с сопровождающими. До самолета было метров пятьсот, не больше: «Если прямо сейчас рвануть, еще успею!»

Словно услышав Серегины мысли, пилот запустил двигатели самолета министерства обороны.

— Еееееееееть, — не сдержавшись, громко выругался прапорщик.

— Что? — полковник перестал изучать его документы и удивленно уставился на дерзкого хама в военной форме.

— Что, что? — передразнил его Серега. — Все! Позовите полковника Петренко. Я на спецзадании. Которое из-за вас накрылось медным тазом!

Когда появился командир истребительного полка, люк в самолете был задраен, а сам он рулил на взлетную полосу.

— Загоруйко?!? Ты что, не успел? — взгляд полковника

переходил с потного лица прапорщика на коробку и назад. Сейчас должны были сверкнуть молнии и раздаться гром. И все это пасть на бедную голову начальника продовольственной службы.

— Я ни при чем, — быстро нашелся Сергей, стараясь упредить командирский гнев, чреватый серьезными последствиями. — Это вот они меня не пропустили, а Вас долго не звали.

Полковник охраны отмахнулся от воплей Петренко, как от назойливой мухи. Он уже собирал своих людей — готовил на посадку в самолет сопровождения.

— Козел столичный! Что же делать? — Петренко бессмысленным взором уперся в лицо Сергея.

— Может машиной? — робко предложил прапорщик. — На опережение. До Киева здесь меньше четырехсот километров. Пока у них то да се. Сразу ему в кабинет занести. Как будто летел подарок вместе с ним в самолете, а в министерство привезли в другом автомобиле.

— Молодец, — лицо полковника озарилось счастливой улыбкой. — Кто у нас тут способен провернуть такое дело… Зубков! Майор! Ко мне! — перекрывая шум двигателей удаляющегося по рулежке самолета, заорал полковник.

— Я! — майор отделился от уже рассеивающейся толпы провожающих и материализовался перед начальником.

— Витя, коробку в машину. Живо, на Киев, икра к приезду министра, чтоб стояла у него в кабинете! — властно и четко распорядился командир части.

«Ну удружил! Спасибо тебе, Сережа!», — именно таким взглядом наградил старшего прапорщика Зубков. Но приказы не обсуждаются — майор молча взял под козырек и бросился выполнять ответственное поручение.

Самолет еще выкатывался на взлетную полосу, а служебная «Волга» с личным водителем Петренко, двадцатью восемью килограммами икры и майором Зубковым уже вылетела за пределы части. Дело шло к новому рекорду — национальному подвигу, о котором будут говорить долго.

— Можно делать ставки. Кто кого? — усмехнулся Сергей. — До самого Киева самолет долетит, конечно, быстрее. А вот если Зубку немного повезет, то министр где-нибудь по дороге от аэродрома до своего кресла застрянет. И тогда… Словом, как знать. Блин, он же три с лишним часа будет с коробкой икры… — дошло до старшего прапорщика. — Сколько же ее доедет до министра?

Клятва Гиппократа

Люди в белых халатах есть не только в столовых. Проблемная медицина Украины, которая прочно застряла и успешно буксует уже полтора десятка лет на пути от бесплатной к страховой, несет гораздо больше вреда для своих граждан, нежели все некачественно приготовленные котлеты и шницеля за всю мировую историю вместе взятые. Путешествуя по больницам, я получил этому печальному факту подтверждение на сто процентов.

— Да сделайте что-нибудь! Болит… Не могу больше! Ужас! Вколите обезболивающее. Или каких-то таблеток дайте! — просил уже второй час корчащийся от боли тридцатилетний парень. Миша Федотов. Мой следующий объект.

Его привезли прямо с заплыва на плотах по Десне в районную больницу городка Буча, неподалеку от Киева. Острый приступ панкреатита свалил этого спортсмена прямо посредине перегонов. Товарищи по команде пристали к берегу и на попутной машине отправили в больницу. Сами продолжили многокилометровую гонку. Водитель попался нормальный, к тому же, его путь был именно в этот населенный пункт, и бесплатно доставил страдальца к медикам.

Федотову было все равно куда, лишь бы в больницу. Только б быстрей. Всю дорогу он строил догадки о причине своих страданий, раскачивался на пассажирском сидении, пытаясь убаюкать боль, и елозил босыми ногами по резиновому коврику.

Все вещи, деньги и документы остались в машинах сопровождения, которые должны были их встречать ниже по реке. Миша прибыл в больницу в очках от солнца, майке и шортах. И все.

Боль была неописуемая, она раздирала пациента на части. Я это чувствовал всей своей оболочкой. Парню действительно было очень плохо.

Два медика, немногим старше больного, вначале гоняли его по анкете, заполняя медицинскую карту: родился, учился, женился и тому подобные крайне необходимые сведения для оказания неотложной помощи. Затем слушали в стетоскоп, брали из вены кровь, измеряли давление, светили фонариком в глаза и ощупывали грудную клетку, с пониманием надавливая на области особой боли и кивая друг другу, обменивались непонятными словам. И так целых два часа. Привезли Мишу в три, уже было пять. Федотов был на грани болевого шока. В конце экзекуции один, маленький, весь какой-то круглый, выдал

диагноз:

— Судя по всему, это острый приступ панкреатита, дело весьма опасное! Давление вон двести шестьдесят на сто восемьдесят! Шутить с такими симптомами нельзя.

— Вколите что-нибудь, — фонил Михаил, — не могу больше!

— Вот список медикаментов, — второй, худой и высокий, закончил писать и протянул листок с рецептом, — здесь неподалеку, метров сто, есть аптечный киоск, сходи, купи все по этому списку и мы тебе незамедлительно поставим капельницу. Сделать это надо немедленно…

— Какой киоск? У меня все вещи, в том числе, и деньги остались в машине. — Не дошло до Миши. — Вы не поняли. Плохо мне. Вколите что-нибудь! Пошевелиться не могу!

— Мы не поняли? — гадливо улыбаясь, переспросил круглый и переглянулся со вторым медиком. — Это ты не понял. Лекарства надо купить.

— Но я же говорю: у меня нет с собой денег, — повторил вконец отупевший от боли Федотов.

— А у нас что, зарплата большая? Или деньги лишние есть? — зло отозвался худой и высокий. — И так одноразовый шприц перевели на тебя, когда кровь брали. Зря, как выяснилось. Без денег и анализы делать не будем.

— Так как же мне…

— А так, — перебил его круглый. — Ты что не понимаешь, что при нашей зарплате мы не можем каждому пациенту лекарства покупать? Мы не Ротшильды и не главврачи. Это аптека, куда тебе выписан рецепт, нашего заведующего поликлиникой, если б у тебя были документы, то может он и пошел бы тебе навстречу — дал в долг…

— Нет. Не даст, это нереально, — резко вступил худой. — С каких дел? Даже просить смысла нет. К тому же, он уже ушел. Его рабочий день закончился. Это мы тут возимся…

— Но, ребята, я же не бомж какой-то. Вы что по мне не видите? Сейчас ребята закончат заплыв и приедут, привезут деньги. Все верну. Я же из Киева, здесь никого не знаю. К кому же мне обратиться? Помогите… — страдальческое лицо Михаила приняло еще и просящее выражение. — Болит, плохо мне…

— Он так и не понял, — хмыкнул круглый и выразительно посмотрел на коллегу. — Мы тебе сочувствуем, но так не делается. Тебе в магазине хлеб без оплаты дадут?

— То же хлеб, — без всякой надежды вяло возразил Михаил. — А вы клятву Гиппократа давали…

— Гиппократа трогать не будем. Без денег разговора не будет. Все. Точка. Да и вообще, уже пять часов, даже десять минут

шестого. У нас тоже рабочий день закончился, — подвел черту худой. — Нам пора! Идем, я тебя отведу в палату, покажу койку, сейчас придет дежурная медсестра, поговори с ней. Может она чем поможет…

— Как же, Таня Варапаева поможет… Аж два раза… — уже в спину хмыкнул круглый. — Разбежится…

В коридоре Михаил сделал еще одну попытку выпросить лекарства, пытаясь разжалобить худого врача и убедить в своей платежеспособности, но так же безрезультатно. И эти отчаянные аргументы не возымели никакого действия. Медик был неумолим. Ответ был тот же, непоколебимо жесткий: «У нас зарплата маленькая. Каждому помочь не можем. Здесь больница, а не пункт спонсорской помощи. Аптека недалеко, она, кстати, работает круглосуточно, медсестра покажет и при наличии медикаментов капельницу поставит! Вот кровать, именно ее и занимайте, счастливо оставаться. А наше рабочее время вышло!»

Федотов тяжело вздохнул и оглядел палату. Два больших пыльных окна без тюли, грязно-серые казенные шторы, лампочка под потолком, пять панцирных кроватей, у каждой выкрашенная белой краской тумбочка. Такое было незамысловатое убранство комнаты. Пациентов, кроме него, было еще двое. Мужчина — около сорока и юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Федотов поздоровался, мальчик кивнул в ответ, мужчина что-то невнятно буркнул и отвернулся к стене.

Миша четко представил себе, как сейчас растянется на кровати, и боль отступит. И он будет тихонько лежать, осторожно неглубоко дыша, чтобы не разбудить эти тянущие рези и жуткие колики, в ожидании приезда кого-нибудь из товарищей. Он уже положил руку на край постели… и в ужасе отдернул. Простыня была вся мерзко желтая и в каких-то грязных потеках.

— «Именно эту кровать занимайте», — процитировал он худого медика. — Здесь что подыхают на потоке? Специальная кровать? И поэтому они никогда не меняют постельное белье…

Злость и обида на такую несправедливость захлестнула Мишу. Он подошел к другой свободной кровати. Отбросил верблюжье одеяло. Белье было, конечно, несвежим, но по сравнению с тем, что ему предложили, оно сияло ослепительной чистотой. Федотов медленно и осторожно, боясь очередного прострела опоясывающей грудной боли, лег, повозился, пытаясь подобрать минимально болезненное положение телу.

Получалось плохо, лежать тоже было невыносимо больно, такой позы, чтоб болезнь не беспокоила, видимо, просто не было. Миша попытался отвлечь себя размышлениями о чем-нибудь хорошем. О том, о сем, о третьем… Но это оказалось тоже

невыполнимой задачей. Хорошие мысли никак не хотели приходить в голову, словно кто-то поставил невидимую преграду. Лезла в нее всякая бредятина: «Это надо же! Угораздило свалиться. На ровном месте. И поухаживать некому. Пять лет в Киеве и все один. Только работа, карьера, спорт. Была бы хоть жена, а то одни амуры какие-то несерьезные. Из близких людей на всем свете одна мать. Безотцовщина, что поделать. Но она далеко, да и не надо ей знать о таком состоянии сына. Толку никакого, чем она поможет? Только переживать будет. И даже позвонить особо некому…»

— Блин, а мобилки-то нет, — внезапно вспомнил он. — Мало того, что некому, а еще и никак. Не с чего звонить! Пойти попросить у кого-то из врачей, пока все не разошлись… — сцена унизительного попрошайничества лекарства еще осталась в памяти, и спортивная гордость победила здравое начало. — Пошли вы все в… и заодно, на…! И вообще, будь что будет! Не буду больше унижаться! Сдохну, так сдохну! Забавно будет! Почил Миша Федотов из-за того, что не вкололи ему какой-то укол. Который, в свою очередь, не вкололи, потому что не было каких-то денег! Ха, ха, ха! Ну и пусть! Вот так и гордись собой, подыхая! К тому же, ничего особо ценного в твоей жизни нет! Дети плакать не будут! И безутешная вдова не будет биться в истерике о крышку гроба. Закопают и всего дел! Был такой и нет его! Через три месяца и не вспомнит никто! Гуд бай, безумный и суетный мир. Может, еще встретимся. Вот только мать жалко…

Я откуда-то знал, что парня ждет очень долгое мучительное полугодовое лечение, но он выздоровеет. И поэтому его прощальные сентенции мне доставляли особую грусть. Нечто благородное угадывалось в этом порыве отчаяния.

Дальше события печального периода жизни Миши Федотова развивались таким образом:

В этот день к больному никто не приехал. Из медицинского персонала ни один работник в этот вечер к нему тоже не подошел. К ночи Михаилу стало совсем худо. Он чувствовал, что сердце работает с перебоями и вот-вот остановится. «Еще бы, при таком-то давлении!»

Стоило лечь на левый бок, как сердечная мышца работу замедляла с угрозой полного прекращения своей деятельности. Это было невыносимо и физически, и морально. Лежать и ждать своего конца, прислушиваясь к угасающему организму, было просто невозможно. Федотов, после долгих колебаний, все же решил предпринять еще какие-то действия. Он встал и, держась за стену, прошел шаркающей стариковской походкой коридором и разыскал комнату дежурной медицинской сестры.

— Девушка, доброй ночи, подыхаю, — честно признался Миша, заглянув в ординаторскую. Юная медсестра отложила книгу:

— А Вы у нас вообще кто? Откуда? Что-то я Вас не видела…

— Спортсмен. Приступ панкреатита, а сейчас… сердце… не могу… оно останавливается, — явственно чувствуя, что сердце совсем не хочет (или уже не может) работать, а в глазах заметно потемнело, путано начал пояснять Михаил. — Меня привезли прямо с соревнований, я без денег… завтра подвезут… Боюсь, что не доживу только… Сделайте что-нибудь… добейте, что ли… не могу.

— Аааааа, — неопределенно протянула девушка и тут же сорвавшись с места, налила в чашку воды из электрического чайника, схватила с полки какой-то пузырек с жидкостью и обильно накапала в воду. Властно приказала:

— Пейте!

Миша принял дрожащими руками лекарство и послушно выпил до дна содержимое чашки, ощущая привкус незнакомых трав. Вяло и не вслух пошутил: «Странный вкус. Мышьяк, что ли? Откуда мне знать, какой он на вкус, а те, кто пробовал, уже не расскажут!»

— Теперь присядьте! — голос медсестры прозвучал значительно мягче.

— Не могу! — честно признался Миша, протягивая ходящую ходуном в трясущихся руках чашку. — Сильно болит. Еле стою. Может, дадите какое-нибудь обезболивающее? Уже часов десять маюсь…

— Да что ж я дам… Кроме валерьянки в больнице ничего нет, и то — это моя… — девушка обескуражено кивнула на пузырек с настойкой, но тут же нашлась. — Впрочем, у меня есть глюкоза, а в соседней палате у больного куплены на десять дней вперед капельницы. Я у него займу, а Вы купите, отдадите. Хорошо?

— Конечно, хорошо.

— Тогда мы Вас сейчас прокапаем. Должно помочь! Идите в постель, я сейчас! — она сорвалась с места.

— Спасибо, — пробормотал Миша и отправился в бесконечно длинный путь по стенке к своему койко-месту.

Это была первая и, забегая вперед, скажу, единственная помощь последователей Гиппократа за все время пребывания Михаила в этой больнице. Глюкоза в вену — не ахти какая помощь при таких приступах болезни, но все же лучше чем ничего. Если б не этот копеечный пузырек и одолженная до следующего дня капельница, может, и не дожил бы Михаил Федотов до следующего утра. Причем, что оказалось лучшим

лекарством — капельница или человеческое участие, сказать сложно. Словом, ночь эту он пережил.

Добрая медсестра утром сменилась, оставив Михаилу теплое воспоминание о человечности, а вот боли, увы, никуда не делись. Попытка с утра взять у соседей по палате мобильный телефон или денег взаймы на лекарство успехом не увенчалась.

У мальчишки просто не было ни того, ни другого. Судя по отсутствию близких у постели больного, он, вообще, был сирота. К тому же, его вскоре увезли, как понял Михаил, с гнойным аппендицитом на операцию. У паренька предыдущая ночь тоже была непростая.

А выздоравливающий мужик, по виду безработный, сильно пьющий тракторист громко чавкая жаренной свиной печенкой, принесенной женой, отставной колхозницей, одновременно закусывая апельсином, невразумительно промычал, что он ничем помочь не может. Сидящая рядом жена еще пристыдила Федотова, мол, как не стыдно приставать к больным людям. После этого Михаил еще больше «полюбил» двуногих обитателей планеты Земля и утвердился в мысли, что принятое вчера решение — никого ни о чем больше не простить — правильное.

Ситуация была патовая. Ищет его кто-нибудь из товарищей по команде или отдыхают они все после соревнований, уверенные, что ему в больнице оказывается вся необходимая помощь, Миша не знал. И выяснить это не представлялось возможным. Лечить его в этой больнице без денег никто, и это было уже понятно, не собирался. Когда начался обход главврача, у Федотова уже вполне сформировалась мысль о немедленном выдвижении в сторону столицы.

— А ты понимаешь, что можешь просто не доехать в Киев? — пробегая глазами записи в его медицинской карте, равнодушно поинтересовался главный медик сего учреждения.

— А Вам-то что? — грубее, чем следовало, ответил Федотов, не в силах держать себя в рамках этических норм. — Какая мне разница, у вас тут на койке подыхать или по дороге к дому?

— Не скажи, разница есть… — доктор задумчиво поправил очки, о чем-то размышляя.

— Для кого? — задал правильный вопрос Миша.

— Для меня, для больницы, естественно, — хмыкнул врач.

— Как бы там ни было, я все равно вас покидаю, — не понимая, о чем идет речь, раздраженно поставил его перед фактом Федотов.

— Хорошо, — легко согласился медик, — расписку напишешь?

— Какую расписку? — не понял Михаил.

— О том, что ты добровольно, по собственному желанию, покинул больницу, — пояснил он. — В таком случае, если с тобой что-то случится, на мне ответственности не будет.

— Напишу.

— Вот и славно. Пожертвовать в фонд больницы ничего не хочешь? У нас так принято.

— Вы что издеваетесь? — угрюмо насупился Миша. — На мне шорты и майка. Это все. Были еще очки, но я их вчера где-то потерял. Привезли меня сюда прямо с соревнований.

— Аааааааааа, вот оно как, — неопределенно кивнул врач и сразу же достал из папки чистый лист бумаги, — тогда пиши, пока ты еще здесь. Мне расписку — тебе историю болезни!

— Боишься, что я сейчас соскочу, за забором ласты заверну, а у тебя при расследовании обстоятельств смерти не будет чем задницу прикрыть? — царапая нетвердой рукой оправдательный для медиков районной больницы города Буча документ, мстительно проговорил Федотов.

— Да, так и есть. Надеюсь, в Киеве тебе помогут, — не стал отпираться главврач, принимая заветный листок. И философски заметил. — А что делать? Такова наша жизнь!

— Жизнь такова, какова она есть и более никакова! — в тон ему ответил Миша.

— Совершенно верно, желаю здравствовать, — доктор встал и направился к выходу из палаты.

— И Вам не хворать, — почти без злобы напутствовал его Михаил, кривясь от мучительной боли при переводе своего тела из горизонтального в вертикальное положение. — А чтоб вас всех…

Собравшаяся на обход стайка медсестер и прочего обслуживающего персонала, восторженно перешептываясь, восхищаясь предусмотрительностью главного врача, пристроилась в кильватере своего начальника и так покинула палату.

Михаил встал и, абсолютно не представляя как он доберется в Киев, по стенке, что за последние двадцать часов стало нормой, поплелся к выходу.

«Одно непонятно, почему до сих пор никто меня не нашел, не приехал? Час дня. Пора бы. Не разобрались, в какую больницу отправили, и не могут найти? А может, на реке какие-то дела похуже случились? Все бывает. И не до больного Федотова им сейчас. Или, действительно, по старой памяти, думают, что если отправили меня в руки к медикам, то здесь все тип-топ будет, а навестить можно и попозже без суеты и спешки? Да, без денег на сегодняшний день… Что сегодня без них можно? Только

сдохнуть, если, конечно, вопрос похорон тебя не волнует. Как-то закопают. Где-то кто-то. Блин, я же еще и капельницу остался должен», — вспомнил, еще больше расстраиваясь, Федотов.

Он стоял на крыльце больницы, облокотившись спиной на теплую, выкрашенную белилами стену. Посмотреть, берется она мелом или нет, сил не было. И по большому счету было просто наплевать. Жуткая боль не отпускала.

В руке Миша держал несколько исписанных листков медицинской карты: неутешительные анализы и очень плохой диагноз. Солнце приятно слепило глаза. Хотел закрыть их совсем и вырубится, а там будь что будет! Но нельзя, надо бороться. Кроме Федотова, помочь Федотову некому. Следует немедленно определиться, что делать дальше. По логике, следует взять такси, оговорив с шофером расчет на месте, в Киеве, и ехать… куда… к кому… Ключи от квартиры в одежде, а одежда тю-тю… Неизвестно где и у кого… Там же, где и бумажник с деньгами, и документы…

Тут я не выдержал и, клятвенно себе пообещав, что «первый и последний раз и только для благого дела», вылетел из страждущего тела и сходу влетел в водителя главврача, который дремал в дряхленькой «Волге» стоявшей в приятной тени тополя. Водила сразу же встрепенулся, выскочил из машины и направился к стоящему на крыльце парню.

— Слышь, это ты что ли Михаил?

— Ну я, — вяло отозвался Федотов. — Дальше что?

— У меня срочное дело в Киеве, могу подвезти, без денег. Меня Иваном зовут, — представился шофер.

— ???

— Давай садись. Я тебя к диагностическому центру на Оболони подброшу. Там тебя быстро определят на лечение.

— Спасибо, Ваня, — только и смог произнести Михаил и заковылял к машине. — Кончаюсь я здесь.

— Во-во, я ж и смотрю: плохо человеку, надо в Киев везти, — не совсем логично ответил Иван, бережно поддерживая больного под локоть. Сев в машину, протянул мобильный телефон. — На, звони, куда тебе надо, только там денег немного…

После этих слов водителя главврача я, посчитав свою миссию исполненной, из чувства солидарности что ли, вернулся в измученное тело спортсмена.

— Хорошо, я быстро. Спасибо, — Миша взял в руки черную коробочку и задумался: «Кому можно позвонить? Ни одного телефона на память не помню! Вот техника разбаловала! Все в электронной памяти персональной мобилки. Да, кроме шуток. Операторов мобильной связи еще помню: кому, насколько дешево

или дорого звонить, а телефонного номера ни одного в памяти нет! Свой домашний разве, что наизусть могу сказать… И все. Ну, и что же делать? Звонить-то, оказывается, не могу!» — он растерянно посмотрел на кнопки.

«Зато могу заехать. Есть к кому, слаба Богу!» — нашелся Федотов.

Недалеко от больницы, в масштабах Киева, конечно, на ул. Героев Днепра купил себе двухкомнатную квартиру сразу после женитьбы Саня Кивалов. Когда-то давно, только обживаясь в Киеве, Миша снимал с ним в складчину недорогое жилье на окраине. Оба парня трудолюбием и упорством прокладывали себе нелегкую дорогу к благополучию. В столице это было непросто.

«Саня, конечно, на работе, — размышлял Миша, — а вот жена Марина, в декрете с ребенком. Должна быть на месте. Ну, как максимум, на прогулку с коляской вокруг дома выйдет. И хотя в последнее время с четой Киваловых общаемся нечасто, она меня знает и денег на больницу даст. Перезвонит мужу, в конце концов, а Саня в таком деле не откажет». — Он нашел выход из ситуации и даже немного повеселел.

Так и не вспомнив ни одного номера, Федотов вернул непригодившийся мобильный телефон шоферу. Ваня, как и обещал, довез до самого диагностического центра. По дороге Миша заскочил к Марине, обрисовал в двух словах ситуацию и занял немного денег. Сердечно поблагодарив шофера, сунул ему, несмотря на протесты, сто гривен и принялся тяжело подниматься по ступеням, навстречу следующим испытаниям.

В регистратуре центра его просто с ходу завернули:

— С острыми болями? К нам? — удивилась курносая девчонка в белом халате и огромном, явно не по размеру, колпаке такого же цвета и категорично заявила: — А мы тут при чем? Это не по адресу обратились!

— Но я же… — робко попробовал описать ситуацию Миша.

— У нас диагностический центр, молодой человек, — не стала дослушивать его девушка и, всем своим видом показывая, что она поражена исключительной тупостью посетителя, объяснила: — Это надо в районную поликлинику по месту регистрации. Вы в каком районе зарегистрированы?

— В Оболонском.

— Так вот, надо проехать на станцию метро «Минская». Знаете, там, напротив рынка большое здание?

— Не знаю, — буркнул Федотов, отходя от окна регистратуры. — Но найду, если доживу. Спасибо.

Станции метро поблизости не наблюдалось, пришлось ехать в автобусе. Днем общественный транспорт не был переполнен, как

во время часа пик, и Миша занял удобное место у окна. Его никто не толкал и не дергал, в этом он нашел единственный плюс во всем происходящем. Он сидел и мучительно боролся с кисло-уксусной гримасой на лице, тщетно стараясь придать ему нейтральное выражение.

К счастью, расстояние между точками следования Федотова было невелико. Уже через тридцать минут он тяжело поднимался по ступеням районной поликлиники Оболонского района столицы.

То, что у комнаты нужного врача было в очереди всего два человека, Миша посчитал добрым знаком. Не надо никого уговаривать пропустить его без очереди. Он терпеливо подождал еще полчаса в коридоре и с мыслью, что скоро его мучения прекратятся, вошел в кабинет.

Солидная женщина в возрасте располагала к позитивным выводам: «Она специалист, сейчас разберется, назначит необходимый курс лечения, и я, наглотавшись обезболивающего, здесь же есть аптека, поеду лечиться к себе на квартиру! Только нужно разобраться с ключами от дома, у кого они из команды сейчас… Впрочем, это потом, не вопрос».

Федотов поздоровался и положил на стол доктору листы с описанием его состояния из больницы города Буча. Осторожно присел на краешек стула. В положении сидя боли усиливались, но и стоять Миша тоже уже не мог. Надо было как-то изменить положение тела.

Он терпеливо переносил боль, рассчитывая, что это последние минуты нестерпимых мучений. Ход его мыслей был прост: он в своей поликлинике, где его должны обследовать и вылечить, диагноз в наличии, на лекарство и благодарность врачу деньги есть. Так что скоро все закончится.

— Так, так. Ясно. — Женщина внимательно читала его медицинскую карту. — Это в Буче написали?

— Да. Меня туда вчера доставили…

— Угу, угу. — Она подняла глаза, внимательно посмотрела в лицо Мише и снова углубилась в чтение. — Понятно, так.

Федотов стоически молча ждал. Так прошло несколько минут. Наконец, доктор отложила листы в сторону и самым непосредственным тоном поинтересовалась:

— Ну, а от меня чего хотите?

— Я?

Миша даже не нашелся что сказать, до такой степени вопрос ему показался абсурдным. Вот же история болезни, где черным по белому написано, что человек при смерти, давление двести шестьдесят на сто восемьдесят и прочие симптомы обострения.

Что значит: «А от меня чего хотите?» Она как бы пришла ему на помощь:

— Ну, теперь-то Вы себя нормально чувствуете?

— Я? — тупо во второй раз переспросил Миша, но на этот раз нашел, что ответить, — за исключением того, что я сейчас просто сдохну, не сходя с места, конечно, нормально.

Теперь пауза в кабинете повисла по вине доктора. Надежда покидала Федотова: похоже, за приятным солидным фасадом специалиста-медика ничего толкового не было. Не разобраться с такой ситуацией… Кем же это надо быть? Явно не врачом.

Женщина, немного поразмышляв, выдала:

— Так, давайте определяться. — Отложила историю болезни. — Если у Вас такое состояние, это не ко мне…

— А к кому? В реанимацию? Или сразу в морг?

— Ну зачем так… Хорошо, я объясню. Вам, молодой человек, надо в диагностический центр, он находится… — она хотела на пальцах показать его местоположение и уже подняла с этой целью руки, но Миша ее перебил:

— Я только оттуда. И меня направили к вам.

— Ко мне?

— Да, именно к вам, — подтвердил Миша. — Не лично к Вам, а сюда, в поликлинику по месту регистрации.

— Кто это мог Вас отправить к нам? — ее удивление было неподдельным. — Где и кто это сказал?

— В регистратуре диагностического центра.

— Они чего там совсем свихнулись? — начала выходить из себя женщина. — Мы — поликлиника, а Вам надо в диагностический центр. Там больница, стационар! Вы понимаете разницу?

— Не особенно, — Мише начало казаться, что все с ним происходящее — не глупая реальность, а дурной сон. — Мне надо написать расписку?

— Какую расписку? — нахмурилась женщина.

— Ладно, не надо так не надо. — Не стал ей ничего объяснять Миша. Морщась от боли, встал. — Я могу идти?

— Да, Вам надо сесть на маршрутное такси или автобус и проехать до остановки «Диагностический центр»…

— Я уже знаю… — невесело кивнул Федотов. — Привет от Вас работникам центра передать?

— Зачем? — не поняла она.

— Так, на всякий случай. — Сил развивать, а тем более, объяснять шутку у Миши не было.

Знакомой дорогой он поплелся к остановке автобуса. Дело шло к концу рабочего дня. Трясясь в автобусе, Миша безрадостно

подумал: «Если меня пошлют еще куда-нибудь, то сегодня я уже вряд ли куда-то успею».

Курносая медсестра была на своем боевом посту под вывеской «Регистратура». Обязательный медицинский колпак так же дополнял ее образ ответственного работника. Ругаться Федотов не мог по определению — для этого надо быть хоть отчасти живым, а он таковым себя уже не считал.

— Ну что ж Вы меня так, девушка? — с укоризной посетовал Миша. — Заслали неизвестно куда.

— Это о чем Вы, молодой человек? — приняла воинственную позу медсестра. — Куда это я Вас заслала?

— Отправили в оболонскую поликлинику на станцию метро «Минская», — напомнил Федотов, — а меня оттуда назад… сюда…

— Там сказали сюда приехать?

— Ну да, обратно в диагностический центр.

— Нет. Если так, то это не к нам…

— Как не к вам, вы же диагностический центр…

— Послушайте! — девушка опять скорчила недовольную гримасу: «Какие тупые эти люди!» — Раз Вас из районной поликлиники отправили к нам, то это не к нам, а в соседнее здание, в больницу. Все очень просто. Вон в тот дом пройдите, в пятидесяти метрах который…

— Да? — тупо переспросил Миша.

— Да.

— И зачем же тогда было меня гонять в районную поликлинику? — Федотов махнул рукой и, собрав остатки сил, двинулся в нужном направлении.

— И поторопитесь, там прием заканчивается, — раздался вслед раздраженный девичий голос. — Можете не успеть.

Возле нужного Федотову кабинета стояла огромная, в два десятка человек, очередь. До конца приема оставалось всего сорок минут, на что надеялись посетители, было непонятно. Шанс попасть на прием к врачу был далеко не у многих. Тут уже играться возможности не было — можно было пролететь. Вместе с очередным пациентом Михаил, произнеся: «Прошу прощения. Я с острой болью. Не могу ждать!» зашел в кабинет. Тут же закипела типичная украинская свара.

— Ты куда? Моя очередь! — грубо схватил его за руку вошедший с ним мужчина. К нему тут же присоединился пронзительный женский визг:

— Ты посмотри на него! У моего мужа гастрит, еще из армии, надо профилактический осмотр обязательно сделать, а этот молодой, здоровый без очереди. Мы два часа отстояли…

В коридоре к «праведному» гневу присоединилось еще полтора десятка возмущенных голосов. Очередь дружно и громко осуждала такое неправильное поведение гражданина. При слове «здоровый» Федотов скривил губы в усмешке:

— Руку убери, я же тебе сказал: у меня острая боль, — он пристально посмотрел в глаза возмущающемуся обладателю застарелого гастрита. Видя, что мужик преисполнен чувства справедливости, поддержкой жены и всей очереди, а доводы разума не действуют, тут же добавил, очень кстати вспомнив свою босоногую юность:

— Слышь, уважаемый, грабли убери и пасть захлопни. Еле стою, но сил перегрызть тебе кадык у меня еще хватит. И курице своей хайло закрой. Врубился? И вообще, пошел на…

Мужик, почувствовав реальную угрозу, руку убрал. Больше не обращая внимания на их вопли, Михаил прошел к столу доктора, ведущего прием. Положил уже изрядно помятые листы на стол:

— Боль острая. Читайте. Не могу больше терпеть.

Наблюдавший с ироничной усмешкой за скандалом в дверях кабинета молодой врач после прочтения первых слов вмиг посерьезнел. Поднял глаз на Федотова, внимательно оглядел цепким взглядом сначала осунувшееся лицо, затем перекошенную болью фигуру и снова углубился в чтение.

— Но как же так, доктор, я еле мужа уговорила сходить обследоваться… — подала голос жена пациента с гастритом. — Наша ведь сейчас очередь. Он ни секунды не стоял…

— Вы слышали, что вам сказал… — врач посмотрел на титул медицинской карты: — Михаил? Куда он вас послал? А? Непонятно? Дорогу не знаете? А вы почему в кабинет пришли? Заблудились? Это не то место! Или ему повторить? Ждите в коридоре.

Парочка, возмущаясь вполголоса, ретировалась. Когда за ними закрылась дверь, Миша облегченно вздохнул.

— А ты, парень, что творишь?

— В смысле? — не понял Федотов.

— Ты чего в таком состоянии ходишь? — конкретизировал вопрос доктор.

— Летать пока не умею, — развел руками Михаил.

— Надо было «Скорую помощь» вызвать.

— Не додумался.

— И давно ты на ногах?

— С обеда.

— Отчаянный…

— С вами тут станешь отчаянным, — Миша вкратце пересказал свои мытарства по пунктам здравоохранения и с

надеждой спросил: — Теперь я по адресу попал? Или опять не туда?

— Ты еще и везучий. С таким-то приступом… — покачал головой врач. — Нет. Это не ко мне.

— А куда? — Мише вновь сделалось не по себе.

— Недалеко. Не бойся. В хирургию, это на два этажа ниже, — врач черкнул несколько строчек на новом листе и присоединил их к остальным. — Там при определении на стационар положено приносить: полотенце, туалетную бумагу, тарелки, чашки, ложки, еще что-то, целый список. Но тебя мы уже никуда не отпустим. Не тот случай. Можешь не вернуться. Спросишь в отделении… — смерил взглядом фигуру больного. — Впрочем, я тебя сам отведу! От греха подальше. Пошли.

— Спасибо, — с искренней благодарностью пробормотал Федотов.

Определили Мишу в палату, на двери которой висел красный прямоугольник с надписью печатными буквами: «Для ветеранов войны». В просторной комнате было три кровати, но из пациентов Федотов оказался один. «Видимо, из всех ветеранов войны одна тысяча восемьсот двенадцатого года остался только я», — вспомнив известный анекдот, пошутил Миша, когда первый раз прочел табличку.

Тут же, в больничной аптеке, по списку, составленному лечащим врачом, были куплены два огромных пакета лекарств на тысячу гривен. Миша подумал, что это на весь курс, но все эти ампулы, пузырьки и порошки закапались через вену в первый же день. Причем, какая-то часть лекарств тут же затерялась в карманах ослепительной красоты работницы шприца и зажима Веры. Он хотел возмутиться, но передумал — большая часть препаратов таки досталась ему. А ябедничать неприлично! На следующий день занималась снаряжением капельницы медсестра Даша, и по наблюдениям Миши, все лекарства пошли по назначению.

Начался длительный период лечения. Каждый день Федотова кормили таблетками, делали уколы и капали в вену. Последняя процедура занимала весь день. Под капельницей Миша проводил восемь — девять часов в сутки. Ни есть, ни пить Федотов не мог. Внутренние органы не принимали ничего. Он похудел на двадцать восемь килограммов. Было несколько случаев в процессе лечения этого парня, которые заслужили моего отдельного внимания.

Симпатичная медсестра Вера, опаздывающая на очередное свидание, вколола в вену сразу пять кубиков какого-то лекарства, которое следует вводить в течение двадцати-тридцати минут.

Сердце Федотова остановилось, пришедшая на смену Даша, рыдая, еле его откачала. Миша так и не стал жаловаться на нерадивую медсестричку, которая, к тому же, и он это наблюдал каждую ее смену, продолжала регулярно воровать у него медикаменты.

Один раз пришли проведать друзья-товарищи. Вернули оставленное в машине на соревнованиях: бумажник, ключи от квартиры, одежду, прочие личные вещи. Завалили стол соками, йогуртами, кефиром, фруктами и прочими диетическими продуктами. Весело побалагурив, распили тут же, в палате бутылку водки за здоровье больного и отправились праздновать свою встречу дальше.

«Нам всегда хватит сил пережить чужую беду», — явственно ощущая щемящую грусть Миши от этого визита, подумал тогда я.

Свои сбережения у Федотова закончились в течение первых двух недель лечения. Дальше он покупал лекарства, занимая деньги у всех знакомых ему в Киеве людей. Бесплатная украинская медицина требовала постоянных и очень немалых средств. Тут тоже были свои нюансы: отказывали Мише люди, которым он в свое время сильно помогал по жизни и на которых рассчитывал, а оказывали помощь те, на кого особо не надеялся. Извечный парадокс человеческих взаимоотношений.

Медикам очень понравилось ставить ему мощные девятичасовые капельницы. Одна капельница — тысяча гривен. Кап, кап. И так каждый день. Жуткие синяки на локтевых изгибах, вены без единого целого места. Это продолжалось до самого кризиса — около пяти недель. Организм «перехимичили», как определил для себя Миша. Его начало рвать желчью. Кроме нее, при внутривенном кормлении в желудке ничего, разумеется, не было и быть не могло.

Одновременно с тошнотой и рвотой от излишнего количества лекарств в организме пришла еще одна беда. От нее больной чуть не лишился рассудка. Миша приноровился читать книги во время этой длительной и утомительной процедуры. В какой-то день строчки начали расплываться, он спокойно отложил книгу и закрыл глаза: «Устал, отдохну!»

Все оказалось не так просто. Когда Федотов, услышав шаги медсестры, их открыл, вместо работницы больницы в палату зашло размытое белое пятно. Так же нечетко выглядели и остальные предметы, окружающие его.

«Вот так, вот! Еще и ослеп! Теперь точно никому не буду нужен! Придется ехать к матери, в свой рабочий поселок, только она будет возиться с калекой!»

Он сразу же отказался от этих убойных капельниц. Лечащий

врач, видя свою прямую ошибку, не настаивал. Хотя ему, наверное, было жалко терять столь регулярные поступления в аптеку. Стабильно, каждый день по тысяче гривен через аптечный ларек капало ему или кому-то другому из обслуживающего персонала больницы. Чем плохо? А на пользу оно больному или во вред, какая разница? Парень молодой, здоровый — выкарабкается!

С жуткими картинами незрячего бытия Федотов прожил неделю, пока зрение не восстановилось. Это были самые страшные дни в жизни Миши — он видел себя уже калекой со специальной тросточкой для слепых. Когда вновь начал различать предметы, он откровенно, никого не стесняясь, плакал.

А еще через месяц Миша Федотов вышел из больницы со слегка залеченной поджелудочной железой, рубцами на душе и совершенно другими взглядами на эту жизнь и, в частности, на сотрудников медучреждений, которые дают клятву Гиппократа.

Земля и деньги

Земли Украины, бесспорно, занимают лидирующее положение в списке ее природных богатств. Такого чернозема, который, по знаменитому выражению классика: «хочется намазать на хлеб», в мире совсем немного.

Почему же эта уникальная земля стала бескрайним полем битвы, на котором ведутся бесконечные кровавые войны за право обладания ею, а не тем, чем должна: твердым залогом богатства украинцев?

На этот вопрос необходимо найти ответ. В настоящее время он актуален для Украины как никогда. И искать его придется мне без чьей-либо помощи. Дядя Грач куда-то совсем запропастился. И не видно и не слышно. Он бы мог, наверняка, в считанные минуты легко разъяснить и эту ситуацию.

Дядя Грач, похоже, все знает, еще и перспективу развития тех или иных событий видит, но делиться своими уникальными знаниями не хочет. Желает, чтобы я сам до всего дошел. И так оно, наверное, правильно…

Начальник отдела земельных ресурсов энского района одной из областей Украины, граничащей с Киевской, Третьяков Александр Михайлович вел прием граждан по личным вопросам. Эти обязательные два часа в неделю общения с народом были для него самой страшной пыткой. Люди шли сплошным потоком. Причем, большинство посетителей приносили свои проблемы с явным намерением переложить их на его плечи.

С какими только вопросами не обращались. Кроме непосредственно касаемых земельных вопросов, Александр Михайлович стоически выслушивал и то, что его абсолютно не касалось. Сегодня это было делать особенно тяжело, потому что большая беда пришла непосредственно к нему: в его дом, в его семью.

Уже вторую неделю он не мог отойти от шока, который поразил его прямо в сердце. Его старшая дочь, двадцатилетняя студентка, находящаяся на постоянных инъекциях инсулина, ослепла. Произошло это по простой причине, от которой в этой стране никто не застрахован. В непрекращающейся борьбе за бюджетные деньги на этот раз победили чиновники, лоббирующие интересы отечественной фармакологии.

Они еще не переделили откаты, а первая партия украинского инсулина уже загубила здоровье тысячам больных людей, которые получили этот препарат бесплатно. В их числе и

оказалась Ирина, дочка Третьякова.

Сейчас Александр Михайлович отправил ее в Киев на операцию, но прогнозы особого оптимизма не внушали. Медики заявили, что они сильно сомневаются, что зрение у Ирины восстановится. Даже после столь дорогостоящей операции. А если наши врачи «сильно сомневаются», то любому здравомыслящему человеку понятно, что шансов нет.

Он себя пытался упокоить тем, что его ребенок хоть остался жив, а у Николая Коновалюка, коллеги по работе, сотрудника областного кадастра, вообще врачи ребенка в абсолютно банальной ситуации просмотрели. Просто-напросто.

У Федьки, восьмилетнего сына Коновалюка приключилось воспаление легких. Доктор настоял на стационарном лечении, а в больнице ребенку никакого (или должного) внимания, вероятно, не оказали. Некогда или некому там было, кто их теперь разберет? И в результате: отек легких и смерть. На ровном месте лишился мужик единственного сына…

— Михалыч, можно? Это снова я, Ивановна! — очередной посетитель пресек череду печальных мыслей. Это была бабуля, которую Третьяков смутно помнил, что-то она уже от него хотела, была на приеме пару недель назад.

— Да, да, Ивановна, — сделал приглашающий жест рукой. — Проходи. Присаживайся. С чем пожаловала?

Старушка, отдуваясь и кряхтя, прошла через кабинет и тяжело уселась в кресло для посетителей. «Это надолго», — понял не только начальник отдела, но и я, находящийся внутри него наблюдатель.

— Да, все с тем же. Хочу продать свою землю, — заявила она.

— Так. И что? Продавай. Вместе с домом? А сама куда, в город к детям? — рассеяно поинтересовался Александр Михайлович.

— Не ту, что с домом, Христос с тобой! — Ивановна набожно перекрестилась. — Там я буду доживать. А эту, которую мне говорят, что нельзя продать почему-то.

— Ага, — начал вспоминать, о чем речь, Третьяков, — ты какую, вообще, землю имеешь в виду?

— Ну, ту, колхозную, что распределили на всех, — удивилась его непонятливости старушка. — По приватизации.

— Свой пай? — всплыла в памяти Александра Михайловича суть вопроса. — Ты говоришь о земле сельскохозяйственного назначения?

— Да. — Ивановна покопалась в сумке и достала подтверждающий документ: лист формата А-4 зеленого цвета. — Вот и акт же мне выдали. Смотри. Все как положено. Твоя

подпись. Две печати. И покупатель уже есть. Хочу внучку квартиру в городе купить и подарить на свадьбу.

— Нельзя, Ивановна.

— Почему же нельзя? — возмутилась женщина. — Я скоро помру, а земелька моя пропадет? Что ж вы издеваетесь над старыми людьми? Так хоть внуку жилье будет…

— Мораторий на продажу, — без всякой надежды на то, что сможет, принялся объяснять Третьяков, — предполагает невозможность отчуждать земельные паи до первого января наступающего года. Если его снова не продлят, то уже в следующем году можно будет продавать…

Александр Михайлович и сам не мог однозначно ответить: постоянное, из года в год, продление моратория на продажу сельскохозяйственных земель — умное это решение руководства страны или нет. Во вред оно или, все же, на пользу? Люди мучаются, вроде бы и владеют землей, а сделать ничего с ней не могут. Только завещать, сдавать в аренду, да менять паи между собой. Какое-то номинальное владение собственностью получается…

А с другой стороны — если разрешить продажу, то окажется вся земля Украины тут же в нескольких руках, причем, скорее всего, большая часть сразу же отойдет к иностранным латифундистам. Распродадут наши люди выделенные государством наделы за копейки и останутся ни с чем. Они ведь не осознают истинной ценности того, что попало им в руки. Батраками при своей (в прошлом) земле у иностранных владельцев моментально станут. Глазом не успеют моргнуть. Вот и разберись тут: запрет на продажу — хорошо это или плохо?

Причем, начальник отдела прекрасно понимал, что бесконечное продление этого моратория никак не связано с заботой о людях. Просто там наверху, в Киеве, никак не могут определиться с количеством рук, в которые начнет стекаться украинская земля. Все никак не поделят между собой украинский чернозем, проще говоря. Кто, как, где и сколько сотен гектар будет скупать у людей и перепродавать иностранцам. Денег при такой операции получится так много, что поделить их сегодняшним власть имущим украинцам не представляется реальным.

Третьяков пытался вложить бабуле в голову категоричность законодательства в этом вопросе, а сам размышлял о том, как виртуозно обходят этот нормативный документ серьезные деляги. И это происходит повсеместно, во всех областях Украины.

Уже существовал добрый десяток схем продажи этих самых, как бы не продающихся, паев. Изобретательность с целью наживы

границ не знает. В Одессе, вообще, сельскохозяйственные земли продают в открытую, им Кабинет Министров и Верховная Рада не указ. Нотариусы изобрели термин «бытовая» сделка и штампуют купчие под это дело. Генеральная прокуратура и та сделать ничего с ними не может… Ну, или, так будет вернее, не хочет. Ворон ворону глаз не выклюет, а деньги к деньгам идут…

Уйма схем ходит по стране, в результате которых собственник земельного надела меняется. В каждом регионе свои «гении-изобретатели» есть. Но это все до поры до времени. Пойдет этот процесс и в обратную сторону. Власть в регионе поменяется, и тот, кто сегодня был государственным деятелем, станет государственным преступником. Примеров уже хватает. И все схемы, которые он крышевал (в том числе и по отчуждению земли) просто признают недействительными. Влетят все! И продавцы и покупатели. В этом государстве все может быть. Не советовать же этой бабуле подобные противоправные операции? А по закону-то продать ей свой пай никак невозможно.

— Какой такой мораторий? Не знаем мы такого, — твердила свое старушка. — Ты скажи, Михалыч, земля моя?

— Твоя.

— Это документ? — Ивановна подняла руку с «Актом на право собственности». — Смотри: печати, подписи.

— Документ.

— Хочу продать, — логика бабули была даже не железная, а железобетонная. — Раз мое — имею право!

Третьяков открыл рот, чтоб продолжить объяснения, но понял, что так он пойдет уже по третьему кругу.

— Зачем твоему внуку квартира в городе? — нашел неожиданное решение начальник отдела.

— Как зачем? Женится он.

— И что?

— Как это что? Жить молодой семье где-то надо! — недовольно нахмурилась старушка.

— Не серчай, Ивановна. Послушай. Дело говорю! У тебя сколько соток земли под домом?

— Тридцать, вроде бы…

— Вот, отрежь ему десять соток, и пусть строит себе дом. Здесь у нас. В райцентре. Природа, воздух, экология. Днепр рядом. Лес. Чем плохо? И жену свою привезет сюда. Зачем им травиться выхлопными газами и каждый день толкаться в общественном транспорте? А?

— Оно, конечно, правильно. Что в том городе делать? Чего хорошего? А у нас тут совсем другое дело… — бабуля задумалась. Спохватилась: — А за что строить? Деньги где он

возьмет?

— Как за что? — все больше радовался найденному решению Александр Михайлович. — Соток у тебя тридцать. Десять тебе, десять ему, а еще десять продай — на стройку хватит! Земли, которые идут под индивидуальное строительство, продавать по закону можно. С размежеванием участка мы тебе поможем. Никаких проблем! И будет внук рядом с тобой в своем доме жить. Смотри, какая красота вырисовывается…

— А я как-то об этом… — Ивановна обескуражено спрятала акт в сумку. — Не того…

— Вот видишь, не додумалась! — воодушевленно раскрашивал набросанную картинку начальник отдела. — Точно, смотри, как оно здорово получается. Внук построится, а потом этот мораторий отменят, продашь свой пай на законных основаниях. И он на эти деньги откроет у нас магазинчик, кафе, игровой зал или еще чего. Будет бизнесменом. И, главное, жить будет рядом. Детишки пойдут, будешь нянчить…

— Это мысль хорошая. Спасибо, Михалыч, — бабуля, под впечатлением идеи, резво встала, повесила сумку на плечо и бодрой старушечьей походкой направилась к двери. — Мы ее обсудим дома. Подумаем…

— Не за что, Ивановна…

Едва за посетительницей закрылась дверь, как в нее тут же ворвался хорошо всем известный местный сорви-голова, а по нынешним временам бизнесмен Петька Григорьев:

— Александру Михайловичу наш привет! Эта бабка долго тебе мозги полоскала! Чего хочет?

— Да так, — отмахнулся Третьяков. Кивнул на кресло. — Садись.

— Если не хочешь, не говори, твои дела, — подмигнул ему Григорьев и демонстративно поставил объемный пакет, в котором что-то звякнуло, в угол комнаты за металлический сейф. — Это тебе. Со словами величайшей благодарности! Спасибо, помог.

— Мы же с тобой вроде бы как в расчете, — Третьяков кивнул головой на ноутбук, который стоял на его рабочем столе.

— Нет, не так. Не в расчете. Компьютер — это же официальная спонсорская помощь. Так сказать, рэкет узаконенный. По всем бумагам проходит. А это моя тебе искренняя благодарность, — повел глазами за сейф Петр, — от души. В знак уважения.

— Сам-то как? — сменил тему начальник отдела.

— Теперь прекрасно. К своему кафе «Аленушка» пристраиваю летнюю площадку с навесом. Работы уже к завершению подходят. И все с твоей легкой руки. Теперь на законных основаниях

летнюю террасу со столиками выставлю. На своей земле. Законной. По акту. И аренду исполкому платить не надо. Выгода налицо.

— Скоро серьезный налог на землю введут, — попробовал добавить ложку дегтя в бочку радости коммерсанта земельник. — Особо не обольщайся.

— Я слышу это уже не первый год. Пусть вводят, — отмахнулся бизнесмен. — По сравнению с тем, что я бы платил по аренде, все равно будут копейки. Как-нибудь переживем.

— Ну-ну. Смотри.

— Так вот. Я это о чем? Ага, ты, Александр Михайлович, на открытие в «Аленушку» приходи. Будешь почетным гостем. Выставлюсь по полной программе.

— Обязательно. За этим, что ли, и пришел — на пьянку позвать? — хитро прищурился начальник отдела.

— Не только. Тут вот еще какое дело. — Григорьев, до этого момента расхаживающий по кабинету взад — вперед, присел в кресло для посетителей, склонился к столу Третьякова и понизил голос. — Хочу тебя, Михалыч, попросить о таком деле… — он замялся, подбирая слова.

— Ну-ну, смелее. Продолжай. Чего ты там еще придумал? — уже в открытую усмехался главный земельный начальник района. — Не тяни кота, сам знаешь за что. Выкладывай.

— Есть одна мыслишка. Хочу я тут одну темку замутить. — Петр набрал полные легкие воздуха и выложил на одном дыхании. — Ты можешь мне продать чистый бланк акта на право собственности? Очень интересный проект вырисовывается. Многообещающий.

— Что значит, продать чистый бланк? — продолжая по инерции улыбаться, опешил Третьяков.

— Один экземпляр. Всего. За хорошие бабки, — бизнесмен сделал руками характерные листательные движения.

— Так. Бланк акта на право собственности на землю. Забавно. — Лицо Александра Михайловича стало серьезным. — И зачем он тебе?

— Хочу через подставное лицо, конечно, продать по нему немного земли, — с готовностью пояснил Петр.

Третьяков хотел с ходу отправить коммерсанта восвояси, но тут в дело вмешался я, мне стало интересно — уж очень «оригинальное» предложение сделал Григорьев. Начальник отдела помимо своей воли втянулся в диалог:

— И как ты себе это представляешь?

— Что именно?

— Весь процесс. Кому и как ты собрался продавать по

фальшивому документу землю? Надеюсь, ты понимаешь, что земля должна быть несельскохозяйственного назначения? — Александр Михайлович хмыкнул, вспомнив Ивановну. — Ты хоть представляешь, сколько в таком деле нюансов возникнет? К тому же, акт — это бланк строгой отчетности, как я потом объясню, куда он делся?

— Я все продумал. И с целевым назначением участка тоже. Это естественно, — принялся излагать свою идею Григорьев. — Вот смотри. Ты же их когда портишь по халатности при заполнении, как-то списываешь? Какая-то инструкция такую процедуру наверняка предусматривает. Запросто можешь…

— Ты даешь! — перебил его Третьяков, вникая в суть темы. — Бланк. Оно да. Понятно. А подписи, печати?

— Нарисуем. Тоже мне проблема! — бодро парировал коммерсант. — Там же две печати?

— Две. И подписи две. Моя и… где ты, вообще, собрался продавать эту землю? Если в городе, то мэра, если за пределами населенного пункта, председателя районной администрации. Печати соответственно: моя и того, чья вторая подпись…

— Да, где угодно. Какая разница? Хоть в соседней области. Земли что ли мало в нашем отечестве? — развел широко руки коммерсант. — Просторы-то какие, Михалыч. Необъятные… как и поле деятельности!

— Начнем с того, что в соседней области эта бумага будет недействительна. На каждом бланке стоит специальная маркировка. Две заглавные литеры перед серией указывают на определенный областной центр. Ни один нормальный нотариус такую «липу» не пропустит.

— Не знал, — озаботился Григорьев. — Серьезно?

— Сто процентов.

— Тогда в нашей, — быстро нашелся бизнесмен. — Чем у нас хуже? Или земля не в такой цене?

— В такой, в такой… Гм… А обязательные справки, а паспорт владельца? На саму сделку? — уже откровенно принялся забавляться земельник над наивностью коммерсанта. — С этим как? Тоже нарисуешь?

— Без проблем. Все решаемо. Сделаем, — подтвердил Григорьев. — Умельцев хватает.

— А если в процессе продажи, на каком-нибудь промежуточном этапе, позвонят кому-нибудь, мне, например, и попросят проверить аутентичность этой бумаги? Как в таком случае быть? — продолжал пробовать на прочность схему бизнесмена Третьяков.

— Вот поэтому я к тебе и пришел. Ты же у нас тут главный по

земле. К тебе и обратятся, если обратятся. Как-то прикроешь. Скажешь, что проверишь, но попозже, а сейчас времени нет. Или вообще пошлешь сразу. Эта информация конфиденциальная и обязательно предоставлять ты ее должен только по решению суда. Ведь так? — быстро нашел ответ и на этот вопрос Петр.

— Это, смотря кто позвонит и как попросит, — усмехнулся Александр Михайлович. — Закон законом, а телефонное право у нас в стране еще никто не отменял.

— Вот видишь! — радостно воскликнул Григорьев и тут же вновь понизил голос. — Ты начинаешь мыслить по теме! Конструктивно. На пять баллов! Молодец, Михалыч! Понятно, что если твой областник позвонит или кто-то повыше должностью прямо из Киева, надо будет отвечать незамедлительно. Так?

— Так.

— Поэтому мы аккуратненько подберем себе покупателя без серьезных подвязок, чтоб тебя или кого-то другого такими вопросами не заморочивали. Права такого чтоб просто не имели, по определению. Это моя задача, я ей уделю особое внимание. Ну, а если вдруг что-то не срастется, и кто-то все же на тебя выйдет, то ты нам маякнешь, а мы, в свою очередь, это дело решим оперативно.

— Так какую землю ты собрался продать? — вопрос об «оперативном решении» Александр Михайлович обсуждать не захотел.

— Где-нибудь на киевской трассе. Под заправку, кафе, СТО, отстойник. Там земля ликвидная и при нормальной цене и наличии всех документов, — Григорьев нагло ухмыльнулся, — улетает аж бегом!

— Допустим, все у тебя получилось. В чем я лично очень сильно сомневаюсь. Земля продана, деньги получены. — Третьяков встал и подошел к окну. — А что будет потом?

— Когда потом? Пока власти разродятся, новые хозяева успеют свой объект построить, а там пусть судятся, разбираются, ищут…

— А твое подставное лицо все это время где будет прятаться? И сколько? До конца жизни?

— Найдем. Спрячем. Все продумано, это не твоя головная боль, Михалыч, — оптимизм бизнесмена не уменьшался. — С тебя надо, всего-навсего, как бы испорченный бланк акта.

— Испорченные бланки я сдаю под протокол назад в областное управление земельных ресурсов. — Третьяков вздохнул и вернулся за стол. Сел в свое рабочее кресло. — Под отчет. Здесь все строго.

— Но они же в двух экземплярах?

— В двух.

— Так один сдай, а второй замути.

— Не получится, — отрицательно замотал головой Александр Михайлович. — Так не примут.

— Тогда просто придержи их на какое-то время, — варианты решений в голове Григорьева были, похоже, неисчерпаемы, — а потом отмазку найдем. Что-нибудь придумается.

— Какую? Что придумается? Как в Борисоглебском районе? Спалим административное здание вместе с архивом и спишем утерю бумаг на пожар? — Третьякову стало весело. — Там, похоже, нечто в таком ключе, как ты мне предлагаешь, и происходило. Домутились коллеги до ручки. Вернее до огнетушителя…

— А хоть бы и так! — такая мысль в голову бизнесмену не приходила. — Погоди, погоди, если так… спалить всю документацию, то тогда можно и десяток бланков пристроить по назначению, — в глазах бизнесмена разгорался нешуточный азарт. — И все в таком случае будет абсолютно легитимно и доказательно по новому владельцу. Он станет на основании этого правоустанавливающего документа полноправным собственником земли. Без всяких хвостов пушистых…

— А как же быть с решением сессии о продаже этих участков, на основании которых и выдаются эти акты? — продолжая смеяться, слегка притушил алчный блеск в глазах коммерсанта главный земельник района.

— А они хранятся где?

— В мэрии или районной администрации, в зависимости от местонахождения участка. Ты хочешь заодно и мэрию сжечь? — Третьяков уже смеялся не останавливаясь.

— Не знаю. Надо подумать.

— Вот иди и подумай, а у меня люди в коридоре.

— Михалыч, я же знаю, какая беда у тебя с дочерью: операции, лекарства, уход, а тут живые деньги. Много и сразу, — выложил последний аргумент Григорьев, поднимаясь с кресла и отступая к выходу. — Ты прикинь хорошенько. Дело верное, просто надо разумно подойти…

— Сам пойди, подумай, — Третьяков перестал смеяться и кивнул на входную дверь. — Лезешь незнамо куда, Петька. Без головы останешься. Даже не успеешь понять, куда она делась.

После афериста-фантазера Григорьева на прием к Третьякову зашел юный фермер Кирилл Лавров, который уже прочно стоял одной ногой в могиле, а второй в долговой яме. Александру Михайловичу было по-человечески жаль этого двадцатипятилетнего паренька, романтика и трудягу.

Кирилл пытался организовать, несмотря на всеобщий скептицизм, нечто хорошее в районе. Создать рабочие места, построить крепкое хозяйство. Наладить живое, всем нужное дело. Он влез в долги по уши у физических лиц, набрал в банках кредитов, взял в аренду у местных жителей кучу гектаров земли на пять лет. Решил стартовать с зерновых. А там после сбора урожая ставить животноводческую ферму, цех по переработке и т. д. Планы были хорошие, правильные и по логике очень нужные, как районной администрации, так и людям. Сам Лавров вкалывал, что называется «за идею» по двадцать часов в сутки.

Его раздавили и перемололи не напрягаясь. Люди, обстоятельства, законы государства — словом, та система координат, которая существует сегодня в Украине на рынке сельскохозяйственного сектора. Тут были свои нюансы, зная которые здравые, повидавшие виды коммерсанты обходили этот бизнес стороной. Лаврову пришлось проходить все эти горькие азы на практике за свой, а в большей мере, за кредитный счет.

Крестьяне Украины давно разучились что-либо делать. Еще бы: почти двадцать лет беспробудного пьянства кого угодно сделают нетрудоспособным. Как-то уже отложилось в их сознании: работай не работай, все равно тебя обманут! Не государство, так работодатель. С такими мыслями желание работать искоренилось как-то само собой.

А Кирилл почему-то решил, что если он даст людям достойную заработную плату, они будут этому рады. Как минимум — будут работать. Ага, не тут-то было. Разбежались! Злопыхатели желчно комментировали: «Говорили тебе умные люди: не связывайся!» Лавров провоевал весь сезон с нанятыми тунеядцами, алкоголиками и откровенными ворами, уже проклиная свой энтузиазм. Дальше хуже…

Технику в разгар уборки урожая в области никто в аренду не дал, пришлось гнать комбайны через пол страны. И заплатить за нее столько… Страшно не то что сказать — подумать! А потом оказалось, что арендовать местный элеватор тоже абсолютно нереально. Там лежало и гнило чье-то зерно еще с прошлого года. Хранить урожай было просто негде!

Квоты на импорт зерна — изначально коррумпированная сфера, и туда прорваться даже за серьезные взятки Лавров не смог. Обязательный государственный заказ за символические очень смешные деньги он честно выполнил. Остальное зерно частично осыпалось на полях, частично продал за бесценок.

Так набекрень была построена вся система фермерского хозяйства в государстве. И переломать ее никто не мог. Частников просто душили этими условиями ведения бизнеса.

Обанкротившиеся фермеры стрелялись, вешались, топились, спивались. Начинали заниматься криминальными делами, лишь бы только вырваться из долгов и забыть тот день, когда они решили честно работать, на, казалось бы, благодатной земле Украины.

Ко всему, жена Кирилла была на седьмом месяце беременности уже вторым ребенком. Местные бандиты, у которых он от безысходности добирал под несусветные проценты весь сезон деньги, делали на это скидку и пока кардинальных мер в отношении его не предпринимали. Отобрали только «Джип», горе-фермер пересел на «Жигули» шестой модели пятнадцатилетней давности. Лаврову дали для урегулирования вопроса какое-то время. Но Кирилл и сам понимал, что скоро оно закончится.

Банк, в котором он брал кредит, уже описал бывшую в залоге квартиру. Дело шло к выселению семьи на улицу. Все эти жизненные перипетии Лаврова знал весь город, и Третьяков исключением не был.

— Можно, Александр Михайлович? — осунувшееся серое лицо фермера было, словно посмертная маска. В потухших глазах прослеживалось выражение загнанного и смертельно раненого зверя.

— Заходи, заходи, Кирилл, — Третьяков встал со своего кресла, вышел из-за стола и сделал несколько шагов навстречу. Долго с сочувствием тряс ладонь парня в рукопожатии. — Присаживайся.

— Спасибо, не хочу я, — отмахнулся Лавров и подошел к окну. — Как поживаешь?

— Да, как тебе сказать… — пожал плечами главный земельник района. — По-разному.

— Знаю, Михалыч, горе у тебя с дочерью. Прими мои соболезнования, — скорбным голосом произнес Кирилл и с необычайной злобой добавил: — Блядская страна!

— Не страна, а деятели наши. Новоявленные. Страна-то здесь причем? — мягко поправил Третьяков. Он тоже подошел к окну и выглянул на улицу, туда, куда так настойчиво вглядывался разорившийся фермер.

— Ты же понимаешь, я это и имел в виду, — согласно кивнул Лавров. — Все на уничтожение! И ничего, кроме этого…

— На руинах легче делать капиталы, — Александр Михайлович понял, куда так пристально смотрел Кирилл. Неподалеку от здания стояла прогнившая от времени «шестерка», в которой он без труда разглядел беременную жену Лаврова Галину и трехлетнего сына Тарасика.

— Конечно. Скупать за бесценок искусственно обанкроченные предприятия и диктовать свои мерзкие правила игры они хорошо научились, — Кирилл заметил, что Третьяков увидел его машину с семьей, отошел от окна и сел в кресло для посетителей. — Я к тебе вот по какому делу.

— Говори, чем смогу, помогу, — с готовностью согласился Третьяков и тоже занял свое место за столом.

— У меня земля в аренде на пять лет, — принялся глухо пояснять Лавров. — Много. Ты же знаешь.

— Да. И что?

— Вопрос такой: я могу ее передать в субаренду на весь срок действия договора? Так, чтоб сразу получить какие-то деньги?

— Это как у тебя бумаги составлены, надо смотреть. Если там указано, что имеешь такое право, то да. А если нет — то нет. Вообще-то, это чисто юридический вопрос…

— Это я и сам знаю. — Кирилл устало провел рукой по лицу, словно что-то вытирая. — Ничего у меня в договоре такого не указано. Не думал, что может пригодиться…

— В таком случае, думаю, можно. Как наш закон написан, ты же знаешь. Повернуть можно в любую сторону. Был бы у тебя только такой человек, который пойдет на это, — с сомнением в голосе сообщил свое мнение Третьяков. — А там уже твое дело, как это все оформлять, способы наверняка найдутся…

— У тебя такого желающего на примете нет?

— Нет, — выдержав небольшую паузу, печально мотнул головой Александр Михайлович. — Если появится, дам знать. Обязательно.

— Хорошо. Спасибо, — криво усмехнулся Лавров, встал и протянул руку. — Я пойду. Держись. Счастливо.

— До свидания, Кирилл, — пожимая руку, невнятно протянул Третьяков, озаренный внезапной догадкой. Лавров с семьей уезжает из города, парень зашел с ним просто попрощаться. И глупый, явно нерешаемый вопрос на счет субаренды придумал просто на ходу.

— Ты, там… береги себя, — только и вымолвил Александр Михайлович. Он хотел спросить, куда же собрался ехать фермер, но вовремя остановился: нельзя задавать такие вопросы. Да и ни к чему ему такое знание.

Самым неприятным в разрезе рабочих вопросов оказался визит следующего посетителя. Он грозил Третьякову серьезными неприятностями, вплоть до нехорошей статьи Уголовного кодекса Украины. Это был молодой клерк из областной экологии Артем Петрович Федулов. С ним даже пришлось говорить «по душам», в пределах разумного, естественно.

Цель его приезда сводилась к тому, что он пытался получить документацию по отводу земельного участка под строительство дачного поселка «Пескарь» на берегу Днепра в десяти километрах от райцентра. Место там было райское: лес примыкал прямо к излучине реки. Чистая вода, песчаный пляж, свежий воздух, зелень, грибы в огромных количествах, еще оставшаяся в реке рыба. Таких чудных мест, не загаженных деятельностью человека, в Украине осталось немного.

Там-то и нарезали тридцать участков по двенадцать соток вновь образованному садовому товариществу. Новые собственники споро подтянули линию электропередачи, газ и асфальтированную дорогу. Одновременно начали заливать фундаменты, ставить заборы и выгонять коробки строений. Дело двигалось быстро, уже через полгода было заметно, что здесь вскоре будет новое «Царское село». Самый «скромный» дачный домик был никак не меньше двухсот пятидесяти квадратных метров.

Кусок берега Днепра, который был в его ведении, отравлял жизнь начальнику районного отдела земельных ресурсов все время его работы. Сюда приезжало все руководство. Как областное, так и Киевское, выискивая ликвидные участки земли, которые можно было отобрать у государства даром (приватизировать на подставных лиц), а потом продать по баснословным ценам.

По закону каждый гражданин Украины имел право на бесплатный кусок земли (даже несколько, с разными целевыми назначениями), но это на бумаге. На самом деле деньги из воздуха через землю мог сделать круг избранных и только с использованием служебного положения. Вот такой вот бизнес по-украински. Незаконный, но весьма доходный.

На каждом выданном в районе акте на право собственности, стояла подпись Третьякова. Везде все было относительно чисто, кроме этого кооператива «Пескарь». Он был главной головной болью земельного начальника. Здесь Александр Михайлович сильно подставился по прямому указанию сверху и совершенно безвозмездно. Ему в этом садовом товариществе участка не нашлось, как он ни пытался туда всунуться. И денег, само собой, ему за нарушение законов Украины никто в этом случае не дал. Вот так и получился абсолютно бесплатный и дико болючий геморрой.

А попробуй, откажись: не оформи документацию и не подпиши акты, вмиг слетишь со столь доходного кресла. На это место зубы точит добрый десяток человек, готовых делать что угодно, в расчете поживиться за счет передела рынка земли.

Закон системы: или ты играешь по ее правилам, или оказываешься за пределами игрового поля, в лучшем случае, на скамейке запасных. В худшем, в тюрьме, морге или больнице…

Понятно, что отдать такой кусок земли под садовое товарищество в рамках закона было практически нереально. Рекреационная зона и еще куча всяких ограничений. По закону отвод подобного участка надо производить по решению Кабинета Министров или Верховной Рады. А там надо раздать столько денег за решение подобного вопроса, что овчинка не будет стоить выделки.

Однако, если учесть, что в членах кооператива «простых» людей не было, а составляли его исключительно народные депутаты и крупные чиновники других ветвей власти (включая городского прокурора, мера, начальников налоговой, СБУ и МВД области), то соблюдением законности никто себя особо не утруждал. Расчет был прост, кто посмеет тронуть членов этого закрытого клуба?

Нашлись такие, посмели. Требования Министерства экологии были серьезны и абсолютно обоснованы. И все в рамках действующего законодательства: где соответствующие разрешения и кипа согласованных документов? Есть? Предоставьте! Нет? Тогда сносите все, что настроили к такой-то маме!

Это формально. Но Александр Михайлович прекрасно знал и неофициальную сторону вопроса. По десять тысяч долларов с носа и Министерство экологии забудет раз и навсегда о садовом товариществе «Пескарь». Вот так вот, по-простому. Невзирая на чины и ранги! Попали? Платите!

Мало того, он также знал, что давление на чиновников этого департамента ни к чему не привело, и члены кооператива (наверняка, сильно матерясь) уже собирают деньги на эту взятку. Триста тысяч долларов. Деньги немалые, но если бы новоявленные дачники пошли официальным путем всех согласований, то это растянулось бы на годы, да и выложить пришлось бы гораздо больше. Возможно, это членов садового товарищества «Пескарь» как-то, хотя бы отчасти, утешит.

Визит мелкого чиновника Федулова мог означать только одно — мягкое предупреждение-напоминание: «Ребята, собирайте деньги быстрее. Не нервируйте! У вас свой хлеб, у нас свой. Всем надо жить». О своей истинной миссии и этих дополнительных условиях областной клерк, разумеется, не знал. Третьякова тоже не посвятили бы в эти хитросплетения, но когда начался плотный наезд, он сильно испугался последствий такой раскрутки и передал все тут же по инстанции, а там его успокоили, разъяснив,

о чем действительно идет речь.

— Согласно действующего законодательства Украины ответ на официальный запрос, Вы, Александр Михайлович, обязаны дать не позднее, чем через тридцать дней. Но нигде не написано, что его нельзя дать раньше, — настаивал молодой, годящийся в сыновья Третьякову сотрудник Министерства экологии. — Прошло две недели с регистрации нашего письма. Нам очень бы хотелось, чтобы Вы пошли нам навстречу и сократили граничный срок. Если с нашей стороны нужна помощь, я могу…

— Уважаемый Артем Петрович, я повторяю: аппарат районного отдела земельных ресурсов перегружен работой. В настоящий момент Вашу просьбу удовлетворить просто невозможно. Все люди заняты. Понимаете?

— Но, как же…

— Вот так. Со своей стороны я обещаю приложить все усилия для скорейшего решения этого вопроса. Так можете и передать вашему непосредственному начальству, — мило улыбаясь уже не в первый раз, вкладывая двойной смысл в свои слова, отвечал Третьяков.

— Так что же я зря приехал? — несколько обескуражено спросил Федулов. — Напрасно прокатался?

— Мне очень жаль, — подтвердил Александр Михайлович. — Но боюсь, что это так.

— Обидно.

— Сочувствую.

— Скажите, а это правда, что Вашему киевскому шефу, начальнику земельных ресурсов Украины подарили чистокровного арабского скакуна на День рождения? — с детской непосредственностью поинтересовался на прощание Федулов, поняв, что аудиенция закончена. — И новый внедорожник «Ленд» — «Круизер»?

Третьяков подумал, что об этой «тайне» известно уже не сотням, а, наверное, тысячам людей и решил «пооткровенничать», дабы сгладить твердый отказ в основном деле. Паренек-то ни в чем не виноват, используют его в темную. А он, бедолага, трясся в автобусе полтора часа из областного центра. И сейчас ни с чем отправится восвояси. Пусть хоть сплетни свежие увезет с собой.

— Правда, только я не знаю, насколько скакун этот чистопородный. В лошадях я как-то слаб…

— Это ж надо! — мечтательно протянул работник Министерства экологии. — Арабский скакун.

— А внедорожник он уже передарил ректору земельного института в честь пятидесятилетия ВУЗа.

— Ну и подарочки!

— А как ты думал? Это пока не было рынка земли, дела обстояли плохо. Мы вообще были никто и звали нас никак, — разъяснил Александр Михайлович. — Сейчас наша контора «на коне», может и не арабском, но все же…

— Интересно, что дороже: «Круизер» или арабский скакун? — задумчиво под нос пробормотал Федулов. Третьяков сделал вид, что не услышал последнюю фразу:

— Скоро отправление автобуса, а следующий будет только через два часа, — заботливо напомнил он. — Не опоздай, Артем Петрович.

— Спасибо, я полетел. Всего доброго, — размечтавшегося парнишку словно ветром сдуло.

— И тебе удачи, — уже в спину убегающему Федулову пожелал Александр Михайлович.

Далее калейдоскопом проследовали еще пяток посетителей: первый на что-то жаловался, второй принес конверт с деньгами за оказанные Третьяковым услуги, третий что-то просил-согласовывал, четвертый занес пакет с благодарностью… Пятого я уже слушать не стал, мне просто надоело. Покинул тело главного земельника района, получив стопроцентное подтверждение тому факту, что в этой системе правит коррупция и только коррупция. Она и есть главная беда как отрасли, так и нашей земли. Впрочем, и всей страны тоже.

Консумация

Параллельно с бесценной украинской землей мы вольготно разбазариваем и откровенно теряем еще один уникальный и не менее богатый ресурс нашего государства. Меня это угнетало всегда, еще в мою бытность человеком и журналистом. Страна уверенно и легко лишается того сокровенного, чем нормальная нация должна по праву гордиться. Это наш прекрасный женский пол. Какие необычайно красивые девушки в Украине!

Это отмечают абсолютно все приезжие представители сильной половины человечества, а вот местным мужикам они как-то приелись. Да и стакан с водкой стал куда ближе, понятней и родней. Поэтому и утекает красота у равнодушных украинских самцов, как вода сквозь пальцы, в разных направлениях, но уверенно и постоянно.

Вы видели представительниц прекрасного пола в других странах? Нет, я имею в виду не тех три десятка киноактрис, которые снялись во всех Голливудских фильмах. Они продукт кропотливой работы высокопрофессиональных стилистов и не менее щедро оплачиваемых пластических хирургов. И такого результата они добились сообща только с помощью дорогой косметики и прочих подручных средств.

Иностранных женщин в массе своей видели? Видели. А теперь посмотрите на наших, напрягите извилины или чем там нормальный мужчина должен думать в данном конкретном случае. Напрягли? Чувствуете разницу? И куда от нас эта красота утекает? Правильно, повсеместно, куда только можно. Неужели не обидно? Еще как…

Был случай на моей памяти, который очень характерно отображает положение дел в этом вопросе. При прохождении совместных учений с вояками НАТО в одном из областных центров Украины только из одного казино на центральной улице, где особенно активно проводили досуг солдаты чужой армии, из двенадцати официанток уехали из страны с камуфлированными приложениями к М-16 семь девушек. Остальные пять остались на родине. Вероятно, были прикованы наручниками к батареям своими мужьями или родителями. Хотелось бы верить, что они не сожалеют об упущенном шансе.

И свой выбор семь официанток сделали совершенно добровольно и практически моментально, не раздумывая. Учения проходили буквально несколько дней. Это какую же жизнь создали мужики Украины своим женщинам, если они готовы с кем угодно, когда угодно, сколько угодно, но только бы не здесь?

По Интернет-знакомствам, через брачные агентства тысячи молодых полных сил и здоровья женщин Украины выезжают скрашивать старость одиноким малообеспеченным зарубежным старичкам, у которых не хватает денег на проститутку, домработницу и кухарку. Наши женщины с радостью готовы нести все эти трудовые повинности, только бы не на родине. Уезжают пачками и с превеликой радостью.

А сколько их, ради которых нужно совершать подвиги и кому по определению нужно посвящать стихи, бросили здесь семьи, детей и уехали искать лучшей судьбы в любой, зачастую, просто унизительной работе? Вкалывают на плантациях, смотрят за инвалидами, стирают им белье, ухаживают за детьми и престарелыми жителями иных государств. Это что — их доля? Причем, возвращаются из уехавших на заработки соотечественниц единицы. Значит, этот удел лучше, чем трудиться и жить здесь!?

Украина прочно занимает первое место среди государств Евразии по экспорту дешевой рабочей силы. В списке Международной организации по вопросам миграции за нами указаны Китай, Ирак, Грузия, Армения и Узбекистан. Эти государства стоят за Украиной. А наша страна на первом месте. Вы только вдумайтесь!

В Украине ежегодно, по данным той же организации, в руки современных работорговцев попадают около ста семнадцати тысяч людей. Для сравнения: в Молдове — пятьдесят семь, в Румынии — двадцать восемь, в Болгарии — девять с половиной тысяч.

Исследователи из Международной организации по вопросам миграции пришли к выводу, что украинцев, белорусов, молдаван, болгар и румын злоумышленники наиболее активно продают для работ на фермах, принуждают заниматься проституцией и попрошайничеством, а также вовлекают в осуществление разного рода преступлений.

США, Израиль, Турция, Италия, Япония, Германия, Греция являются основными местами использования современных рабов. Там и ищут лучшей жизни наши соотечественники и соотечественницы…

Отдельная, особо больная тема — так называемая торговля живым украинским товаром с целью реализации в сексуальном рабстве. Тема, выстраданная годами, и я никак в своем новом качестве не мог пройти мимо нее. Что же их на это толкает, и как, вообще, так получается с нашими женщинами?

— Да, да, папа до сих пор в больнице, очень нужны деньги, —

на ломаном английском языке категорично вещала в трубку Татьяна. — Да, именно. Никак не могу приступить к подготовке документов. Все уходит на лекарства. Абсолютно все средства. Ты же знаешь, в какой я стране живу. Конечно, и я скучаю. Очень. — Ее голос стал грудным, доверительным и сексуальным. — Помню. Все помню. А ты? И вот это? Ну ты, шалун…

Свете стало неловко слушать все эти столь интимные подробности, и она прошла из кухни в комнату из чувства такта, дабы не мешать воркованию влюбленных. Неторопливо осмотрела интерьер: стенка-горка кофейного цвета, диван и два кресла в тон, плазменный телевизор большой диагонали, хрустальная люстра, ковер на полу, кремовые шторы. Везде расставлены милые безделушки: статуэтки, расписанные горшочки, вазочки, кружевные салфетки, мягкие игрушки. Комната в комплексе выглядела стильно и явно недешево. Присела на диван, взяла пульт и включила телевизор, стараясь не вникать в любовные напевы Татьяны.

Светлана закончила совсем недавно, буквально несколько месяцев назад, педагогический институт и работала в школе учителем в младших классах. Жизнь, мягко говоря, не складывалась. Денег не хватало, в общежитии условия были не особо жилые, в родной райцентр возвращаться не хотелось. Там ситуация была еще хуже.

Именно этот печальный набор: отсутствие собственного жилья, маленькая заработная плата, отсутствие всяких перспектив да еще и полный разрыв с так и несостоявшимся мужем Игорем — подтолкнули ее к звонку по объявлению:

«Требуются девушки от восемнадцати до двадцати восьми лет для работы на консумации, стриптиза в Греции. Стриптиз: от трех до пяти тысяч евро. Консумация: около двух с половиной — трех с половиной тысяч евро, без интима! Жилье, документы, разрешение на ночную работу, билеты оплачивает работодатель в кредит. Стопроцентная гарантия безопасности. Минимальный срок — три месяца».

В агентстве «Светлый путь» ее приняли радушно: не мучили утомительными собеседованиями, придирчивым чтением резюме, знанием иностранных языков и бесконечным заполнением глупых анкет.

Солидная дама почтенного возраста, Варвара Степановна, как выяснилось, набирала талантливых девушек для танцевального шоу. На стенах офиса висели многочисленные сертификаты и почетные грамоты за занятые призовые места в разнообразных танцевальных конкурсах, причем, тексты были на всех языках мира. То, что Светлана никогда не занималась танцами,

работодателя не смутило совершенно:

— Ну и что же? — доброжелательно улыбнулась она и оптимистически заявила: — Не боги горшки обжигают! Научим! Наша фирма арендует танцевальный зал в ДК «Сорокалетие Октября». Опытные наставники, под моим

— непосредственным руководством, во всем тебе помогут. Пока подготовим документы, всему научишься. По тебе видно, что ты девочка способная. Освоишь все премудрости.

У будущей танцовщицы на кончике языка вертелись десятки вопросов, но больше всего ее волновала одна не разъясненная позиция. С нее она робко и начала:

— Вот тут в вашем объявлении сказано: «Консумация: около двух с половиной — трех с половиной тысяч евро». Это…

— Да, это реальный заработок, а если ты, Светочка, будешь очень стараться, то получишь гораздо больше, — не дала договорить ей Варвара Степановна. — Те трудолюбивые девочки, которые хотят и работают, привозят домой столько, сколько ни один мужик у нас в городе не зарабатывает. Так что в плане финансовых перспектив все будет зависеть только от тебя!

— Я немного не об этом, — Светлане было неловко за свою полнейшую безграмотность в этом вопросе. — Вы не могли бы мне поподробней объяснить, что такое консумация?

— Ой, это очень просто, — улыбнулась Варвара Степановна. — Посидишь за столиком с посетителем заведения, поулыбаешься, пообщаешься, покиваешь ему и заработаешь на этом кучу денег! Мужчины во всех странах мира любят болтать с красивыми женщинами.

— А это не опасно?

— Чего же здесь опасного? — удивленно сложила брови домиком Варвара Степановна. — Это же все будет происходить в кабаре или ночном клубе, а у них там охрана. Она ничего дурного не допустит! Это же Европейский Союз, а не наша Тьмутаракань. Там все строго. Не дай Бог, клиент только прикоснулся без разрешения к твоей руке и все — криминальная статья, «Сексуальное домогательство» называется. Слышала?

— Да, да, конечно, — энергично закивала Света.

— Вот, а ты говоришь: опасно. Хм, глупость какая. У меня дочка уже десять лет этим занимается. Квартиру в Киеве купила, а не в нашем областном центре, машину

«Лексус»… Знаешь такую марку автомобиля?

— Знаю, — кивнула Светлана. — Дорогая.

— Ха, дорогая машина! Да она бы уже пять этих

«Лексусов» купила, если б не содержала мужа-тунеядца и не тащила одна двух детей. Гувернантки, частные учителя,

английская спецшкола… Все это тоже больших денег стоит. Киев — это столица, и там услуги ой какие недешевые!

— Это да.

— Так что консумация — это, деточка, сказка! Клондайк! Золотое дно! Посидела с клиентом, поговорила о его жизни, улыбкой понимания обласкала, получила деньги и привет!

— Аааааа, — так и не поняла Светлана, в чем соль такой услуги (кто это будет, интересно, платить деньги за то, чтобы с ней поговорить, к тому же, на каком языке?), но решила больше не развивать эту тему, чтоб не показаться совсем глупой. Решила, что подробности узнает в каком-нибудь другом месте. Перешла к другим волнующим ее вопросам:

— Это правда, что документы ваша фирма тоже делает за свой счет?

— Истинная правда. Полный пакет документов.

— И билет оплачивает?

— И билет.

— Туда и обратно?

— Туда и обратно.

— А уроки танцев?

— За счет фирмы.

— А проживание?

— И проживание на все время пребывания за границей. Все, что написано в объявлении, так и есть. Мы берем на себя за небольшой процент, разумеется, абсолютно все предварительные расходы. Но, — Варвара Степановна многозначительно подняла указательный палец, — все это только после подписания контракта.

— Это, конечно. Оно и понятно. А вот… — Светлана задумалась, как бы лучше задать следующий вопрос, но ее перебили.

— Если тебе еще что-то интересно, дорогуша, объясню подробно. И совершенно бесплатно. — Дверь без стука распахнулась. Красивая, вызывающе модно одетая, окутанная невидимым облаком дорогих духов девушка вошла в кабинет и положила на стол Варваре Степановне папку с документами. — Здрасьте! Это Вам, готовьте!

— Здравствуй, Танечка, — обрадовалась хозяйка кабинета, — снова едешь? А я думала ты отдохнешь с полгодика.

— Некогда. Покой нам только снится! Деньги надо зарабатывать… — вошедшая лихо подмигнула Светлане. — Да, подруга?

Так учительница случайно познакомилась с доброй девушкой Татьяной, которая сразу же взяла над ней негласное шефство.

Татьяна, с ее же слов, уже давно ездила по разным странам, зарабатывая таким образом неплохие средства к существованию себе и своему одиннадцатилетнему сыну. Судя по тому, что увидела у нее дома Светлана, это было правдой. Сегодня Татьяна привезла на новенькой «Хонде» — «Джаз» будущую танцовщицу к себе в гости в двухкомнатную квартиру в центре города.

Учительница, не спавшая в переживаниях и сомнениях уже несколько ночей, хотела задать сотни вопросов, а благодетельница готова была на них ответить подробнейшим образом. Вот только начавшийся разговор прервал звонок из-за границы…

— Ты куда это запропастилась? Воспитание показываешь? Это совершенно ни к чему! У меня от подруг секретов нет! Пошли на кухню пить кофе, — заглянула Татьяна в комнату, закончив телефонную беседу, и сделала приглашающий жест рукой.

— Это что, твой жених? — Светлана исподволь рассматривала дорогую кухонную мебель и бытовую технику: «Надо же, даже посудомоечная машина есть!» — Из Греции?

— Нет из Турции. Ваня.

— Как Ваня? — не поняла Светлана. — Наш эмигрант?

— Нет. Стопроцентный турок. У него два цеха по пошиву одежды. Не миллиардер, конечно. Но и не особо жадный, а это в мужчине главное! — весело засмеялась Татьяна. — Они все для меня Вани: и турки, и греки, и киприоты, и немцы, и американцы, и арабы… Все, словом.

— Почему?

— Ну, если мы все для них — Наташи, то почему я должна запоминать их глупые имена? — резонно объяснила Татьяна, ставя на столик две кофейные чашки и пепельницу. — Куришь?

— Иногда.

— Закуривай, — положила на стол пачку «Давыдов» и зажигалку. — На чем мы остановились?

— На моей заработной плате в школе, — потупилась Светлана и сделала маленький глоток из чашки. — Вкусно!

— А ты думала! Ну-ну, и какая у тебя там оплата? Только говори мне в евро, а то у меня от упоминания названия нашей национальной валюты нервный срыв может произойти. — Татьяна скорчила презрительную гримаску и передернула плечами.

— Чуть меньше ста евро…

— В день? Разве у нас подневная форма оплаты учителям? — наставница сделала вид, что не понимает.

— Нет… — Светлана взяла со стола сигареты и зажигалку, прикурила. Вдохнула ароматный дым.

— В неделю? Так мало? Это же издевательство, —

продолжала играть спектакль Татьяна.

— В месяц.

— Шутишь? — округлила глаза Татьяна.

— Какие тут могут быть шутки? — горько посетовала Светлана, глубоко затянулась и закашлялась. — И третью часть из них я отдаю за коммунальные услуги коменданту общежития ежемесячно…

— И ты за эти деньги ходишь на работу? Ну ты, Светка, даешь! Разве можно себя так не уважать?

— А что делать? — сконфуженно развела руками учительница. — Мужа-олигарха я себе пока не нашла…

— Да откуда они у нас здесь, эти олигархи? В этом Зажопинске? Десяток престарелых боровов, которые нахапали в тупую бабла и теперь перекрывают кислород всему городу? Их ты, что ли имела в виду? Мне они даром не нужны. Скоты с дебильными фантазиями, — вспомнив нечто неприятное из своей бурной биографии, зло произнесла Татьяна. — Уроды комнатные. Ублюдки! Наобещают много, потом только хрен с них чего получишь.

— Таня, ты расскажи подробно, меня это очень сильно волнует, что такое консумация, а то я как-то проституцией заниматься не особо хочу, — густо покраснела выпускница педагогического института.

— А чего так? — смерила ее взглядом Татьяна. — Впрочем, ладно. С этим каждый определяется сам. Твое дело.

— Неправильно это, — Света замялась. — Как-то…

— Что, считаешь, лучше нашим дегенератам бесплатно давать? Просто так? И еще потом борщ готовить и носки стирать? — пошла в атаку Татьяна. — А в благодарность иметь по праздникам духи «Сирень» за три копейки, обтрепанную розу и пьяную зуботычину?

— Ох, твоя правда, подруга, — сразу вспомнила свои дни с Игорем Светлана. — Денег толком в дом не несет, в комнате палец о палец не ударит, а требований выше крыши. И то ему не так я делаю, как он хочет, и это я обязана исполнять, раз женщина! И все только для него: и то и се… И так каждый день с утра до вечера!

— Ну вот, сама все прошла. Понимаешь. Я тоже когда-то жила с нашим… Одним котом… — с пониманием закивала Татьяна.

— Блудливый был? — посочувствовала Светлана.

— Нет, почему? — отрицательно замотала головой Татьяна. — Олег не гулял у меня. Насколько я знаю, впрочем.

— Ну, ты же говоришь «кот»? Может, ленивый? — сделала

еще одно предположение учительница.

— А, ты в этом смысле… — Татьяна звонко засмеялась и прикурила очередную сигарету. — Я сразу и не поняла! Кот — это в моем смысле — ненужное в хозяйстве животное!

— Как это?

— Вот живет у тебя в доме постоянно кот, — принялась воодушевлено объяснять хозяйка квартиры. — Представляешь?

— Конечно, у меня и живет Барсик.

— Вот. Ты его кормишь, убираешь за ним, вычесываешь шерсть… А на поверку, какой от него толк? А?

— Никакого, — поняла Света.

— Вот и я о том же. В один прекрасный день я это как-то сразу и четко поняла. Зачем мне содержать бесполезное, как бы для уюта и комфорта, животное в своем доме? Только потому, что так принято у нас в Украине? Согласись, это глупо!

— Верно. Действительно, глупо, — озадаченно произнесла Светлана, начиная смотреть на эту жизнь, с легкой руки новой подруги, совсем иначе.

— Вот, а я о чем говорю! Консумация — это гениальное изобретение человечества! Работа непыльная и приятная, подруга. Мужики — они, в большинстве своем, фантазеры. Им хочется поделиться с красивой девушкой своей гениальностью и значимостью. Причем, всегда и всем! Главное их в этом не разубеждать…

— Это как?

— Например. Торговец стиральным порошком с лотка хочет выглядеть владельцем транснациональной корпорации. Домашний рифмоплет мнит себя великим поэтом. Рядовой бухгалтер рассказывает, что он финансовый гений. Офицер стройбата говорит, что он десантник. Этот ряд вариантов можно продолжать бесконечно. И пусть! Наша задача поддержать их в этом приятном заблуждении. Пусть хоть один вечер мужчина почувствует себя тем, кем хочет казаться. Сам процесс происходит так: ты выбираешь на входе в заведение клиента, который тебе понравится, знакомишься и присаживаешься к нему за столик…

— А как же знание языка? — перебила ее снедаемая сомнениями Света. — Ведь это же Греция?

— Что язык? Они там все общаются по-английски, — пожала плечами Татьяна. — Как правило, таких, кто им не владеет, нет.

— А я, вообще-то… — Света замялась.

— Ты что, не знаешь пятьдесят слов по-английски? — удивленно посмотрела на нее хозяйка квартиры. — У тебя же высшее образование!?

— Конечно, знаю. Даже гораздо больше, — заверила учительница. — Но бегло не владею.

— Ерунда. За первые две недели подучишь. Не проблема. Там он в литературном виде и не нужен. Это я тебе гарантирую, — усмехнулась бывалая консуматорша, вспоминая, как сопят, стонут, кряхтят, сморкаются и кашляют во время занятия сексом иностранцы.

— Да?

— Не парься. Это рабочий вопрос. Я когда первый раз ехала, вообще была ни в зуб ногой. Десяти слов на английском не знала. Ничего, освоила. — Татьяне стало весело: «Когда рот занят членом, особо разговаривать и не надо». Вслух продолжила:

— Познакомилась. Села за столик. Тут же к вам подходит официант. Хороший клиент сразу заказывает два «дринка». Сам пьет, а ты только делаешь вид, что пьешь…

— Как делаю вид? Выливаю под стол? Заметят, — усомнилась Светлана и прикурила очередную сигарету.

— Нет. Не так. Это примитив. Все предусмотрено. Тебе официант приносит сок или воду в зависимости от цвета заказанного клиентом напитка. Ты алкоголь вообще не пьешь. Никогда. Запомни, — бархатным голосом продолжала разъяснять Татьяна.

— Аааааааааа… вот как. Это хорошо.

— А то превратишься в алкоголичку…

— Почему?

— Каждый вечер напиваться с каждым клиентом здоровья хватит?

— Нет, конечно.

— Вот и не пей. Идем дальше. Ты все время ему улыбаешься, спрашиваешь «за жизнь». Клиент, поверь моему личному опыту, начинает долго и нудно рассказывать о себе. Смысл рассказов у них у всех плюс-минус одинаков. Он весь такой умный, интеллигентный и хороший, только очень одинокий, жена — дура, которая не удовлетворяет его в постели, а дети — неблагодарные ублюдки. На работе его не ценят, хотя там все только на нем и держится, а сосед, злодей, украл вчера у него ведро воды для мойки машины, чтобы не тратить свою, которая учитывается по счетчику и стоит очень дорого…

— Прямо как у нас, — вставила Светлана.

— Я тебе об этом и говорю: мужики они везде одинаковые. Ты можешь никого из них даже не слушать, только поддакивай, кивай головой и не забывай заинтересованно улыбаться. Периодически к вашему столику подходит официант и подносит все, что заказывает клиент. И вот главный момент: чем ты лучше

сработаешь, тем больше клиент закажет еды и бухла в этом заведении. А от этого тебе и идет процент.

— Ага. Вот оно что! — наконец-то поняла Светлана всю «гениальность» комбинации. — А я-то думала…

— Чем разговорчивее, свободней и обаятельнее ты будешь себя вести, тем быстрее и больше набегут твои проценты с этой прибыли. Вот это и есть доход от консумации. За которым ты и едешь. — Закончила свои объяснения вслух Татьяна. А про себя добавила: «Деньги весьма смешные, на жизнь там их не хватит. И не надейся! Столько можно заработать и здесь, не подвергая себя никакому риску. Эх, консумация! Не перестаю удивляться, что уезжают эти простушки с благословения родителей и даже мужей-балбесов. Как они все не понимают, что консумация — это только трамплин для прыжка в проституцию!»

— То есть, надо подучить английский? — задумчиво проговорила Светлана, сделав свои выводы и уже приняв решение.

— Конечно, надо. Каждый эрудированный человек должен владеть английским языком. Это абсолютно правильное решение. Совершенствуй, — весело кивнула Татьяна, еще одна мысль ее позабавила: «И камасутру с порнографическими фильмами проштудировать не забудь! Они тебе больше пригодятся!»

Зазвонил телефон. Хозяйка квартиры сняла трубку:

— Хелло!

У Светланы возникло ощущение, что у нее приступ той самой болезни, во время которой кажется, что все это уже с ней происходило. Дежавю. Ее знания английского вполне хватало, чтоб понять все, что говорила ее новая подруга.

— Да, да, папа до сих пор в больнице, очень нужны деньги. Да, именно. Никак не могу приступить к подготовке документов. Все уходит на лекарства. Абсолютно все средства. Ты же знаешь, в какой я стране живу. Конечно, и я скучаю. Очень. Помню. Все помню. А ты? И вот это? Ну ты, шалун… — снова говорила Татьяна, своим сексуальным грудным голосом.

— Он что забыл, что уже звонил? — поинтересовалась она, когда Татьяна закончила разговор.

— Кто?

— Ну, этот… Ваня? — Света кивнула на телефонный аппарат.

— А, Ваня… — Татьяна задумалась и решила, что в этом случае можно сказать правду — пойдет на пользу делу. — У меня их трое!

— Кого трое? — непонимающе потрусила головой учительница.

— Ну, этих — Вань. Раз, два, три, — показала на пальцах. —

И все хотят взять меня замуж. Все трое из Турции. Я там хорошо отметилась. Где только ни была. Первый больше года уже шлет деньги. Он меня прятал там от одного хозяина, когда… Впрочем, это неважно, — быстро нашлась Татьяна, поняв что заехала не в нужную тему. — Второй — восемь месяцев, а третий только начинает — вернулась я оттуда два месяца назад.

— Так ты что, не собираешься ни за кого из них замуж? — удивленно пролепетала Светлана.

— Нет, конечно. Зачем мне это? Хочешь, тебе такое счастье могу организовать. — Татьяна критично осмотрела фигуру Светланы. — У тебя все на месте. Без проблем порешаем. Выдам замуж за любого. Будут… хм… любить не меньше, чем меня. Они все не бедные…

— Да нет. Я как-нибудь сама денег заработаю, — на автомате, пораженная услышанным, отмахнулась учительница.

— Вот это правильное решение. Одобряю.

— Ты думаешь?

— Я просто уверена. Поэтому начинай с Греции. Раз набор туда сейчас есть. Я немного позже тоже подтянусь, а ты бросай свои бестолковые буквари и начинай заниматься делом! Выдвигайся! — подвела смысловую черту под разговором Татьяна.

Когда за воодушевленной и полностью удовлетворенной разъяснениями Светланой закрылась дверь, Татьяна взяла мобильный телефон и набрала хорошо знакомый номер:

— Варвара Степановна? Салют, это я. Эта мартышка уже готова. Без проблем. Едет. Там ей все дообъяснят. То, что я не сказала. Да, да. Как обычно. По этой схеме. Да. На подходе у меня еще две. И не тяните с моей долей. Да. В день вылета. Как договаривались. Смотрите! Чтоб не получилось, как в прошлый раз. Да, да. До встречи. Целую.

Она бережно положила трубку на кухонный стол и с ненавистью посмотрела на мобилку:

— Попробуй только кинь меня, сука!

Продам Родину: оптом и в розницу!

Я посетил довольно большое число своих сограждан. Если бы даже считал, то все равно, наверняка, сбился бы со счета. Мужчин и женщин. Рядовых и не очень. Добрых и злых. Жадных и щедрых. Старых и молодых. Здоровых и больных. Сильных и слабых. Умных и глупых. Сытых и голодных. В погонах и без. Самочувствие мое периодически ухудшалось до предела, приходилось брать тайм-аут и восстанавливаться. Похоже, я уже изрядно поистрепался в своих путешествиях и изысканиях. Это чувствовалось по общему состоянию.

Люди действительно попадались разные. Но общая закономерность все же была. Подлецы и мерзавцы, романтики и идеалисты, карьеристы и лизоблюды — все они безоговорочно уступали по количественному признаку людям, откровенно равнодушным к проблемам развития страны. Им было совершенно неважно, какой там вектор движения выберет нынешняя или последующая власть. Основная масса хотела одного и того же: стабильности, уверенности в завтрашнем дне, роста благосостояния и нормальных, работающих законов, по которым можно спокойно жить.

Ну и что теперь? С людьми в нашем государстве все понятно: перед глазами змеящейся лентой промелькнули самые характерные представители украинского народа. Все типажи: от сантехника и торговца до учителя и писателя. Сами по себе они не способны ни разобраться в причинах краха государства, ни, тем более, повлиять на ситуацию. Весь народ Украины сегодня объединяет только одно — абсолютная ненависть к нечистоплотным лживым политикам и другим лицемерным деятелям государственного уровня. Это то, что переполняет сердца почти всех людей, проживающих на территории моей страны.

Непонятно было другое. Что ж с сильными мира сего? Как раз с теми, кого и проклинает весь народ Украины. Они что не понимают, что страна умирает? Не видят? Не может такого быть. Раз прорвались к власти, должны рулить ситуацией. И не могут они, по логике, быть так такими бестолковыми и снедаемыми алчностью, чтобы не заметить этой опасной тенденции и не понять, что крах государства — это и их конец. Неизбежный. В ближайшем будущем.

Хотя… Хм… Кого ты называешь «сильными»? Кто они «сильные» люди Украины? По сути? Это те, которые двадцать лет назад ездили по Польше и Югославии, где торговали

произведенными еще в СССР полотенцами, постельным бельм, лифчиками, молотками, гвоздями, топорами? Те, кто их крышевал тогда и кто занимается этим же, весьма доходным, промыслом и сейчас? Те, кто во время развала огромной страны и повсеместной разрухи сидели в уютных креслах и смогли ловко приватизировать то, чем руководили? Те, кто сделали откровенно криминальные капиталы, от которых до сих пор пахнет кровью? Это они «сильные» люди Украины?

Ведь именно с такими биографиями сегодня у нас трудятся губернаторы, народные избранники, министры, мэры и прочие ответственные работники. Они и, конечно, их наследные чада, которые уже рождены с мандатом народного депутата Украины и счетом в иностранном банке.

О чем они думают? Они что не понимают, что надо спасать страну? Если еще не поздно, конечно. И что это же и в их интересах? Чем они занимаются? Кроме плетения интриг, бесконечной борьбы за власть и откровенного, неприкрытого грабежа страны и своего народа. Должны же они еще что-то делать? Их жизнь всегда была тайной за семью печатями.

Я с неким даже внутренним трепетом решил разобраться с правителями Украины. Настал их черед. Кто, как ни они, в ответе за то, что происходит в стране? Кого, как ни их, надо призывать к ответу? Это последняя инстанция. Если уж и тут… То тогда, вообще…

Я отправился в коридоры власти Украины…

В огромном, обставленном стильной дорогой мебелью кабинете находилось четверо мужчин. Все они были хорошо знакомы и не только мне, но и всем без исключения гражданам Украины. Да что там наша страна: и за пределами государства многим прекрасно известны не только их лица, а даже их грамотно построенные, четко выверенные гневные изобличительные речи. В основном, друг против друга.

Я поймал себя на мысли, что мне даже захотелось с ними поздороваться, как со старыми знакомыми, до такой степени примелькались их образы за последние годы в многочисленных телепередачах.

Вот только факт нашего знакомства был односторонним — меня-то они, разумеется, не знали. К счастью или сожалению — ответить затрудняюсь. Это, во-первых. А во-вторых, я был абсолютно невидимым, и обнаруживать себя не было ни желания, ни необходимости, ни какого-то смысла. Поэтому обошелся без приветствия.

Я заколебался, с кого из них начать, и поэтому завис прямо

над столом для переговоров, за которым они все и сидели. Трое мужчин в дорогих костюмах с прикрепленными на лацканах пиджаков значками народных депутатов Украины представляли разные политические силы, которые имели реальную власть и соответственно приличное число мандатов в парламенте.

Именно это мне и резануло глаза. Обычно эти представители разных партий и политических блоков на публике громко и чуть ли не матом поносят друг друга, иногда между их силами дело доходит до потасовок и зуботычин, вплоть до откровенного мордобоя, а тут вместе за одним столом сидят и мирно беседуют. Что бы это значило?

Неужели свершилось? Я даже перевернулся от такой мысли в воздухе на триста шестьдесят градусов. Наконец-то до всех их дошло, что следует отбросить личные амбиции, корыстные интересы, бесконечные междоусобные скандалы по любому, зачастую надуманному поводу и начать сообща, всем вместе, решать проблемы страны? Выводить ее из крутого пике, в котором Украина находится исключительно по вине всего, описанного двумя строчками выше. Значит, это я удачно зашел. Вовремя.

Четвертый мужчина был зрелого, даже можно сказать определенно пенсионного возраста. Он был явно старше, чем его собеседники. Я так же без труда идентифицировал и его. Это был главной финансист или, по-другому, главный банкир страны. Из сидящих за столом он выделялся не только возрастом и помятым костюмом.

Его нервозность была хорошо заметна на фоне остальной троицы. Он находился в крайне возбужденном состоянии, в отличие от всех остальных. Именно в этот момент он, вытирая грязным платком катящийся по лицу пот, смахнул, видимо, забыв о них, с носа очки, и они с грохотом полетели по столу.

— Возьмите, пожалуйста, — поймал их и участливо протянул ему черноволосый депутат в костюме от Армани. Тоном лечащего врача добавил:

— Не стоит так нервничать. Успокойтесь.

Он обменялся короткими ироничными взглядами с коллегами по Верховной Раде. Сначала с сидящим напротив блондином, тот в ответ в легкой усмешке блеснул золотой фиксой. Затем с горбоносым, совершенно седым, несмотря на явную моложавость, представителем третьей фракции в парламенте.

— Что? Не стоит нервничать? — финансист судорожным движением нацепил на нос очки, которые моментально запотели. — Это Вы мне говорите? Я должен быть спокоен?

— Что, в конце концов, такого уж необычного происходит? — подключился седой. — Первый раз, что ли?

— Все развивается по нашему сценарию. Мы его согласовывали несколько месяцев назад, — с фальшивым участием поддержал его блондин. — Процесс идет нормально.

Черноволосый в этот раз промолчал, он, деланно сосредоточившись, смахивал несуществующую пылинку со своего Армани.

— По какому сценарию? Ситуация выходит из под контроля! Вы что, хотите, чтоб меня выгнали с должности? — финансист сорвал с лица очки и принялся протирать влажные стекла полой пиджака, затем спохватился и заменил его носовым платком. — Или еще того хуже…

— Побойтесь Бога, разве может быть что-то хуже? — седой был почти искренен в своем вопросе.

Он полгода назад выставил свою кандидатуру на этот супер доходный пост с целью сменить старика-пенсионера. В парламенте, кроме его фракции, за положительное решение этого вопроса по снятию — назначению главного банкира страны должна была проголосовать еще и фракция черноволосого депутата. Тогда бы голосов наверняка хватило, и он прорвался бы к заветному креслу.

Седой выплатил авансом четыре миллиона долларов за эту поддержку и наобещал еще кучу всяких благ после занятия должности. Но спикер Верховной Рады, который в тот момент представлял политическую силу фиксатого блондина, просто не выставил этот вопрос на голосование. Рейдерская атака на пост главного финансиста страны захлебнулась, толком не начавшись. Требовать свои деньги назад горбоносый депутат даже не стал, это было изначально глупо — ответ был бы закономерен: мы бы проголосовали, в чем проблема? Голосование же не состоялось. Сам виноват. Мы-то тут при чем?

Все сидящие за столом прекрасно знали всю эту историю с начала и до конца. И каждый принимал активное участие в этом хитро сплетенном клубке интриг, предательств и подлостей. Новостью она было только для меня, ну и, само собой разумеется, для всего народа Украины тоже.

— С тобой понятно, кому бы что, а вшивому — баня! — отмахнулся от седого банкир. — Вы подумайте, что будет? Я и весь мой управленческий аппарат со всех экранов в июле, буквально три месяца назад, громогласно вещали, что доллар должен стоить две гривны. Что национальная валюта тверда и незыблема! Что вклады надо хранить только в ней…

— И правильно. Это была начальная фаза, — перебил его

фиксатый. — Мы тогда опустили бакс с пяти и пяти до четырех и ноль. Народ ломанулся сдавать всю имеющуюся валюту, что дурной! Вдруг действительно такое произойдет — кому хочется терять свои сбережения? На депозиты гривну потащили в неимоверном количестве. Все верно. На этом и строился наш расчет. У тебя очень убедительно получилось. Все сработало на «отлично».

— Еще бы! Главный банкир страны высказал свое однозначное видение валютной политики государства. На людей это подействовало. Но этого было мало! Мы, между прочим, тоже не сидели без дела, — добавил черноволосый. — Мои телеканалы провели все соответствующие мероприятия в поддержку твоих заявлений. Интервью со всякими финансовыми экспертами. «Независимыми». Умные экономические передачи дали «нужные» советы обывателю. И все это не сходило с экранов телевизоров несколько месяцев. Крутили вопрос по полной, с утра до вечера.

— Да, да, и по нашим подконтрольным средствам массовой информации все было так же, — поддержал обоих седой. — Денег на раскрутку темы не жалели. Так что не один ты это дело продвигал. Мы все приложили определенные усилия. И вложились, в отличие от тебя! Сообща. Ты почирикал с умным видом и все, а мы деньги потратили, существенные. И прикрытие тебе обеспечиваем. А долю ты получаешь совсем не малую. Как ты хотел: и рыбку съесть, и кости сдать?

— Варили кашу вместе, а расхлебывать мне теперь одному, — банкир при упоминании об этих обстоятельствах сбавил тон и заговорил почти нормальным голосом. — Мы ведь как планировали? Июль-август доллар скупаем по четыре — четыре и пять. В сентябре начинаем обратный процесс — играем на понижение курса гривны. А октябрь-ноябрь, продаем перепуганному населению по шесть — шесть пятьдесят.

— Ну, так и вышло. В рамках выработанной стратегии, — весело прокомментировал блондин. — Примерно.

— Где же примерно? Как так? Доигрались до десяти. Один доллар — десять гривен. Это маразм! — снова вспылил финансист. — Вместо легкой паники на рынке полный обвал получился!

— Так и хорошо. Неучтенная прибыль превысила все планируемые ожидания, — цинично, но с твердой уверенностью в своей правоте, безапелляционно заявил седой. — Чего ты дергаешься? Наверху добро дали. Еще поиграемся месяц-другой и…

— Смотря на каком верху, — пробормотал себе под нос черноволосый, но банкир его не услышал:

— Что «и»? Куда кривая вывезет? — нервы финансиста опять изрядно сдали. Он перешел на фальцет. — Ситуация в стране близка к дефолту. Причин экономического кризиса в стране много. Но созданная нашими руками валютная проблема играет не последнюю роль в дестабилизации экономики. Меня же повесят на фонарном столбу посредине Крещатика. Народ повесит. Ну, тебя это только порадует, — заметив, как откровенно скалится седой, закончил, понижая голос, главный финансист.

— Ты же знаешь, что количество участников этого проекта увеличилось за последнее время. Всем надо отдать долю. И не копеечную, — попробовал вернуть разговор в рациональное русло черноволосый. — И что, ты предлагаешь из нашей прибыли рассчитываться? Нет уж, мое мнение: надо брать объемом!

— Участники, количество, прибыль, — банкир исподлобья взглянул на собеседников. Подумал: «Попробуй тут определись, кто из них с кем делится. И в каких долях. То, что они плетут о своих расходах, можно разделить на два, а то и на три. Хрен, истину установишь! Не обращаться же к тем, на кого они ссылаются».

— Я, между прочим, на этой теме еще и пострадал, — подал голос блондин, гневно мерцая фиксой. — Загубил все свои строительные площадки. Обвалили мы доллар летом в самый разгар строительного сезона. Стройматериалы в гривневой цене поднялись, заработную плату рабочим заплатил тоже в большем количестве, если пересчитывать национальную валюту на доллары. Еще и цена на квадратные метры заметно уменьшилась. Так что у меня двойное попадалово.

— Зато здесь прибыль тройная. Мы же это обговаривали и твой процент тогда, еще весной, подняли, — вяло напомнил седой. — Ты что забыл?

— Нет. Почему? Помню, но все же… — блондин передернул плечами. — Хочу, чтоб и вы не забывали.

— Помним, помним, — махнул рукой в его сторону черноволосый и с целью подбодрить финансиста, ибо прекрасно понимал, к чему тот ведет разговор, выдал: — А этот мудак заграничный, который вам бабки на революцию давал, — кивнул в сторону седого и блондина, — предлагал здесь свои хитроумные наработки применить. Дескать, опыт огромный, выкачаю всю экономику страны себе в карман. А вам крохи отстегну. Нет уж, дудки! Мы как-нибудь и сами тут поживиться сможем. Справимся. Без него…

— Ну так у него же содрали схему. Хорошая, отработанная квадратура, действенная, — ради справедливости заметил горбоносый. — Зачем изобретать велосипед, когда народ на нем

уже катается?

— Как у него, но без него! — быстро проговорил блондин, тоже с опаской поглядывая на банкира.

— Нет, все! Пора сворачиваться. Надо опускать, — собрался с духом финансист. — Заработали и хватит. Иначе процесс может оказаться необратимым. Завтра начну принимать радикальные меры по восстановлению курса, а то без головы останусь.

— Не пойдет!

— Рано!

— Так дела не делаются!

— Еще надо время!

— Погоди, куда ты торопишься?

— Брось паниковать! — на все голоса принялась возмущаться троица.

— Нет, — замотал головой главный банкир. — И не уговаривайте.

— Тебе что, кто-то звонил? — черноволосый остановил жестом возмущенные реплики коллег по Верховной Раде и показал на потолок. Так получилось, что его палец показывал прямо на меня. Мне было от их диалога не до смеха, но мимоходом отметил эту забавную деталь и про себя ответил: «Нет. Я не звонил!»

— Какая разница? Разве в этом дело? Звонил, не звонил, — отвел глаза в сторону финансист, лихорадочно соображая, что в этой ситуации для него лучше — намекнуть, что звонок был или не было его? А может, так неопределенно и съехать с этого скользкого вопроса? Поколебавшись, остановился на последнем варианте. — Ситуация для страны катастрофическая! Я же говорю, вполне может начаться, если еще не начался, необратимый процесс для экономики всего государства. Вполне может оказаться, что ситуация уже вышла из-под контроля! Как вы это не понимаете? Все накроется медным тазом! Все! Абсолютно!

— Ты чего это про страну вспомнил? — удивленно поднял брови блондин. — С какого это перепугу?

— Еще народ сюда приплети, — саркастически хмыкнул седой. — Как обидно за наших обнищавших украинцев.

— Ага, что тебе жалко сбережения сограждан, — поддакнул черноволосый. — Сейчас заплачу! Просто слезы умиления потекут.

— Нет. Все, — уперся банкир. — И закончим на этом!

— Что ты сопли распустил? Спрыгнуть захотел? Я тебе спрыгну! — начал выходить из себя седой. — Освободи кресло, я в него сяду и порулю эту тему дальше! Нельзя на таком подъеме

губить все дело!

— «Слезай с бочки!» — тихо проговорил черноволосый и усмехнулся.

— Вот! — финансист снял очки, отложил их в сторону, неторопливо сложил пальцы в кукиш, показал его в сторону горбоносого депутата и еще раз повторил. — Вот. Вот тебе мое кресло! Понял?

— Ты кому это фигу тычешь? Потерялся по ходу? — лицо седого стало красным, глаза выкатились из орбит. — За базар надо отвечать! Рамсы попутал? Да я тебя за такие косяки…

— Пошел ты… — не долго думая, послал его главный банкир.

— Куда пошел? — горбоносый сорвался с места, но, оббегая стол на пути к своему обидчику, попал в крепкие руки блондина, который его заключил в объятия и принялся успокаивать. — Это ты меня послал? Да я тебя…

— Что ты — меня?

— Порву, как…

— Кого ты порвешь?

— Тебя, рожа козлиная…

В моментально разгоревшейся словесной перепалке цензурных слов с каждой секундой оставалось все меньше. Не принимал в ссоре участия никоим образом только черноволосый. Он спокойно сидел на своем стуле с видом скучающего наблюдателя. Выдержав несколько минут, пока коллеги исчерпают свой базовый запас ненормативной лексики, а седой поймет тщетность своих попыток прорваться через крепкого блондина к банкиру, он остановил свару:

— Это все очень интересно, но я предлагаю вернуться к нашему делу. Нужно искать компромисс.

— Так чего же он… — зло вырвался из захвата блондина седой и, тяжело дыша и отдуваясь, сел на свое место.

— Так мы ни к чему не придем, — присоединился к миротворцу блондин, на всякий случай отодвигаясь со стулом от стола, дабы удобнее было пресекать возможные попытки горбоносого прорваться к банкиру. — Давайте что-то решать.

— Есть конкретное предложение? — финансист снова задействовал свой платок, вытирая им попеременно: то очки, то лицо.

— Есть. Я предлагаю найти абдуценс! — провозгласил черноволосый.

— Любопытно будет послушать, — хмыкнул банкир, который, судя по всему, один понял значение этого слова.

— Это чего за хрень? — угрюмо спросил седой. — Работу надо продолжать, с тем, что ты сказал или без него! Однозначно!

— Да, говори нормально, — присоединился к нему блондин. — Перестань нагонять туман.

— Это выбор из двух зол меньшего, — пояснил черноволосый. — Хорошего варианта у нас, я так понимаю, просто нет. Если тянуть этот спектакль еще долго, то будет плохо…

— Совершенно верно, — подтвердил финансист. — Особенно мне.

— … а если свернуть все быстро, то мы недополучим существенную прибыль. Что тоже не особо хорошо!

— Вот-вот, — в этом поддержал его седой и с ненавистью посмотрел на главного финансиста. — Это гора денег! Потерянных!

— Поэтому я предлагаю усредненный вариант: пять дней оставляем все, как есть, — хлопнул ладонью по столу черноволосый. — Ничего не комментируем, тупо своим молчанием подогреваем в народе панику, и обменный курс валюты будет продолжать расти. А потом, даем нашему банкиру три дня на выравнивание ситуации. И на этом считаем наш гешефт по этому проекту законченным. Пять дней, а затем три…

— Это много!

— Это мало! — в один голос произнесли финансист и горбоносый.

— Разумное предложение, — согласился блондин и подмигнул черноволосому. — Я поддерживаю.

— Я же сказал нет, надо прекращать этот цирк немедленно, — без прежней уверенности в голосе, обдумывая озвученный вариант, по инерции произнес главный банкир. — Пять дней это много!

— Хорошо, давай поступим наоборот, — тут же внес на рассмотрение еще один сценарий развития черноволосый. — Три дня ты молчишь, а потом в течение пяти дней неспешно выравниваешь ситуацию.

— Это как? — надел очки и через толстые стекла пристально посмотрел на него становившийся с каждой секундой все лояльней главный финансист.

— Это просто: три дня все остается, как есть. Режим стопроцентного молчания. А на четвертый день ты делаешь одно обнадеживающее выступление для наших сограждан. Ну, и для твоего рейтинга, естественно. Эфирное время мы тебе предоставим. Но речь твоя прозвучит размыто, так — общие слова. Валюта будет по инерции еще какое-то время катиться. А потом, с каждым днем, будешь говорить чаще, жестче и категоричней. Действовать соответственно. И, таким образом,

через восемь дней докладываешь наверх, что благодаря твоим героическим усилиям бардак на валютном рынке Украины прекращен. Сверлишь дырку для ордена!

— Все равно много, — уже внутренне согласившись с таким вариантом, произнес банкир ровным голосом.

— Давай еще три дня подождем! Всего три! Это по календарю совсем немного, а каждый день миллионы приносит. Наберись терпения, главный банкир страны! Побольше выдержки! Никто с тобой за это время ничего не сделает! — ставя финальную точку в дебатах, подвел черту блондин и сделал упреждающий жест, гневно блеснув в сторону седого фиксой, тем самым останавливая его попытку ляпнуть в сторону финансиста очередную гадость. — Зато потом будешь главным спасителем Отечества! А это, согласись, приятно!

— Вот и славно. На этом остановимся, — сложил ладони в беззвучном хлопке черноволосый. — Склеилось!

— Все равно, стремно как-то это, — окончательно сдался банкир. — Ладно, пусть будет по-вашему.

— Ты бы лучше боялся за кредиты Международного валютного фонда. Скоро они, — блондин кивнул на черноволосого и седого, — поинтересуются, куда они делись. И тогда тебе не поздоровится.

Черноволосый громко засмеялся:

— Интересоваться можем только мы, а они там замазаны по уши, — ехидно подмигнул седому. — Да, старина? Труба, та-ра-та-та!

— Зато наша партия тебя скоро спросит, где деньги за поставленное в Грузию оружие? И почему этих средств на счетах так мало? — резко сменил опасную тему горбоносый и одновременно выплеснул в свои вопросы всю скопившуюся желчь. — Что скажешь, главный банкир? Бабки где?

— А что мне вам сказать? — насмешливо парировал финансист. — Послать всех оптом или каждого самостоятельно? Вас что на работу по объявлению в газете набирали, и вы не ориентируетесь в ситуации? Или не знаете, чьи я указания выполняю? И по газовому вопросу, и по иностранным кредитам, и по средствам, поступившим, вернее не поступившим, из Грузии за оружие?

— Угу, — угрожающе начал развивать тему седой, — распоряжения распоряжениями, а отвечать перед народом Украины будешь ты! Отмазаться не получится.

— Перед кем? — скривился, как от горькой пилюли, банкир. — Это ты в Верховной Раде на эти темы со своими коллегами разговаривай. Вам там больше делать нечего! Кроме

как воздух гонять, блокировать трибуну, вырубать электрощитовую, да бодаться до посинения! Работнички!

— Ну ты, финансовый воротила недоделанный, полегче на поворотах… — седой набрал полные легкие воздуха в порыве поставить обнаглевшего банкира на место.

— Хорошо, закончим. Все мы тут одним мирром мазаны. Не стоит состязаться в словесной эквилибристике, да еще и нервы друг другу портить, — сделал останавливающий жест рукой черноволосый. — Действительно, эти темы можно приберечь для стен парламента. Легко. Там и выпустим пустопорожний пар. Для того туда и ходим! У нас есть более существенные вопросы…

— Это какие? — насторожился главный финансист.

— Меня интересует мнение драгоценных компаньонов по второму нашему проекту: игре на рынке банковского золота…

— С золотом полный порядок, — свободно выдохнул банкир — Здесь все абсолютно чисто. И проблем пока не предвидется. Половину схемы уже отработали. Причем, все прошло на «отлично», даже лучше чем ожидали.

— Реклама прошла: храните сбережения в золоте, самые надежные инвестиции, депозиты в золотых слитках и тому подобная чушь. Все схавали. Народ ломанулся скупать золотые слитки, — подхватил с готовностью блондин. — Все по плану.

— Какие тут могут быть еще вопросы? — вставил свое слово и седой. — Тема на мази, но далека до завершения. Разве что промежуточный отчет вне графика за движением вложенных средств получить. Раз уж все участники здесь собрались.

— Мы продали только за первые восемь месяцев этого года двадцать четыре тонны банковского золота физическим лицам. И скупать его продолжают, но не так активно, разумеется. Пиар этой темы даром не прошел, — делая вид, что игнорирует замечание седого, финансист все же косвенно ответил на его вопрос. — Теперь оно у населения лежит под подушками. Если вы раскачаете шумиху со знаком «минус», не хуже, чем получилось с валютой, то скупим назад по полцены. А то может и дешевле.

— Конечно, дешевле. Это же не валюта, ликвидность в этом случае совсем не такая, — высказал свое мнение блондин. — Кроме банков, других покупателей нет. У нас уже сейчас дельта на купле-продаже слитков заложена, в среднем, что-то около тридцати процентов, а если сыграть на понижение, то действительно можно сбить цену еще, как минимум, вдвое.

— Совершенно верно. Объясним через средства массовой информации, что делать с этими кусками желтого металла просто нечего! Смысла держать дома, а тем более, на депозитах наших взрывоопасных банков нет никакого. И, оп! Все, ну или почти все

проданное золото у нас снова в кармане. Двенадцать тонн золота чистым откатом обратно в руки получается. — Главный финансист мечтательно поднял глаза к потолку, откинулся в кресле и принялся на автомате высчитывать в уме свою долю прибыли с этой аферы.

— Звучит привлекательно. А если сдавать по такой низкой цене не будут, а просто заныкают его до лучших времен или на черный день? — не столько веря в возможность такого варианта развития событий, сколько желая позлить банкира, спросил седой.

— Куда им деться? — весело осадил его блондин. — Принесут назад. Жить на что-то надо. Да и чувство стадности у нашей биомассы огромное. Нужно бросить только первый камень, а дальше лавина сама пойдет!

— Это да! Так оно и есть, — согласно хмыкнул банкир, который неоднократно за всю свою длительную финансовую карьеру убеждался в правильности этой посылки.

Черноволосый депутат без тени нетерпения спокойно прослушал, не перебивая никого, весь диалог и продолжил, только когда в разговоре образовалась естественная пауза:

— По механике дела у меня ни замечаний, ни предложений нет. И быть не может. Все просчитано и проговорено не один раз. Я имею в виду нечто другое. А именно: сроки начала обратной, на понижение стоимости, рекламной кампании. В связи со сложившейся ситуацией в экономике страны никто из вас не думает, что ее стоит начать претворять в жизнь раньше намеченной нами даты?

— Зачем откладывать на послезавтра то, что можно заработать уже завтра? — первым нашелся блондин.

— А это стоит обдумать, — почесал переносицу горбоносый. — Действительно, чего тянуть, раз так удачно все складывается? Кризис. Страна в ауте. Народ просто в шоке.

— Через два месяца затяжные новогодние праздники, — принялся рассуждать вслух финансист. — Никто золотые слитки покупать уже не будет. Особенно в разрезе обвалившейся экономики в целом.

— И рынка валюты в частности, — вставил черноволосый. — Не до этого, я так считаю.

— Точно, кто пролетел с валютой, задумается, а не встрянет ли он точно так же с золотом? — вставил очередную ремарку блондин.

— И на праздники народ денег, как правило, много тратит, — добавил седой. — Если мы его аккуратненько подтолкнем к этой мысли… Мол, золото скоро сильно упадет в цене, то обыватель

серьезно задумается — стоит ли держать его вообще. К тому же, деньги нужны прямо сейчас: на елку, игрушки детям, подарки, водку, закуску… Скинул «стремительно» падающие в цене слитки золота и гуляй!

— Дошло, — резюмировал черноволосый. — Вот я и предлагаю: слив цены золота начать уже в этом году в аккурат под Новый Год. Недельки за три создадим информационный шум, а дней через пять-семь пойдем по полной программе образовывать этот снежный ком. Задействуем экономистов, финансистов, банкиров и через средства массовой информации добьемся нужного результата. Словом, как говорили раньше.

— Нет возражений, — поднял руку седой.

— Идет, — кивнул блондин.

— Принимается, — подал голос финансист.

— Так и сделаем, — подвел черту черноволосый. — Через десять дней заканчиваем игры с валютой…

— Через восемь, — поправил банкир.

— Ну, пусть через восемь, — не стал спорить депутат. — Затем небольшая передышка и наваливаемся на эту золотую тему!

— Раз закончили с этими вопросами, то у меня родилась на досуге еще одна интересная мыслишка, как можно поиграться с депозитами населения. — Блондин с видом фокусника-заговорщика достал из портфеля папку с документами и положил на стол. — Они на сегодняшний день разрослись до невероятных размеров и составляют колоссальную сумму. Мы тут со своими посоветовались и придумали интересную схемку. Почему бы нам…

Как выглядит очередная схема отбора денег избранными гражданами Украины у всех остальных, я уже слушать не стал. Наверняка фантазия людей, облеченных властью, у нас в стране неистощима. Не зря же их выбрал народ.

Если б я был человеком, я бы сказал, что «покинул кабинет, шатаясь от усталости». В моем случае это звучало чуть иначе: «проходя сквозь стену, чуть в ней не застрял». Так мне было дерьмово от всего услышанного, что я никак не мог собрать себя в кучу.

Размечтался наивный романтик: представители разных политических сил сели за стол переговоров, чтобы сообща вывести страну из кризиса и, в конце концов, навести порядок в государстве… Ага, как же…

Берем ответственность

В этом, напоминающем дорогой антикварный магазин и будуар известной актрисы одновременно, кабинете назвать атмосферу нормальной тоже можно было с большим трудом. Нервозность висела густыми хлопьями прямо в воздухе, я почувствовал это сразу же.

Из троих государственных мужей относительно спокойным казался только один — второй советник Его. Этот маленький упитанный выше среднего человечек сидел серой мышкой на краешке кресла в углу огромного рабочего стола и делал вид, что сосредоточенно ищет какой-то документ в ворохе бумаг, выложенных из папки. Он старательно играл в игру: «Меня здесь нет! Я потерялся». Судя по всему, он был в этом деле профессионал.

Первый же советник, высокий мужчина с залысинами, стоял перед Ним и, умудряясь подобострастно смотреть снизу вверх, несмотря на одинаковый рост, внимал каждому слову, уроненному Хозяином. Говоривший вышагивал вдоль стола для совещаний, то и дело поправляя манжеты ослепительно белой рубашки, которые, как ему казалось, почему-то никак не хотели симметрично выглядывать из рукавов пиджака. Стоявший на вытяжку провожал Его преданным взглядом, не отрываясь ни на долю секунды и даже старался моргать как можно реже.

Я занял, уже становившееся для меня привычным, место над столом для совещаний, чуть пониже люстры и превратился в слух. В этой комнате должны приниматься самые важные для Украины решения. Здесь творилась судьба страны.

— Ну и что будем делать? Они что, забыли про нас? Или вовсе свернули Проект? В чем дело? — раздраженно продолжал свой монолог Хозяин. — Кто мне на это может ответить? Если изначально мы согласовывали с ними каждый свой шаг, и они вникали в каждую мелочь, вплоть до назначения на мало-мальски ответственную должность того или иного кандидата, то сейчас они нас просто кинули. Да! Да! Бросили на произвол судьбы, и не добьешься от них ни то, что инструкции по какому-либо вопросу, даже элементарного совета. Одни призрачные путаные намеки! И никакой конкретики! Сколько это может продолжаться? И как нам выходить из этого положения? Мне может кто-нибудь разъяснить, в чем тут причина?

— Вы бы спросили у супруги, только так, аккуратненько, без напора, — робко посоветовал первый советник, уже порядком подуставший от риторических стенаний босса, которые по

определению не требовали ответа, а длились уже больше получаса. — Ведь если кто-то и может как-то прояснить ситуацию в этом вопросе, то…

— А я о ком сейчас говорю? — раздраженно перебил Хозяин. — Или ты думаешь, что я все это про этого надутого индюка посла излагаю? От него давно уже ничего не добьешься. Одни разглагольствования на отвлеченные темы. Или от их штаба по нашей поддержке? Там тоже уже несколько месяцев глухо, как в подбитом танке. А ведь как хорошо все начиналось! Раньше следили за каждым шагом: сделай то, не делай этого, этому делу удели особое внимание, а сюда вообще не подходи… Речи корректировали, следили за рейтингом и имиджем. Да что там следили, формировали и то и другое! А теперь занимайтесь всем сами. Без поддержки. Так получается?

— Аааммм, как-то так, наверное, — не вполне уверенно кивнул подчиненный, но тут же нашелся. — А не проверяют ли они нас на самостоятельность перед следующими выборами?

— Самостоятельность перед выборами? — Хозяин перестал мерять шагами кабинет и остановился у шкафа с книгами. Взгляд уперся в корешки книг украинских писателей прошлого и позапрошлого века. Его лицо целую минуту выражало усиленную умственную деятельность в режиме полной тишины. Недовольно изрек. — На какую самостоятельность? Ты чего мелешь? Кого проверять? Нас? На что? Ты подумал, что сказал, вообще?

— Так ляпнул, не подумавши! Это, конечно, не так! — легко согласился первый советник, его лицо в момент покрылось испариной. — Прошу меня извинить, бывает. Это от жесткого рабочего графика. Усталость, перенапряжение…

— Смотри, впредь, думай! Чтоб больше такого не было! — Он снова зашагал по кабинету. — Втянули нас в эти проблемы с Москвой, а сами в кусты. Как теперь эту кашу расхлебать? По самые уши в дерьме! И там мы нагадили, и здесь ерунду полную затеяли! А теперь еще и этот демарш… в никуда! Понимаешь, о чем я говорю?

— Безусловно. — У советника было уже мокрое не только лицо, но и залысины обильно покрылись мелкими капельками пота.

— Вот. А теперь, если не будет поддержки, они нас… — Хозяину надоело воевать с манжетами. Он снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку кресла. Поправил галстук. — Будет, как с Грузией. Наобещали с три короба, а как до дела дошло, так: «обознатушки — перепрятушки!» И нас так же кинут! Понимаешь, чем это чревато? Нестройная болтовня издалека вместо реальной помощи здесь!

— Конечно. Но обещать — не значит жениться! — не вполне уверенно поддакнул первый советник. — Это же политика…

— А нам-то что прикажешь делать? С чем ее теперь… — Хозяин продолжал по инерции загонять выверенными движениями под уже отсутствующие рукава пиджака манжеты рубашки. — Политика! Какая политика? Надавали заданий, а я здесь один расхлебывай! Какие из них теперь выполнять и в какой очередности?

— У них же тоже выборы, смена президента, — попробовал как-то успокоить босса первый советник. — Им сейчас просто не до нас. Они там власть поделят и снова обратят на нас свое внимание. Не могут же они плюнуть на свои деньги? Столько сюда вложено!

— Думаешь?

— Уверен на сто процентов, — первый советник понял, что нащупал ответ, который от него хочет услышать Хозяин. — Это временно. Скоро все будет, как прежде. Им надо свои дела решить, а там уже…

— А как же мы? Что будем делать? Без четкого и согласованного плана дальнейших действий? Куда идти? — по Хозяину было видно, что он уже начал приходить в нормальное расположение духа. Ежедневная нервотрепка близилась к завершению.

— Пока нужно немного подождать, — уже уверенней уговаривал Его подчиненный, он уже настолько набрался храбрости, что, достав платок, вытер градом катящийся пот. — Еще немного. Совсем чуть-чуть. Скоро там будет новое руководство страны, и не нужно будет что-то самим изобретать. Все подскажут! К тому же, большую часть работы мы уже проделали. Все направления, обусловленные ранее в перманентном процессе. И Ваши гениальные решения, казалось бы, неразрешимых проблем прекрасно себя показывают в действии. Так что, нам есть что предъявить, когда оттуда потребуют отчет о проделанной работе и потраченных средствах.

— М-да? — Хозяин подошел вплотную к собеседнику и пристально посмотрел ему прямо в глаза. — Ты не пытаешься меня успокоить?

— Нет. Ну что Вы. Все так и есть. Чистая правда! — подчиненный выдержал секунд десять взгляд, преданно смотря в лицо Хозяину честными, как у младенца, глазами, а затем наклонился к столу и суетным движением достал из своего портфеля толстую пачку бумаг. — Мы тут провели некоторые исследования. Вот смотрите, что я Вам приготовил.

— Читай, я слушаю. — Он резко развернулся на каблуках,

заметил свой пиджак на кресле, опустил глаза вниз — посмотрел удивленно на рубашку, пытаясь вспомнить, когда и зачем он разделся. — Читай, читай.

— Вот тут у меня графики и расчеты, — деловито зашуршал бумагами первый советник. — А вот подборка диаграмм. Они наглядно отображают все жизненно важные процессы в социальной и экономической сфере жизни Украины на сегодняшний день. Не побоюсь этого слова — позитивные тенденции налицо. В этих таблицах числа, подтверждающие такие заключения. Двух мнений быть не может, это факты. А факты, как известно, вещь упрямая. Так же Вы просили подготовить обоснование тому, что резкие изменения курса гривны идут на пользу украинской экономике. Мы подготовили: вот выкладки, из которых следует, что экономика оздоравливается благодаря резкому падению гривны. Происходит крайне благоприятная реакция, которая несет за собой…

— Когда это я просил? — демонстративно удивился Хозяин и вновь облачился в пиджак.

Первый советник сконфуженно запнулся: «Не надо было это ему напоминать! Еще рано. Просили же несколько дней придержать эту тему! А я сам налетел на нее! Бумажки под руку попались. Тьфу, ты! Но показалось, что он занят своим костюмом и совсем меня не слушает! Придется выкручиваться на ходу». Сделал задумчивое лицо:

— Две или три недели назад. Я точно не помню. Если надо — точную дату я посмотрю в еженедельнике.

— Да? Любопытно.

— Это было сразу после внеплановой встречи с главным банкиром страны, — подтолкнул Его в нужное русло первый советник. — Вы меня сразу вызвали, прямо во время примерки нового костюма, и дали указание…

— Аааааааа, да, да, что-то было, — раздраженно перебил его Хозяин. — Сегодня это уже не актуально. Выбрось. Нужно разработать новый документ о том, что во всех колебаниях курса гривны, которые уничтожают экономику страны, виноваты наши сегодняшние оппоненты. Понимаешь, о ком речь?

— Безусловно. Все сделаем, — первый советник вытянулся по стойке смирно. — Эту задачу на всякий случай мы начали выполнять еще несколько дней назад. В превентивном порядке. К завтрашнему утру закончим.

— Молодцы, — Хозяин вновь принялся за манжеты. — Ты передал главному банкиру мои требования незамедлительно навести порядок на валютном рынке?

— Конечно. И все это уже освещено в средствах массовой

информации. Ваше гневное требование к главному финансисту о немедленной стабилизации национальной валюты опубликовано во всех доступных газетах и журналах, включая Интернет-издания.

— Освещение в прессе — это хорошо. А что он ответил?

— Он сказал, что ему нужно несколько дней.

— Пускай заканчивает. — Хозяин задумался. — Жадничать нехорошо. Это дело уже получило слишком широкую огласку. И, наверняка, есть недовольство в массах. Как народ реагирует на то, что гривна упала почти в два раза? Не ропщут?

— Нормально. Наш народ привык уже ко всему! Даже ищут и находят определенные плюсы.

— Например? — Хозяин удивленно поднял брови, оставив несимметричные, как ему все время казалось, манжеты рубашки в покое.

— Теперь квадратные метры в Киеве подешевели, и не только в столице. По всей Украине произошло существенное падение цены на недвижимость и землю за последние дни.

— В долларах?

— Разумеется.

— Это наша очередная победа! — воодушевлено начал Он, уже видя помпезные заголовки. — Написать…

— Уже пишется, — рискнул перебить Его первый советник. — Все, как положено, исходя из последних достижений в области политтехнологий, и будет готово завтра к обеду!

— Оперативно. На опережение. От имени Украины выражаю благодарность, — царским голосом похвалил Хозяин.

— Спасибо. Мы стараемся. А негативные последствия от резкого падения курса гривны с Вашим именем связывают только новые оппозиционеры. А кто им поверит? — первый советник сделал кисло-уксусное лицо. — Этим пустозвонам и ворам? К тому же, Вы только что прозорливо приказали подготовить под необходимую в данном случае базовую посылку четкое экономическое обоснование. Это Ваше заявление…

— Народ поверит в то, что я ему скажу по этому вопросу? — не дослушал первого советника Хозяин, думая о чем-то своем, и, судя по собравшимся морщинам на лбу, это что-то было не особо приятное.

— Это же Ваш народ! Какие могут быть сомнения? Он верит каждому Вашему слову! — напыщенно проговорил первый советник и сделал «страшные» глаза второму, который, пользуясь тем, что Хозяин его не видит, беззвучно прыснул в кулак со смеху.

— Хорошо, готовьте. Только очень тщательно и больше

конкретики. Как они в этом деле виноваты, почему, старые грехи сюда вплести не забудьте. Это просто необходимо для полноты картины, — легко вернулся Он в нормальное расположение духа, морщины на лбу разгладились. — Понимаешь?

— Безусловно. Все сделаем.

— Что там у тебя еще?

— Вот еще выкладки. По нескольким темам. Первая. Рост ВВП осуществляется благодаря только Вашей программе. Все абсолютно доказательно: с цифрами, расчетами, наглядными графиками и диаграммами, соответствующими выводами…

— Сколько тем?

— Шесть. — Первый советник замер с листами бумаги в руках и умолк, ориентируясь на молчаливые размышления Его.

— Это много, — через несколько секунд определился Хозяин. — Возьми и распиши пока три. Темы определи сам, что-нибудь наиболее актуальное. На злобу дня. Я посмотрю перед эфиром.

— Хорошо.

— И это все ты мне подготовь на вечернее обращение к народу, — Хозяин критически осмотрел костюм и манжеты, «взглянул на себя со стороны», в который раз подумал, что крайне необходимо поставить и в этот кабинет большое зеркало, вошел в образ и уже другим, проникновенным голосом переиначил: — На сегодняшнее вечернее обращение к моему любимому народу Украины.

Советники, несмотря на комичность ситуации, украдкой обменялись понимающими, без тени улыбки, взглядами: момент настал. Первый советник дал едва заметный знак второму: «Давай. Вперед!»

— В связи с этими количественными и качественными показателями, Вам тут надо кое-что подписать! Иначе некая правовая незавершенность получается. Это мелочи, технические вопросы, но они, если взять в глобальном масштабе, существенно улучшат жизнь украинского народа согласно Вашего плана реализации развития, реконструкции и интеграции, о котором Вы сегодня будете рассказывать народу Украины в прямом эфире. — Тут же «нашел» нужные бумаги второй советник.

— Да, да. Давайте. Раз уж мы объявили всему миру о своей ответственности за эту страну, то надо выполнять взятые на себя обязательства в полном объеме и вовремя отрабатывать поставленные задачи. — Хозяин встрепенулся, прошел к своему рабочему столу, сел в кресло и взял эксклюзивную чернильную ручку с золотым пером. Размашисто подмахнул первый лист. — Это что?

— Это все рабочие приложения к стратегической программе по стабилизации экономики, которые в свою очередь повлияют наилучшим образом на все виды жизнедеятельности государства: рост благосостояния граждан, увеличение заработных плат и пенсий, социальной защиты… — второй советник, не прекращая сыпать общие фразы позитивного толка, конвейером подкладывал документы, открытые на страницах требующих подписи. Буквально через минуту процесс был завершен.

— Теперь все? — Хозяин отложил ручку.

— Да, — одновременно ответили советники. Пока невысокий толстячок складывал документы в папку, стараясь делать это без суеты, его долговязый напарник заполнил паузу:

— Если у Вас к нам нет других распоряжений, разрешите идти отрабатывать оговоренные вопросы?

— Идите, — королевским жестом руки отпустил Он их. — И смотрите, чтоб все было выполнено должным образом и в срок.

Оба советника стремительно, не утруждая себя соблюдением норм этикета, покинули кабинет. Я последовал за ними. С собственником кабинета мне было все понятно и до того, как я увидел его лично, а вот эти не особо известные ребята в Его тени меня заинтересовали.

По широким коридорам украинской власти советники, не говоря друг другу ни слова, проследовали ускоренным шагом. Спустя несколько минут оказались в маленьком, если сравнивать с предыдущим, помещении. Кроме площади комнаты, существенно отличалось и качество мебели, которая здесь была без претензий на изыски. Кабинет был обставлен простой итальянской офисной мебелью, которая встречается в любой киевской фирме уровнем выше среднего.

Маленький толстяк закрыл на ключ дверь, бросил папку с документами на стол и достал из тумбы стола початую бутылку коньяка и две хрустальные рюмки. Так же молча налил до краев, они чокнулись и выпили. Толстяк тут же повторил. Вторая порция коньяка проследовала по назначению незамедлительно.

— По-моему, нельзя быть таким идиотом, — показывая на бутылку, нарушил молчание высокий.

— Он явно переигрывает, — поддакнул толстый, наливая по третьей. — Как он тебя сегодня…

— Достал по полной, мудила! Попробуй, догадайся с первого раза, что он каждый раз хочет от меня услышать, — высокий опрокинул коньяк в горло, шумно выдохнул через нос, достал из кармана пиджака сигареты и зажигалку. — Давай перекурим.

— Давай, почему нет? — согласился напарник, неторопливо, смакуя, выпил свою порцию янтарного напитка и тоже задымил

сигаретой. — Наговариваешь! Никакого новаторства нет. Мне со стороны виднее. Алгоритм ваших разговоров всегда один и тот же: мудрое руководство, гениальные планы, запредельные результаты работы — очередные победы, любовь и безграничное уважение иностранных политических лидеров, красивый новый костюм, который прекрасно сидит на Нем, обожающий до поросячьего визга Хозяина народ Украины, растущий посекундно, даже не поминутно, рейтинг…

— Не скажи. Не так это просто, — возразил высокий. — Впрочем, если тебе кажется это таким элементарным, давай поменяемся местами. А то ты там, в сторонке свои ораторские способности растеряешь.

— Нет уж. Как-нибудь и без риторики доживу, — категорично махнул головой толстячок. — Роли распределены. Менять ничего не будем. Схема работает на «отлично». Зачем вмешиваться в работающий механизм? Все функционирует четко! Ты поддерживаешь весь этот словарный понос, а я подписываю то, что нам надо.

— Отож. Не хочешь! А говоришь — проще пареной репы, — самодовольно усмехнулся высокий. — Ты, кстати, все подсунул Ему?

— Обижаешь. Конечно, все.

— И таможенные льготы?

— Да.

— И пошлины по иномаркам?

— Да.

— И по ценам на горюче-смазочные?

— Да.

— И…

— Я же говорю, все, что было нами намечено, — радостно кивнул толстый и опять наполнил рюмки. — Абсолютно, как по нотам. Полный ажур! Не зря больше месяца это дело готовили! Все срослось!

— Слава Богу! — высокий потер руки. — Теперь осталось получить оставшиеся суммы от всех наших заказчиков и ВСЕ. — Он сделал ударение на последнем слове.

— Что ты имеешь в виду под словом «все»? — уловив интонацию, подозрительно посмотрел толстый на напарника и даже поставил уже поднятую рюмку назад на стол.

— Все это значит все! Чего непонятного? — пожал плечами высокий. — Пора спрыгивать. Не чувствуешь, чем пахнет? Да уже, пожалуй, и не пахнет, а откровенно смердит. Или ты об этом не думаешь?

— И куда? — проигнорировал последний вопрос толстый. —

Есть конкретные наметки?

— Куда, пока не знаю, вернее, не определился. Вариантов много. Но то, что насовсем уже сомнений нет. Государство разваливается. Ты что ли не видишь, что пора делать ноги? Во всяком случае, от этого Хозяина. С ним один путь — погибнуть под обломками!

— Не знаю, как насчет сваливать, — задумчиво поднял рюмку толстый, — пора, не пора, кто знает? Может, еще несколько месяцев продержимся — это весьма неплохие деньги. А то, что страну развалили, это точно.

— Справились на сто процентов. Мрак неописуемый. Будем! — согласно кивнул высокий, поднял свою порцию коньяка и выпил в один глоток. — Теперь что? Крах полный. Народ эту власть просто порвет. Ломтями стругать будут. В Днепре топить. На что Он надеется? К теще за океан уехать? Так не примут Его, пока не отработает все вложенные деньги. До последней копейки! У них там это просто…

— «Все просто, кроме денег», — процитировал толстый. — Остальные хороводы водятся так… ради дымовой завесы, не более. А все из-за ресурсов, мощностей, активов и прочих симпатичных ликвидов Украины.

— Именно. И я об этом же. Суть этого действа ясна и младенцу. А вот Он что, правда, не ориентируется в сложившейся ситуации и всю нашу лапшу за чистую монету принимает?

— Хрен его знает. По логике надо быть совсем тупым, чтобы не понимать, до чего дошла страна.

— Довели, — поправил высокий.

— Ну, довели. Какая разница? От окончания слова что, суть дела меняется? Дело в другом: если судить по раскладу с главным банкиром, Он вовсе не глуп, о себе не забывает. Это точно. Как они круто замутили эту тему… Лихо, без малейшей оглядки на последствия: как для себя лично, так и для государственной экономики. Рисковый расклад получился! Интересно только вот… — толстый наклонился и полез в стол, прервав свой вопрос. — У меня здесь где-то лимончик был… Сейчас я тебя найду и порежу… Чего это мы без закуски?

— Да все там не так уж и сложно. — Пока напарник двигал ящики стола, сосредоточенно собирая лимон, сахар, тарелку и нож, высокий разъяснил ситуацию, как он себе ее видел:

— Главный банкир выдал нескольким своим карманным банкам тридцать миллиардов гривен. Остальные сто получили семь миллиардов и то только для того, чтобы создать видимость справедливого распределения и попытаться избежать обвинений в предвзятости и коррупции. Это было круто! Банкам, которые

можно пересчитать на пальцах рук — тридцать миллиардов гривен, а ста финансовым учреждениям — семь миллиардов. Все по справедливости!

Одновременно создал шумиху о резком укреплении гривны. Твердил с экранов всех телеканалов, мол, нормальная цена доллара на Украине — две гривны. В этом ему здорово помогли подконтрольные средства массовой информации, которые подпевали ему в этом блефе на все голоса. Под таким плотным напором психика людей не выдержала. Они поверили! Вследствие этих не особо хитроумных манипуляций с сознанием народа Украины курс был опущен до четырех гривен за доллар.

Потом, на следующем этапе аферы, из золотовалютных резервов страны главный финансист продал на межбанковской валютной бирже четыре с половиной миллиарда долларов по явно заниженному курсу. Замазанные в этой теме банки на те самые тридцать миллиардов и скупили почти всю долларовую массу. Весь доллар монополистически сконцентрирован в одних руках. И никто из многочисленных ведомств, которые должны были забить тревогу и защитить страну от такого беспредела, даже не пикнул.

Дальше еще проще. Все покатилось само собой. Дефицит доллара, полнейший развал экономики, спровоцированные панические слухи, вначале длительное молчание, а затем весьма пасмурные выступления того же главного банкира о том, что он не знает, сколько будет стоить этот самый доллар и они легко дотягивают курс до десяти гривен за один бакс. Двойной подъем был обеспечен. Стопроцентная прибыль банкам, которые под главным банкиром. Ну, или работают с ним вместе. Это, в общем-то, вопрос терминологии. Небольшая группка людей сняла гигантский куш. На этом закончился первый этап.

Перехожу ко второму. Основная масса украинцев получает заработную плату в гривне, поэтому из-за такого скачка курса начинаются массовые невозвраты кредитов, взятых в долларах. Банки забирают заложенные квартиры, земельные участки и машины, выставляют их на рынке за полцены в гривне. Тут же сами и скупают за половину стоимости все залоговое имущество, расчитываясь теми самыми деньгами, которые только что выручили от продажи валюты. Это еще сто процентов прибыли.

При этом сотрудники банков лицемерно, но в тоже время весьма красочно, убеждают всех граждан страны через средства массовой информации, что им это конфискованное имущество не нужно, и что скупленными по дешевке квартирами, машинами и участками земли финансовым учреждениям заниматься крайне невыгодно.

В конце этого спектакля все участвовавшие в этом откровенном грабеже своего народа банкиры «благодарят» главного финансиста страны и заодно депутатов, которые вполне могли снять главного банкира в самом начале этой аферы, но «почему-то» не сняли.

И тут внезапно просыпается и выезжает на эту сцену абсурда на белом коне Он. При запоздалом, дабы не сказать грубее, вмешательстве Его, курс немного падает. До восьми гривен за доллар. Главный банкир бодро отчитывается об обалденно проведенной работе по стабилизации ситуации на валютном рынке страны.

А наш Хозяин вещает со всех каналов о том, что «в действиях главного банкира коррупционная составляющая отсутствует и его топ менеджеры проявили себя в этой сложной ситуации как опытные профессионалы». И публично объявляет ему благодарность!

В итоге этого развода: двести процентов прибыли кучке банкиров и депутатов, а простые люди в массе своей остались без квартир, машин, земельных участков и прочего залогового имущества. По определению: идеально просчитанный, наглый, стопроцентный кидок своего народа.

— Увлекательно излагаешь. Теперь понятно, к Кому ты собрался, — толстый давно закончил резать лимон и теперь, после паузы, посыпал аппетитные дольки сахаром. Налил коньяк. — Гневную, изобличительную статью готовишь? Типа: «Эти сволочи должны за все ответить!»

— С чего ты взял? — заметно смутился высокий и поднял свою рюмку. — Ничего такого и в мыслях нет.

— Тогда зачем ты мне все это рассказываешь? — чокнулся с ним толстый. — Я что ли не в курсе?

— Почему тогда не перебил?

— Из чувства такта. Ты так помпезно все рассказывал, как на трибуне Майдана. Как я мог остановить такой поток красноречия? — толстый выпил и вкусно захрустел лимоном. — А эти уши мне были видны еще при первых воплях главного банкира о том, что доллар должен стоить две гривны. Мне совсем не это интересно.

— А о чем ты тогда хотел спросить? — высокий кривясь, обсасывал дольку лимона, на которую попало слишком мало сахара.

— О том, какая доля у Него с этого проекта?

— Ну и вопросики ты себе задаешь, — насмешливо заметил высокий. — У них там с главным финансистом свои договоренности. Прямые. Без посредников. Я почем знаю?

— Вот и я о том же. Мы тут с тобой корчимся, дешевок из себя изображаем, и все за несколько лимонов зелени. Обхаживаем Его, а он, не напрягаясь, на сотни их отщелкивает… — задумчиво проговорил толстый.

— Не скажи. Он подставляется по полной программе, — возразил высокий. — Как будет выкручиваться, ума не приложу.

— Как обычно. На гнилом коне: виноваты во всем плохом, из-за чего пострадали граждане Украины, многочисленные политические враги, а все хорошее сделал один Я! Ничего нового не будет. Ты только не говори мне, что с этой темы ничего не имеешь, — толстяк ехидно посмотрел на коллегу. — А то я не знаю, кто из депутатов к тебе по этому делу захаживает. Чемодан готовишь под капусту? Или уже авансом забашляли?

— Твое-то какое дело? — грубо оборвал его высокий.

— И то верно. Сдаюсь. Завидую просто. Я-то в эту тему свой клюв засунуть не смог, как ни пытался. — Шутливо поднял руки толстый и резко сменил тему. — Как это Он сегодня про свой Мемориал не вспомнил?

— Боится параллелей с больницей будущего для детей, — пробурчал высокий, недовольный бестактностью напарника.

— Это в каком смысле? — толстый вновь разлил коньяк, уже сожалея о своей шутке. — Какая тут связь?

— Неужели не врубаешься? — удивился высокий.

— Нет, — сделал искренние глаза толстый. — Я знаю то, что и все. Ему пытаются инкриминировать по Мемориалу «неоправданные траты». На сегодняшний день сметную стоимость раздули до семисот пятидесяти миллионов гривен. И это в четыре раза больше, чем было потрачено на памятник жертвам Холокоста в Берлине. Ну и всем, в том числе и мне, понятно, что такой масштаб затрат открывает серьезные перспективы для увода денег.

— А с больницей будущего никак увязать не можешь?

— Да я как-то и не вникал особо. О чем там речь? Что за больница такая? Так, слышал краем уха.

— Ну ты даешь! — высокий забыл обиду (чего толстый, собственно, и добивался, изрядно лукавя в своем непонимании и неведении), выпил свою рюмку коньяка и с азартом принялся рассказывать:

— Около двух лет назад в Украине стартовала акция по сбору денег на больницу будущего для детей. Причем, это даже не просто рядовое медицинское учреждение, а огромный центр лечения больных детей. Он должен по замыслу состоять из нескольких отделений: онкологических заболеваний, хирургического и педиатрического направлений. Только

стационар на двести пятьдесят койко-мест! Также планируют построить общежитие для персонала, мини-гостиницу для иногородних больных и их родственников, а также большой паркинг. Все в едином комплексе.

Много там всякого народа замазано, но курирует сию акцию непосредственно сама жена Его. Такой расклад внушил нашему обывателю уверенность в том, что средства пойдут по назначению. Шутка ли? Жена самого Его занимается, да и деньги на такое дело собирались, что воровать не захочешь. На смерти детей наживаться немногие захотят. Посему деньги пошли. Народ проникся.

Каждый день в Украине умирает несколько детей, которых можно было бы спасти. А это беда всенародная. Люди перечисляли, кто сколько мог. Равнодушных было немного. На святое дело деньги пойдут — на спасение детей!

Собрали «всем миром» на больницу будущего для детей двести шестьдесят два миллиона гривен. Во всяком случае, именно такая цифра фигурирует в отчетах этого фонда. Даже наши бизнесмены — олигархи на это дело не поскупились и изрядно отстегнули.

Открытия медицинского учреждения, которое изначально было запланировано на следующий год, ждут сотни наших сограждан. Родители детей, чья жизнь зависит от высококлассного оборудования, рыдают по ночам и молятся в ожидании ввода в эксплуатацию этой больницы, на постройку которой в бюджете страны не нашлось денег.

И вот вопрос, который почему-то никому раньше не приходил в голову: почему строительство больницы не профинансировал государственный бюджет Украины? Причем, уже давно. Раз есть в стране такая беда, кому как не государству позаботиться о спасении жизней маленьких украинцев? Ответ традиционен — в бюджете Украины нет денег. Наша страна — независимое государство уже почти двадцать лет, а так и не может сформировать нормальную казну и найти там средства для самой приоритетной задачи: спасения жизни и здоровья подрастающего поколения. Неужели?

Что, правда, так нереально найти эти самые средства? И все уходит на более важные вопросы? Какие, например? И вот тут вырисовывается самая важная задача сегодняшнего дня, которую финансирует бюджет страны. Это постройка этого самого Мемориала. И что любопытно, этот проект стартовал практически одновременно со сбором средств на больницу будущего для детей.

Первоначальная стоимость была определена в размере

восемьдесят миллионов гривен, затем оказалось, что «немного» неправильно посчитали. И сумму увеличили вдвое — сто шестьдесят миллионов гривен, еще немного погодя чиновники более тщательно пересчитали затраты и озвучили сумму в шестьсот миллионов, а сейчас, как ты правильно заметил, фигурирует число в семьсот пятьдесят миллионов гривен.

И это не предел: с каждым месяцем сумма затрат на Мемориал уверенно приближается к миллиарду гривен. И все это деньги наших налогоплательщиков. Деньги колоссальные и из той самой пустой казны, в которой не нашлось денег на больницу будущего для детей. А ты спрашиваешь, какие тут параллели? Все более чем наглядно видно, стоит только сопоставить факты, — высокий перевел дух и закурил очередную сигарету.

— Теперь понятно, — толстый вертел в руке пачку от сигарет. — Так, а с лечебницей что? Стройка идет?

— Ха, идет! Едет! Еще даже фундамент не начинали закладывать. В следующем году по анонсированному проекту больница будущего для детей уже должна быть закончена и введена в эксплуатацию, но я сомневаюсь, что ее в эти сроки даже начнут строить…

— Это почему?

— А все потому, что на участке, который изначально отвели под больницу, растут… реликтовые деревья. Прикинь?

— Ну, растут и растут, реликтовые и реликтовые… И что из этого? — не понял толстый. — В чем проблема?

— Не разрешают убирать, — многозначительно посмотрел на него высокий. — Как тебе такое объяснение?

— Кому не разрешают? Жене Его не разрешают? Кто это не разрешает? Да брось ты! — со смехом отбросив пачку, не поверил толстяк. — Ты, вообще, о какой стране только что говорил?

— Ага. Нельзя и все тут! Несоответствие каким-то правовым нормам. Отвечаю! И проектно-сметную документацию соответствующие инстанции отказываются подписывать. Там тоже что-то не стыкуется. Бюрократическая волокита.

— Что за сказки?

— Отож. Говорят, в Киеве появились чиновники-самоубийцы, — ехидно заявил высокий и подмигнул напарнику. — Жене Его решили запретить строить больницу будущего для детей! Это же форменный суицид! Борцы за идею завелись при печатях.

— Бред. Полный бред, — продолжая криво усмехаться, замотал головой толстый. — Да сколько там той земли надо? Пятьсот гектаров? Владельцам недостроенного торгового центра «Заицкий» наш горсовет с барского плеча при попустительстве не

менее щедрого правительства отвалил восемьдесят гектаров прекрасной земли прямо на ВДНХ. Там под снос реликтовые деревья не пойдут?

— Вот, а я тебе о чем говорю? Отговорку придумали такую дешевую, как в том анекдоте. А тем временем, пока здесь чиновники «запрещают» строить больницу будущего для детей, ведется строительство другого объекта. Очень нужного и очень важного…

— Мемориала…

— Точно так. Мемориала. Который нашей нищей и голодной Украине крайне необходим. Именно сейчас. И ведется это строительство на территории парка Вечной славы, недалеко от Обелиска и Киево-Печерской лавры, чуть ли не в самом центре охранной зоны заповедника, включенного в список памятников мирового наследия ЮНЕСКО. И никого из тех же разрешающих чиновников это нисколько не смущает. И «реликтовые деревья» не страдают.

— Ты что хочешь сказать? — окончательно дошло до толстого. — Что средства на постройку лечебницы элементарно…

— Я этого тебе не говорил, — категорично отрицательно поводил указательным пальцем у самого носа напарника высокий. — Есть общеизвестный, в узких кругах, естественно, факт: в данный момент двести шестьдесят два миллиона гривен, по словам организаторов сбора средств на больницу будущего для детей, находятся на банковских депозитах, и на них начисляются определенные проценты.

— Какой банк, какие проценты, кто их и как определял — все это, конечно же, неизвестно даже узкому кругу слегка посвященных лиц? — догадался толстяк самостоятельно.

— Совершенно верно, — кивнул разоткровенничавшийся не в меру высокий. — И когда, наконец, наступит долгожданное начало строительства — тоже тайна за семью печатями. Может в следующем году, а может совсем и не в следующем. Я так полагаю, что из этих средств строиться вообще ничего не будет. Вот посмотришь и вспомнишь меня.

— Неужели ты думаешь, что деньги, которые собрали на святое дело со всей Украины, как это у нас обычно бывает, просто растворятся неизвестно где? — на лице толстого застыла удивленно-возмущенная мина.

— А что первый раз что ли? Мало примеров? Хотя в данном случае все будет гораздо красивее…

— Хотелось бы верить, что хоть у умирающих детей не отберут последнюю надежду. — Толстый разлил остатки коньяка и поставил пустую бутылку в корзину для бумаг.

— И мне хотелось бы, что я зверь что ли? Но сие от нас не зависит. Возводят пока только Мемориал. И на бюджетные деньги. А средства из фонда на больницу будущего для детей, я думаю, освоят проще, чем по строительству, и стопроцентно в рамках закона, но не совести, разумеется.

— Как?

— Никакого новаторства. Схема начала девяностых годов. Проще пареной репы. Я тут случайно узнал, что уже идут переговоры о закупке шведского медицинского оборудования для несуществующей больницы, а также об обучении персонала для его обслуживания в США.

— Сольют основные деньги фонда на приобретение оборудования… — растерянно проговорил толстяк.

— Именно. Томограф, линейные ускорители, комплексы для лечения больных раком. Кто знает, сколько оно там реально стоит? И какой эта техника будет свежести и актуальности? Привезут в контейнерах и свалят в какой-нибудь заштатной поликлинике на временное хранение. До завершения постройки больницы, которую уже не на что будет строить.

— По бумагам будет все чисто, — обескуражено согласился с такими доводами коллеги толстый. — Комар носа не подточит.

— Да. Высокие персоны замешаны. Должно быть все красиво. А по такой схеме никакого криминала. Ну, почти, — развел руками с видом фокусника высокий. — А на оставшиеся в фонде деньги отправят тех, кто там ближе всего к распределению этих средств, пожить на несколько месяцев в Америку. Чем плохо? На халяву! Ну, пару придворных медиков прихватят с собой для легитимности. И на этом средства закончатся. Как и кто на последнюю Олимпиаду ездил, помнишь?

— Да, там, в делегации, спортсменов совсем немного оказалось. Все сплошь «нужные» люди.

— На каждого физкультурника десяток прихлебателей. Чему удивляться? И здесь будет, попомни мое слово, аналогичный расклад, — заверил, со знанием дела, высокий.

— Мы с тобой неплохо там среди спортсменов время провели, кстати. Поддержали национальную команду, — толстый поднял рюмку. — Давай, на посошок. Будем разбегаться. Тебе же еще обличительную речь против врагов Ему готовить.

— Что ее готовить? Возьму прошлогоднюю, она практически ничем не должна отличаться. Те же наезды то на как бы соратников, то как бы противников. Люди те же, и грехи у них тоже без особых изменений. Пару злободневных вставок сделаю и готово. Он и не заметит. А вот должников наших, действительно, обзванивать пора, — высокий выпил коньяк и встал. — Погребу к

себе. Начну радовать заказчиков. Дело сделано. И не одно. Пусть трясут мошной. Пора.

— Я тоже сейчас своим позвоню. Держи в курсе и заноси мою долю по мере поступления.

— И ты не забывай меня радовать! — высокий недвусмысленно потер большим об указательный палец правой руки. — Смотри, по всем темам, как договаривались…

— Само собой.

Когда за напарником закрылась дверь, толстячок суетно вскочил с кресла, пробежал по кабинету и запер ее снова изнутри на ключ. Схватил телефонную трубку и принялся набирать номер, но, не дождавшись ответа вызываемого абонента, бросил ее на рычаг:

— Нет. Тут торопиться не стоит. Нужно как следует подумать. Блин, даже он уже докопался до расклада по этому проекту… Если так пойдет и дальше, сюда влезут средства массовой информации, тема накроется, и мне с этих закупок медицинского оборудования под больницу будущего для детей ничего из обещанного не обломится…

Я, чуть ли не разрываясь от боли на части, покинул и этот кабинет. Если у меня так дальше пойдет, то что же со мной будет? Почему дядя Грач не сказал мне, как бороться с этими приступами боли? Как и куда надо сбрасывать этот убойный заряд негативной энергетики? И где он сам, в конце концов? Если не появляется, то, наверное, считает, что еще не время, и мне следует свои изыскания продолжать без его советов и комментариев, невзирая на состояние…

«Воля народа 34»

Разговор шел на английском языке. Для понимания его сути, как оказалось, мне совершенно не требовалось прилагать никаких усилий. Здесь, вполне возможно, сыграли определенную роль мои первичные знания, полученные еще в школе и университете. Но, скорее всего, в них нужды не было вовсе, я просто считывал информацию с ведущих беседу мужчин уже не посредством передачи ее через речевой аппарат, а прямо из окружающего их беспокойные ауры пространства.

Во время моих последних визитов в кабинеты власть имущих государственных мужей Украины регулярно упоминалось влияние на политику и экономику государства определенной сверхдержавы. Неужели дело так и обстоит? Этот пробел в моих знаниях необходимо было срочно заполнить. Поэтому, вспомнив знакомца с десятилетним стажем из прежней жизни Илью Возникова, который, сколько я его знал, особо ретиво работал в этом направлении, отправился прямиком в офис его общественной организации «Воля народа 34» и попал непосредственно на сие многое мне объяснившее, оригинальное совещание.

Илья сидел с изрядно недовольным видом в массивном кресле, оббитом коричневой кожей, в позе мыслителя за своим рабочим столом. Вертел в руке шариковую ручку и изредка что-то черкал на листе бумаги. Напротив него в креслах для посетителей расположились двое визитеров и весьма настойчиво проводили свою линию. Возников бросал короткие взгляды поочередно на обоих исподлобья, иногда мрачно и немногословно комментировал их риторику. Я устроился прямо на столе по правую руку от него и с интересом принялся вникать в беседу.

— Ситуация в вашей стране ухудшается с каждым месяцем. Так дальше продолжаться не может! С этим перманентным сползанием в пропасть нужно что-то делать. Бесконечные дискуссии об экономическом и политическом кризисе, а также антикризисных решениях проблем ни на йоту не улучшают складывающуюся ситуацию. Украина как самостоятельный Проект балансирует на краю гибели, все норовя сорваться в никуда. Наши эксперты прогнозируют для Украины дефолт в недалеком будущем. Как экономический, так и политический. А в это страшное время ваши политические элиты все больше напоминают шаманов, которые силой заклинаний в виде воплей с экранов телевидения хотят остановить это падение. Они не

понимают, что потеряно слишком много времени — счет идет не на месяцы, а на годы. И лимит, отпущенный на пустопорожние перебранки в идиотских телевизионных шоу с их участием в качестве балаганных клоунов, уже вышел. — Эта проникновенная речь грузного мужчины в возрасте с пышными седыми усами адресовалась непосредственно моему старому знакомому Илье Возникову.

— Совершенно верно, Алан! Целых четыре с лишним года потрачено на бессмысленные междоусобные распри! Никакого конструктива, никакого прогресса, все усилия и материальные ресурсы растрачены только на борьбу между собой, — поддержал его мужчина лет тридцати пяти в клетчатом пиджаке. Он выгодно отличался от своего коллеги не только возрастом, но и прекрасной атлетической фигурой. Его звали Стивен. — Не согласен я только с тем, что они не понимают всю серьезность положения. Все они понимают! О дефолте проговорился только один крупный чиновник и то сразу же заткнулся. А остальные…

— Заткнули его, — буркнул Илья.

— А остальные скромно молчат, не желая разогревать нарастающие в народе панические настроения. Значит, понимают, к чему все идет, — продолжал Стивен, никак не реагируя на ремарку Возникова. — Но от этого проблема не исчезает. Угроза краха висит над страной и с этим нужно как-то бороться. Без решительных действий ничего само собой не рассосется. Это глупая позиция страуса. Она никого и никогда не спасала. Нас-то это как-то не особо печет, затрагивает постольку-поскольку. Мы не граждане этого государства и, слава Богу, никогда ими не будем. Но от преодоления сложившегося катастрофического положения дел напрямую зависят ближайшие перспективы ваших нынешних элит, в которые, в свою очередь, вложены наши деньги. Огромные бюджетные средства нашего государства и не только государства… — Стивен широко развел руками, изображая кубометры денежных знаков.

— Илько, не об этом речь, — подхватил Алан. — Я думаю, ты все понимаешь. И денег, безусловно, жалко, и столько лет нашей совместной кропотливой работы пойдут коту под хвост. Но я предлагаю взглянуть на эту проблему в другой плоскости. Как мы с тобой обычно это и делали. Любое мероприятие должно быть выгодно всем участникам. Это однозначный залог успеха. А здесь наши интересы, в очередной раз, совпадают на сто процентов. От принятых или не принятых сейчас решений зависит будущее вашей Украины. Эти политики то ли понимают, то ли не понимают текущий момент, я не берусь однозначно ответить на этот вопрос, но сделать какие-то реальные шаги к оздоровлению

ситуации им просто уже не по силам. Если бы могли — сделали бы раньше. У них было целых четыре года. И, по сути, сегодняшняя власть решает для себя иную задачу — как сохранить статус-кво в ситуации полного краха экономики и развала страны.

— Отсюда и происходит бесконечное шулерское передергивание с расстановкой политических фигур в кругах власти, что можно проще назвать игрой в “мафию”. Или, если угодно, именовать вещи юридическими терминами: «в коалицию», — поймал взгляд Ильи и подмигнул ему Стивен. Возников вяло и раздраженно моргнул в ответ.

— Да, — согласился усатый, — игра идет в более ловкого машиниста тепловоза: кто успеет вовремя выпрыгнуть из летящего под откос поезда, а затем первым сумеет убедительно обвинить в крушении состава другого рулевого, из тех, кто регулярно толчется в машинном отделении. Илько, они, глубоко заблуждаясь, думают, что от победы в этой глупой игре будет зависеть, кто поведет новый украинский поезд дальше.

— Нельзя ли обойтись без этих метафор, Алан? — перебил усатого Илья, не особо заботясь о приличиях. — Мы знакомы больше десяти лет. Прошли огонь, воду и медные трубы! Развивай тему. Тут все понятно. Национальная украинская политическая игра: поиски крайнего. Идет по крупному. Ставки высокие. Никто им оказаться, естественно, не хочет, а жаждет отвести эту роль другому. Дальше?

— Заниматься надо совсем не этим, — опередил с ответом своего коллегу Стивен. — Сидеть и созерцать происходящее уже нет ни сил, ни желания, ни возможности, ни времени. Так можно дотянуть до окончательного проигрыша в этой партии. А потом уже все…

— «Заниматься надо не этим». Я это и сам понимаю, — насмешливо передразнил Возников. — А вот только кому этим «не тем» заниматься? И чем именно?

— Надо подумать о том, что ждет страну в ближайшем будущем. Для начала досконально проанализировать все возможные варианты, — вкрадчиво донес свою позицию Алан. — Их, кстати, не так много.

— Вы, наверное, уже проанализировали. У вас штат аналитиков громадный! Слушаю внимательно, — Возников сделал приглашающий жест рукой. — Излагайте.

— Отправная точка для предотвращения экономического кризиса, который автоматически тянет за собой и политический, как ты, Илько, прекрасно понимаешь, это наличие денег, — хорошо поставленным голосом профессионального лектора начал

Алан. — Их в Украине в настоящий момент нет. Идет тотальное обесценивание всех ваших активов — процесс в самом разгаре. У украинского государственного руководства есть только один действенный путь для спасения экономики — создать правовое поле, благодаря которому можно привлечь на нормальных условиях в страну иностранный капитал. Причем, это надо исполнить срочно. Иначе спасти уже не удастся ничего. И для нас это и есть самый серьезный вопрос: если развитие событий пойдет по такому сценарию — какой именно капитал придет в Украину? Все нынешние инвесторы, забирая что еще могут, мягко говоря, от вас уходят…

— Спасайся, кто может, — иронично резюмировал Илья. — Проблемы утопающих дело рук самих утопающих!

— Вот. — Алан был профессионалом, и сбить его с мысли не смогли бы не только едкие замечания, но и даже револьверные выстрелы, неожиданно прозвучавшие за спиной. Он, не изменяя тональности, продолжал. — Само собой разумеется, что в сложившемся в Украине инвестиционном климате очень тяжело работать по законам нормального мирового рынка. Поэтому и происходит вполне объяснимый массовый отток иностранного капитала, который здесь был. Наши аналитики просчитали, что с большой долей вероятности можно ожидать прихода в ближайшее время в вашу страну крупного русского капитала. Москву вряд ли остановят проблемы со своей экономикой, скачущие цены на нефть и газ. Ваши народы исконно братские, и Кремль пойдет на помощь украинскому народу, дабы улучшить пошатнувшиеся за последние годы отношения, как ни прилагали и ни прилагаем мы обратные усилия. Рвать по живому тяжело: россияне и украинцы — выходцы из одного корня. Их очень многое объединяет. Большая часть страны говорит и думает по-русски. А то, что мы с таким трудом привели у вас тут к власти, неспособно ни на… — усатый недоговорил и с досадой махнул рукой.

— Вы тоже хороши! Наобещали и кинули практически без поддержки! — зло возразил Возников. — НАТО, и это уже наглядно видно, не желает и не будет портить отношения с Россией из-за Украины. Обещанное подписание плана действий по членству в который раз отложили на неопределенный срок. Европейский союз, вообще, как ни крути, всерьез не воспринимает нашу страну, одни пустые разговоры, а Москва не упустит таких шансов по привлечению Украины к сотрудничеству в рамках евразийского регионального образования. Москали никогда не смирятся с потерей украинских земель! — излишне желчно, на мой взгляд, прокомментировал Илья. Такой агрессии я за ним как-то раньше не замечал. Впрочем, наше общение было

всегда в формате публичности и официоза. Тут же этому тону последовало ранее неизвестное мне разъяснение.

— «Любишь» ты Россию, Илько! Всем сердцем! — засмеялся Стивен. — Ой, как «любишь!»

— Я же из Тернополя, — просто пояснил Возников. — Ненависть к Кремлю впитал с молоком матери. Нас так воспитали. Поэтому я и мои люди с вами.

— Мы знаем это и ценим, Илько. — Алан склонился над столом и похлопал Возникова по плечу. — Ты настоящий патриот Украины!

— Я и сам это знаю, — глухо согласился Илья.

— К сожалению, таких людей у вас в стране крайне мало, — с пониманием кивнул Стивен.

— Ты пойми, Илько, — вернул разговор в деловое русло Алан. — Не все происходит сразу. И не всегда так, как хотелось бы. Хотя мы привели к власти людей, которые делают все возможное, чтобы Украина вошла в НАТО, но есть объективные причины, по которым мы волюнтариски это сделать пока не можем. Нельзя открыто продавливать идеи, которые поддерживает небольшое количество граждан страны, тем более, делать это вместе с лидером, за которого на сегодняшний день два-три процента населения. Да еще и не учитывать внешние геополитические факторы. Это утопия. И закончится такое начинание плохо. Для всех. И для вас и для нас. Хотя мыслишь ты в правильном направлении. Копнуть только стоит глубже. Без эмоций. Кремль, конечно же, хочет, чтобы нормализовались отношения между Украиной и Россией. Их сложившаяся ситуация явно не устраивает. Ведь нами проделана колоссальная работа. Как мы сумели нарушить вековые устои и отмежевать украинцев от русских? Сколько конфликтных вопросов разыскали в анналах истории, вытащили на поверхность и придали им соответствующую окраску? Как сумели раздуть эти мелкие искры и распалить костер ненависти, о котором давным-давно здесь стоило, по-хорошему, забыть?

— Да, потрудились на славу, — согласился Илья.

— И это уже наша грандиозная победа. Не стоит об этом забывать, — веско заметил Алан. — Но самое парадоксальное, что на сегодняшний день главная проблема Москвы в достижении этой цели — не политика поставленного нами руководства со сверхидеей НАТО и национального шовинизма, а в том же, в чем и у нас. Им и нам предстоит преодолевать одну и ту же проблему. Каждому со своей стороны, разумеется. Мы пытались сделать украинский капитализм согласно нашим стандартам, а получилось однобокое корпоративное государство.

— Что ты хочешь этим сказать? — не понял Возников.

— Давай, Илько, об этом аспекте проблемы лучше я расскажу, — завладел вниманием Стивен, сделав знак Алану. — Основная беда Украины на настоящий момент состоит в том, что вся политическая и экономическая власть в вашей стране сконцентрировалась в руках нуворишей. Ваша политическая элита, в большинстве своем состоящая из олигархов, не способна выработать нормальную стратегию развития страны. Ни конкурентоспособную, ни даже просто рациональную. Все они исходят только из своих корыстных интересов.

Им очень непросто, а, скорее всего, невозможно, понять одну простую вещь. Для того, чтобы нормально в перспективе жить (лично им, власть и деньги имущим) надо строить сильное государство и, что особенно «неприятно» — просто необходимо отдавать часть средств обществу, в котором они живут и правят. А не забирать, что им присуще, себе все до последней крохи. Они не могут заглянуть в будущее даже на какой-то весьма незначительный срок и оценить перспективы Украины в целом. Прорвавшись к рулю управления государством, они ведут себя, как капитаны без малейших навыков в судовождении. Первым делом они, недолго думая, сконцентрировали в своих руках не только все отрасли экономики, но и законодательную, и исполнительную, и судебную ветви власти. Получилась глупая самопожирающаяся олигархическая монополия.

Сегодня они сами себе формируют заказ на политику, которую вся ваша страна, да и весь мир, наблюдает уже несколько лет. Сейчас этот театр абсурда достиг своего апогея и предстал перед всеми нами во всей красе.

Элита изначально определила корпоративный формат государства Украина. Так проще и понятней. А преимущества для них вообще налицо. Еще бы: страна в безраздельном владении. Четыре-пять бизнес-групп правят абсолютно всем. Государство Украина стало корпорацией. А корпорации, как общеизвестно, недолговечны. Она может обанкротиться, ее могут продать, разделить на составные части. И в каждом таком случае как проект независимой Украины закончится.

В корпоративной стране основная составляющая от корпорации, а не от государства. Корпоративность убивает институт самостоятельной государственности, она и не дает правящим кругам быть единым целым со своим народом. Нет цементирующей силы, которая составляет основную базу независимости. Полный отказ от необходимых стране реформ, в частности, реформ судебной системы, которые могли бы обеспечить формирование устойчивой конструкции

государственности, и есть политический заказ правящих олигархических элит сегодняшнего дня.

Нет основного понимания, что процветание коммерческой составляющей каждого политика-бизнесмена Украины напрямую зависит от того, как будет развиваться это государство в целом. Не прослеживается даже тени этого понимания ни в экономической сфере, ни в политике государственных мужей. И то и другое настойчиво делается вопреки интересам всего народа Украины. Ваш сегодняшний политикум не просто террариум. Это змея, жалящая себя из-за ожирения и безнаказанности за хвост.

— Если я правильно тебя понял, ты хочешь сказать, — Илья почесал переносицу, — что украинским политикам-олигархам для того, чтобы удержать в своих руках власть, необходимо, как минимум, поделиться экономическим ресурсом страны со своим народом?

— Да, — энергично закивал Стивен. — Но этого крайне мало. Делать надо не только это. Еще…

— Вот это одно уже полная фантастика, — перебил его Возников с кривой усмешкой. — Как сказал Наполеон: «Достаточно одной причины!» Это уже нереально!

— В противном случае сюда войдет крупный иностранный капитал и это будет полный провал не только выстраданной концепции построения национального капитализма и национальных интересов. Это будет окончательное фиаско нашего Проекта «государство Украина», над которым мы столько лет трудились сообща, — мягко, но в тоже время безапелляционно заявил Алан. — Все вернется на круги своя.

— ???

— Все просто, — не повышая голоса, продолжил усатый. — Сегодняшняя политическая реальность демонстрирует, что ваши лидеры не способны разделить сферы влияния. Как ни обидно, но это им не дано. Они ведут бесконечную борьбу за власть в абсолюте. В их способности договориться мы, как и народ Украины, и весь мир, уже разуверились. Приходится смириться с этим плачевным фактом. Из этой ситуации у них всего два выхода. Первый. Уничтожить оппонентов политически. Что они и пытаются последние годы сделать. Пока безуспешно. Происходит имиджевое взаимоуничтожение, которое неизбежно закончится для всех сил, участвующих в этом процессе, концом политической деятельности. И второй путь. Радикальный. Захватить власть и установить диктатуру. Но единоличная власть в лице сильного президента, например, возможна только в случае отказа от корпоративных договоренностей с коллегами олигархами. И привлечения на свою сторону большей части народа Украины, что

возможно сделать только с помощью передела ресурса страны в пользу простых людей. Как раз последнее, и тут ты, Илько, совершенно прав, никому из сегодняшних лидеров и не по силам. Все они увязли по уши в коррупционных схемах, связях с крупными финансовыми воротилами и обременены финансовыми обязательствами. Содержание и реклама партийных аппаратов стоит огромных денег. У всех этих политических сил напрочь отсутствует свобода маневра.

— Я бы сказал несколько иначе, — не давая Илье вставить слово, быстро перехватил инициативу Стивен. — Есть два сценария развития для Проекта «Украина». Глобальных. Первый: они таки договорятся. То есть, рано или поздно, будет создано некое объединение (коалиция) на основе существующих политических сил. Причем, формат ее может быть совершенно произвольный — идеологией там ни у кого и не пахнет. В этом случае разруха в Украине будет продолжаться, поскольку мы уже четко понимаем, что эти политические силы не будут ущемлять украинских капиталистов (которые их же финансируют) ради интересов страны в целом. А затем, ввиду отсутствия другого выхода, примется их исполнительным органом коллективное решение уйти под иностранный экономический контроль. То есть, контрольный пакет акций по промышленности и земельным активам перейдет в руки российского капитала. А дальше дело техники. За экономикой, не мешкая, придет политика. И для нас Украина будет потеряна. Может быть, даже навсегда. Наш Проект закончится ничем. Из этой страны нас просто вышвырнут.

— А второй сценарий? Революционный? — предположил Возников. — С проламыванием черепов?

— Да, ты, как обычно, правильно мыслишь, — подтвердил Стивен, не удержавшись, чтобы ни польстить. — Это радикальный сценарий. И он спасительный для Украины как Проекта. Нашего Проекта. Экономический упадок станет автоматически политическим кризисом для правящих элит всех без исключения партий. Для многих — абсолютным крахом и путем в небытие. Здесь начнутся бунты, мародерство, грабежи, акты гражданского неповиновения, рядовая преступность вырастет в геометрической прогрессии. Коммунистический лозунг «экспроприируй экспроприаторов», на мой взгляд, близок сердцу многих украинцев. Вспомнится ваш национальный герой батько Махно, и анархия неизбежно выплеснется на улицы. А поводов для этого уже сейчас предостаточно. Предреволюционная ситуация уже налицо. Такой расклад крайне благоприятен для появления новых партий и новых лидеров. Пока в коридорах официальной власти будут торговаться и решать, с кем дальше дружить, а кого

ненавидеть, в подворотнях стремительно зародятся новые радикальные и жесткие силы. Они по сути своей будут ближе и понятней народу Украины. Вполне вероятно, что тут же появится и кандидат в авторитарные лидеры. Кто он будет, если самим его не создать, просчитать невозможно. Но он, наверняка, пойдет к вершинам власти по варианту «сильной руки». Добиться ему этого будет непросто. Для этого надо будет полностью разогнать дискредитированные в глазах народа Украины старые элиты, сплотить в организацию и возглавить новые. Такое можно сделать, только опираясь на серьезные организационные и коммуникационные ресурсы. Ну и материальная база, само собой, должна соответствовать. Впрочем, это уже технологии. Главное. Такой сценарий теоретически может закончиться, если говорить абстрактно, довольно печально: не только приходом сильного лидера и установлением диктатуры, но и децентрализацией страны и потерей ряда территорий. Более вероятно, что после этих потрясений будет создана новая партийная система, а старые элиты местами рассеются, местами поменяют цвет. Но в любом раскладе, что бы ни произошло в этом случае с Украиной, нам такой сценарий развития гораздо выгодней…

— То есть, суть всех ваших выкладок сводится… Вы что, собираетесь готовить в качестве запасного варианта для спасения Проекта «Украина» второй озвученный сценарий? — прозрел Илья. Он сделал жест рукой, обозначающий дальние дали. — А там об этой вашей идее знают?

— Там, Илько, — Алан иронично скопировал жест Возникова, — сейчас не до нас. И не до вас. Так что ты подумай.

— Подумаю. Обязательно подумаю. К тому же есть над чем, — Илья, переваривая полученную информацию, дабы не молчать, спросил. — Почему вы все время мою страну называете Проектом?

— Привычка, мы же работали по такой или подобным схемам во многих странах мира. Тебе-то это известно. Везде называли Проектом, — просто ответил усатый. — А я вот все хочу спросить, Илько, почему твоя общественная организация «Воля народа» имеет порядковый номер тридцать четыре? Это что, какое-то магическое число?

Алан и Стивен обменялись понимающими взглядами: «Основная мысль донесена, теперь можно переходить к вольному трепу на отвлеченные темы. Возников — парень грамотный, сам все проанализирует, а во время следующей встречи уже предложит готовые наработки. Их нужно будет вогнать в уже разработанный план мероприятий и начинать действовать».

— Это во время войны танк был Т-34. Наш Илько хотел

сказать, что воля его народа несокрушима, как лучший танк Второй мировой войны, — высказал предположение Стивен.

— Все проще. Ни к каким танкам это отношения не имеет. Организаций с названием «Воля народа» зарегистрировано неимоверное количество. Очень много у нас людей, которые желают исполнять волю народа Украины, — просто пояснил Возников. — Выражение: «Где два украинца там три гетмана!» слышали?

— Слышали, — закивали с легкими усмешками оба посетителя.

— А с одинаковыми названиями бренда, само собой разумеется, не зарегистрируешься. Вот я и заложился на тридцать организаций с таким названием, чтобы не переделывать десять раз учредительные документы. «Воля народа 34». Чем плохо? По-моему, звучит очень хорошо. Я бы, конечно, мог назвать организацию «Воля народа ИВ», но это было бы несколько нескромно, — с удовольствием разъяснил Илья, тоже правильно оценив маневр Алана с изменением темы разговора.

— А что такое ИВ? — не понял Стивен.

— Илько Возников, — подсказал первым сообразивший Алан.

— Аааааа, — протянул Стивен, продолжая улыбаться, принялся развивать фривольную тему. — Насчет гетманов и украинцев это в самую точку. Народная мудрость она всегда отображает суть явления. Во всех странах. Но есть и другая сторона вашей национальной медали. Она меня поначалу серьезно озадачила. Не догадываешься, о чем речь?

— Нет.

— Здесь совершенно невозможно работать. Твоя нация, Илько, абсолютно самодостаточная. Вы четыре века просидели в центре Европы в ожидании чуда. Под названием: независимость и демократия. В моей интерпретации, естественно. Это самое чудо на вас свалилось…

— С вашей помощью… — неприминул вставить Возников.

— Только нашей явно было бы не достаточно. Еще и с Божьей. Бог просто не выдержал такого наплевательского отношения и пошел на должностное преступление — совершил для вашего народа чудо, которого вы абсолютно не заслуживаете.

— А вы теперь вместо того, чтобы воспользоваться этим даром и засучив рукава, работать в поте лица на будущее страны и своих детей, внуков, сидите и ждете бонусов в виде дождичка из зеленых бумажек с лицами президентов Америки. По-философски лениво обратив свои взоры к небу: когда же, мол, выпадут эти осадки? Пятый год сидим, ждем. Еще и обижаетесь, что так долго нет на этой земле процветания и благополучия, — лукаво

добавил Алан.

— Не понял, уж не вы ли отбирали кандидатуры новых лидеров Украины? — парировал Возников. — Чему теперь удивляетесь?

— Ты прав, наша установка была именно на этот класс людей. И по персоналиям тоже не совсем правильно определились, — не стал спорить Стивен. — Некий просчет с нашей стороны получился.

— «Мелкодумающая социальная элита выполнит свою роль!» — процитировал слова Алана Илья. — Помнишь, ты говорил?

— В какой-то мере она ее выполнила. Старое разрушено, вот только с построением нового не особо у них получается. У меня было мнение, что они с течением времени как-то сами начнут думать. Причем, не только о себе, но и о стране тоже. Ведь нельзя же до такой степени полагаться на авось и нашу помощь, — обыграл тему усатый.

— А вообще, Илько, у вас особо других людей-то и нет. Из кого выбирать? — заметил Стивен. — На кого здесь можно было поставить?

— Как это нет? Я же вас ни разу не подвел? — ощетинился Возников. — Сколько всего за эти годы…

— Ты нет, — примирительно кивнул в знак согласия Алан. — Все взятые на себя обязательства выполнил на «отлично». И ты, и твоя организация, как эта, так и все предыдущие тоже. Еще со времен легендарной «Донко». Все мы помним, Илько! И ценим тебя.

— Да, да. Давно это было. Золотое время. Водопад денег. Можно было в них купаться в натуральном смысле. Как будто и не в этой жизни. И не моей, — мечтательно протянул Возников. — Помните, как тогда за мной и моими людьми охотились и СБУ, и МВД, и прокуратура, и просто чиновники всех мастей и рангов? Отлавливали всех. Неустанно, с утра до вечера.

— Ну, вы же ездили тогда по стране с чемоданами денег. Они все до одного хотели получить свою долю, а уж никак не в интересах государства напрягались и туфли топтали, — философски констатировал Алан. — Так что кроме потери части денег вам ничего не грозило.

— Заметь, наших денег, — бестактно вставил Стивен.

— А ты заметь, что мы не просто так ездили. А решали довольно серьезные вопросы. Создавали столь необходимые прецеденты… — повернулся к нему Илья. — Кое-кому за эти дела звание досрочное обломилось.

— А кое-кто кубометр денег получил, — скорчил ироничную гримасу, переводя тему в шутку, Стивен. — А это гораздо

приятней.

— Напоминаю тем, у кого короткая память на финансовую составляющую, — менторским тоном заявил Возников. — Кубометр был выделен на все задание, а не на бонусы лично мне и моим сотрудникам. А это, как говорят у нас, две большие разницы.

— Многих из работников ты использовал втемную и особо не платил, — продолжая улыбаться, снова подковырнул его Стивен. — Заработную плату привязывал к существующим тогда в Украине тарифам, а это было меньше подаяния нищему на паперти.

— Все поставленные задачи были отработаны в полном объеме. А как распределялся выделенный мне на эту программу бюджет никого не волнует, — жестко заявил Возников. — Ни здесь, ни, тем более, там! Тебе-то какое до этого дело, Стивен?

— Да никакого, никакого. И никому, — сделал примиряющий знак Алан и пригвоздил грозным взглядом коллегу в клетчатом пиджаке к креслу. — Все было прекрасно выполнено. Бюджет потрачен по делу. Никаких замечаний, тем более, вопросов. Все довольны.

— А когда мы собирали на всех украинских чиновников того времени компромат под видом «Проекта по борьбе с коррупцией», а потом выбрасывали его в массы, тоже, по-твоему, не так тратили оговоренный заранее бюджет и ничем не рисковали? — не успокоился задетый за живое Илья. — Или ты хочешь сказать, что эти мероприятия не повлияли на победу на выборах две тысячи четвертого года?

— Повлияли, еще как повлияли! — с излишней горячностью закивал Стивен, досадуя на неправильную, как оказалось, шутку: «Хрен их поймешь, этих аборигенов! То сами скалятся по совершенно неуместным остротам, то обижаются на безобидные каламбуры!»

— А как вы сократили финансирование моей общественной организации «Воля народа 34» сразу после две тысячи четвертого года, помнишь, Стивен? — продолжал наезжать на младшего и по возрасту и по статусу посетителя Возников. — Сидели мы тогда практически без дотаций, почти на самофинансировании. Чуть не загнулись!

— Этот вопрос, Илько, не по адресу. Ни я, ни Алан, самолично деньги не выделяем… — нашелся Стивен. — Это…

— Ага. «Это». Все мне понятно. Нет дурных. Там решили, что раз привели к власти свое правительство, то уже все? Бога за бороду поймали! Пошел обратный отсчет вложенных денег? Сбор купонов? И Возников вам больше не нужен!

— Илько, мы…

— Что Илько? Что Илько? А потом? Это вам оказалось совсем не «это». Не тут-то было. Да? Здесь ваши отработанные рычаги управления не работают. Это вам Украина со своей спецификой. Как ты прибежал ко мне в две тысячи пятом с квадратными глазами после введения в силу пролоббированного вами Закона «О регистрации»? — гнул свое, набивая цену, Возников. — Что ты тогда говорил?

— Помню прекрасно. Это парадокс. Закон есть, но он почему-то не работает. Я до сих пор не понимаю, как такое может быть, — обескуражено развел руками Стивен.

— Вот. Парадокс. А здесь вся страна из сплошных парадоксов и состоит! Так что нужен вам и Илья Возников, и его организации, и многое другое. Кто вам еще объяснит это «почему-то»? Вы даже представить себе не могли, что у нас в стране закон может быть легитимно принят, проведен по всем соответствующим инстанциям, зарегистрирован в Министерстве юстиции, но абсолютно не работать, если какому-нибудь куму высокопоставленного чиновника это не выгодно. Его просто будут игнорировать те, кому вменяется в обязанности исполнять! Он де-юре есть, но его, в тоже самое время, де-факто как бы и нет.

— Странно все это, — пожал плечами Стивен.

— Это хорошо, что у нас в этой стране есть свои люди, на которых мы можем опираться во всем, — дождавшись, пока запал Возникова иссякнет, в разговор вступил Алан, до этого внимательно следивший за своим украинским сотрудником и делал из его риторики свои выводы. Одну свою догадку решил проверить тут же, не откладывая в долгий ящик. — Илько, у меня сложилось впечатление, что ты на нас за что-то обижаешься? Это так?

— С чего ты взял? — не совсем уверенно возразил Возников. — Скажешь такое тоже… За что мне на вас обижаться…

— Ладно, говори. Мы же все здесь свои, — подбодрил усатый. — К чему в себе такое держать?

— Могли бы при дележе пирога выделить какой-нибудь министерский портфель, — Илья выплеснул застарелую обиду. — А то как дошло до дела, всем сестрам по серьгам, а мне шиш с маслом.

— Зачем? — искренне удивился Стивен. — Суммарный бюджет по всем нашим совместным проектам, освоенный тобой, превосходит смешные средства, которые получают некоторые ваши министерства. К чему тебе такая засветка? Это как-то… непрофессионально.

— И такой геморрой? Говоря вашими колоритными

национальными определениями, — усмехнулся в усы Алан, хотя он больше, чем коллега в клетчатом пиджаке, за время пребывания в этой варварской стране постиг «загадочную» украинскую душу и примерно такого недовольства от Возникова и ожидал. Ответь Илья нечто иное, он бы просто подверг сомнению его искренность. А так все сходится, порядок полный и с этим парнем можно работать дальше. Он, как и раньше, абсолютно предсказуем, как и все остальные «хохлы» на связи: самолюбив, жаден и завистлив не в меру. А таких людей использовать лучше всего.

— Вы мыслите по шаблону, как и полагается сотрудникам вашего ведомства. А есть еще общечеловеческие понятия, такие как: честолюбие, тщеславие, гордость, значимость, вес в обществе, — принялся объяснять свою позицию сразу обоим собеседникам Илья. — Я пропахал на вас больше десяти лет, а официального признания в стране, как такового, у меня нет. Разве я плохо поработал? Неужели не заслужил должности какого-нибудь рядового министра?

— Ты, Илько, лучший сын своего Отечества. Заслуживаешь гораздо большего, чем просто портфель руководителя какого-то заштатного департамента. Придет время, и тебе поставят памятники по всей Украине! И должности высокие для тебя уже не за горами! Теперь все от тебя зависит. Насколько успешно сработаешь на этот раз… Награда не замедлит появиться, — с пафосом, но стараясь не перегнуть палку, молвил Алан. — А проработал ты почти полтора десятка лет совсем не зря. Результат налицо! Подобранные тобой в регионах и самой столице люди просто молодцы. Деловые, конкретные. За хорошие деньги готовы выполнить без тени сомнения любую задачу. Тут спору нет. Вы сделали уже много, а предстоит еще больше. За вами будущее Украины. Вы — ее верные сыновья… А вот остальной народ у вас… — Алан изменил интонацию и скривился, словно от горькой пилюли. — Как бы это так помягче выразиться, чтобы не обидеть… Довольно сложно нам с ними работать…

— Украинская биомасса непростая. На том и стоим, — хмыкнул, довольный похвалой и нарисованными перспективами Возников. — За это вы нам и деньги платите.

— Ну, Илько, деньги деньгами, а идейность идейностью, — для порядка поправил его Алан. — Настоящих патриотов надо снабжать довольствием! Иначе как же им совершать свои подвиги?

— Я это и имел в виду! — кивнул Возников.

— Ну, вас-то в массе своей украинцы тоже не особо понимают

и любят. — Утомленный длительным вынужденным молчанием, вступил в разговор Стивен. — Деловые практичные люди в глазах рядовых хохлов это озабоченные меркантильные козлы, с напрочь отсутствующей духовной составляющей. Основной процент населения живет в ожидании чуда. Хотят прожить жизнь так, чтоб не делать никаких лишних телодвижений, а все появлялось у них само собой: еда, питье, одежда, иномарки, новые квартиры, дачи. Вокруг без всякого их участия появляются сети супермаркетов, строятся заводы и фабрики, развиваются технологии, растет изобилие товаров. А они просто сидят в режиме созерцания и ждут. И ни малейших усилий не прилагают…

— Ты гимн их переводил? Жизненная позиция нации определена четко, — перебил его Алан. — Помнишь строчку: «Сгинут враги, как роса на солнце, а мы в стороне заживем хорошо»?

— Это как понимать?

— Очень просто. Все недруги рассосутся как-то сами по себе, а потом так же, не прилагая никаких усилий, заживут украинцы хорошо, сытно и вольготно где-то в стороне от проблем, забот и прочих неприятностей, которые любой другой народ вынужден постоянно преодолевать.

— Такой аналог на земном шаре есть. Это понимание мира чем-то смахивает на буддизм, — сделал свой вывод Стивен.

— Во-во, в каждом украинском доме живут монахи покруче, в такую глубокую медитацию уходят… Хрен их выколупаешь потом из этой нирваны, — согласился Возников, возвращаясь из созерцания своего великого будущего на грешную землю.

— Любое реальное действие, выполненное кем бы то ни было по ходу жизни, расценивается украинцами как откровенный выпендреж и непонимание тонкой стороны вселенной, — принялся развивать тему Стивен. — Какого, мол, вы лезете в мировую историю, что-то там придумываете, изобретаете, продуцируете? Вы, неугомонные ущербные народы — англичане, американцы, русские, итальянцы, немцы, французы, китайцы, японцы? Оно вам надо? Проще надо быть, и все само с неба свалится. К чему напряги? Мы вас не понимаем до такой степени, что нам на вас даже плевать скучно.

— Это и есть наша великая национальная идея. Пришедшая из глубины веков, выстраданная поколениями и опробованная на практике, — усмехаясь, важно произнес Возников. — Она и помогает выжить украинцам в этом суетном мире чистогана и наживы.

— То есть, если я тебя правильно понял, ты хочешь сказать нам, Илько, что украинская душа по своей природе — это

философски настроенный инструмент? — направил его Алан.

— Да, только с одной ремаркой. Если принять твою терминологию, этот инструмент не заточенный, а целенаправленно затупленный. Проще: рядовой украинец не приемлет никаких великогосударственных идей, не терпит резких движений, целеустремленных действий, стратегического развития, не следит за ходом нордических мыслей. Упаси Господь! Его внутренний мир, как правильно говорит Стивен, это ожидание сказки. И она периодически в Украину приходит…

— Ты нас имеешь в виду? — хмыкнул Стивен.

— Или наши деньги? — добавил усатый.

— Вот это в точку, Алан, — торжественно согласился Илья. — Сами по себе вы тысячу лет не нужны украинцам с вашими идеями, демократиями, моральными ценностями. Не то все это! А вот ваша валюта, которая сегодня в ходу, это, действительно, то, что народу Украины искренне нравится. Это совсем другое дело! Но соблазнить на труд, даже за нормальные деньги, вы можете крайне немногих, сами убедились. Почему? Объясню. Нормальный среднестатистический украинец — это центр вселенной, которому все остальные и так обязаны. Он не просто ожидает чуда, он искренне уверен, что чуда заслуживает уже по факту своего рождения.

— Украинцы — это абсолютно реализованная, эстетически совершенная и гармонично развитая нация, — с видимым усилием на лице, вспомнив, проговорил Алан.

— Вот! Наконец-то! До тебя дошло. Во! — глубокомысленно и с одобрением показал отогнутый от кулака большой палец Возников. — Красиво сказал. Только чересчур напыщенно.

— Это не я, это цитата, — скромно признался усатый.

— Чья? Гоголя? — попробовал угадать Илья.

— Тебе, как истинному патриоту украинцу, простительно таких личностей и не знать. Это Иван Бунин. Русский писатель, — просветил Алан.

— Москаль! — весело оскалился Стивен. — Вражина!

— Не знал, что вас там еще заставляют на факультативных занятиях цитаты об украинцах запоминать, — заметно сконфузился Илья.

— О, Илько, чему нас там только не обучают, — многозначительным и в тоже время заговорщицким тоном сообщил Стивен. — Всего не упомнить и не перечислить.

— Обучают, обучают. Да все не тому. Украинскую душу за столько лет вы так и не поняли. Умники хреновы! — недовольно проворчал Возников, но тут же напустил на себя деловитый вид и излил свою доктрину в монологе:

— Украинцы это не просто народ, ожидающий манны небесной, как вам кажется. Суть его гораздо глубже. Она в том, что украинцы уже сами по себе и есть чудо! Нам не нужно ничего и никогда создавать, мы сами уже абсолютно совершенные идеальные создания. И ни в каких трансформациях не нуждаемся.

Украинцы — это самый пик развития человеческой расы. Мы можем только походя и свысока помогать другим народам. Раз уж вы такие грамотные после обучения в своих специальных подготовительных центрах, то прекрасно знаете из мировой истории все многочисленные факты, подтверждающие мою следующую посылку.

Украинские писатели, поэты, художники, актеры, режиссеры, ученые, полководцы, политики, умельцы, священники, инженеры, изобретатели, певцы разъезжают по всем странам мира и совершенствуют другие народы. Они даже признают себя русскими, американцами, турками, поляками, французами, англичанами, немцами, китайцами — словом, кем угодно из чувства сострадания ко всем другим нациям. Эти народы ведь тоже хотят проникнуться гордостью за свои страны? А как же это возможно без украинцев? Вот и приходится помогать! Причем, абсолютно бескорыстно.

Так что Украина своим терпеливым ожиданием наполняет все страны мира эксклюзивными сказочными чудесами, бесконечно разбазаривая свои уникальные таланты.

А здесь проживают из поколения в поколение монахи с невероятным запасом терпения. Они готовы ко всему, потому что им ничего не интересно! Этот народ нельзя захватить силой, купить, разменять или стереть с карты истории. Он просто неприемлет факторы любой агрессии со стороны. Жизнь людей на этой земле вне событий и времени. Она не протекает и, вообще, не происходит. Эта страна не напрягает себя тем, чтобы с кем-то спорить и что-то доказывать. Она сама себе задает вопросы и отвечает именно то, что хочет услышать. Ничто другое ее не интересует. Никакие иные мнения, учения, суждения не воспринимаются. Так повелось испокон веков и так будет во все времена. Аминь.

Слушавшие абсолютно серьезно в начале тирады к ее завершению Алан и Стивен уже откровенно улыбались.

— Талантливо сказал! — похвалил усатый. — Я себе законспектирую и обязательно выучу наизусть.

— Никак не могу привыкнуть к этому чувству юмора, — фыркнул Стивен. — Мне, Илько, тоже как-то надо записать: над чем тут у вас можно потешаться, а на какие темы наложено табу.

Я не удержался и отпустил этому доморощенному «таланту» символического «леща». То есть, резко провел своей нематериальной рукой через его голову от затылка, обозначая затрещину.

Натужно взлетел со стола и покинул кабинет во вполне определенном направлении. Несмотря на раздирающие мою оболочку боли, незамедлительно направился к сформировавшейся в процессе этого разговора цели.

Путь мой лежал к одному из самых загадочных и секретных учреждений Украины, располагающемуся в огромном помпезном здании в центральной части Киева. Кстати, я давно хотел там побывать. За этими дверьми, которые хранят тайны, скрытые от непосвященных людей не только семью печатями.

Здесь должны беречь Украину не только из патриотических побуждений, но и из чувства профессионального долга и исходя из принятой государственной присяги. Кому как ни защитникам безопасности государства должно быть небезынтересно, что, как и почему происходит в стране.

Удельная безопасность

Двери высотой более чем в два человеческих роста я преодолел без проблем. Даже не помешали толстые бронированные листы, зашитые между накладными деревянными панелями. Прошел их насквозь запросто, как раскаленный нож сквозь сливочное масло. Очутился в просторном прохладном парадном. Рядом с дверью находился небольшой аквариум пропускного пункта. В нем никого не было. Зато рядом ковырялся в носу молодой черноволосый прапорщик в форме при табельном оружии. Это, по всей вероятности, был дежурный. Если бы он меня видел, то потребовал пропуск и уж наверняка перестал бы извлекать из ноздрей «полезные ископаемые».

Немного дальше располагались массивные и широкие мраморные ступени, которые вели к лифтам, а уже оттуда — в загадочные коридоры главной украинской спецслужбы. Туда, в святая святых, где хранятся государственные тайны и ведется неустанная борьба за безопасность державы.

Я оглядел это просторное помещение сразу за входными дверьми и живо представил себе картинку, которую мне описывал один очевидец. Зима две тысячи четвертого — две тысячи пятого года. СБУ работает только в качестве нейтральных статистов-наблюдателей. В процесс борьбы за власть структура официально не вмешивается. Посему весь кадровый состав сидит за запертыми дверьми учреждения в автономном режиме, предоставленный сам себе.

А забаррикадированный вход (и это, похоже, было именно здесь) охраняют похожие свой экипировкой на роботов-космонавтов-пришельцев легендарные бойцы специального подразделения СБУ «Альфа». Той самой грозной «Альфы», которая пять лет подряд выигрывала профильные соревнования у коллег на международных слетах.

Что они, лучшие из лучших, поняли в эти непростые для Украины зимние месяцы смены власти? Наверняка, многое.

И интересно, где теперь, спустя четыре года, эти парни? Разбрелись в большинстве своем на вольные хлеба, вероятно. Кто-то из них сделал карьеру, кто-то пошел охранять банки и фирмы, кто-то создал свой бизнес, кто-то водит в английскую спецшколу и назад детей олигархов, изображая телохранителей, кто-то перепрофилировался в киллеры.

Я еще раз окинул взглядом холл и, не обременяя себя лестничными переходами, пролетел прямо через железобетонные плиты перекрытий. Оказался в рабочем кабинете, судя по всему,

оперативных сотрудников. Комната средних размеров была меблирована как офис средней руки: два стола, на каждом по компьютеру, два кресла, книжный шкаф с папками бумаг, два сейфа. На окне жалюзи. Три стула для посетителей. Еще на одном из столов прикрученная со стороны этих самых стульев камера. На тот случай, если вместо обычных посетителей здесь окажутся задержанные, догадался я самостоятельно, записывать допросы.

Две переполненные окурками пепельницы и дым, висящий в воздухе легко осязаемыми хлопьями, дополняли полную картину рабочей атмосферы. В комнате находился молодой опер, и, как я понял, у него была по графику физкультурная пятиминутка. Интуитивно примостился в углу на сейф, подальше от офицера, хотя и понимал, что мне в силу качественного состояния его «зарядка» ничем не угрожает.

Лейтенант Никита Карпов в одиночестве совершал замысловатые перемещения по кабинету. Семенил ногами, резко выпрямлял корпус, совершал руками хватательные движения. Наносил короткие боксерские «тройки» и «двойки», рассекая воздух. Остановившись, вращал головой, пытаясь добиться хруста шейных позвонков, одновременно совершая асимметричные круговые движения руками. Приседал на одной ноге и резко выпрыгивал, стараясь выстрелить свое тело как можно выше и дальше. В среде спортсменов-единоборцев это упражнение называется «блоха». Служит оно для развития и укрепления икроножных и берцовых мышц. Иногда Никита замирал на мгновение, а спустя секунду наносил невидимому противнику серию ударов руками или бил ногой в верхнюю часть дверной коробки, стараясь не повредить косяк. Становился в боевую стойку напротив зеркала и, перманентно ускоряясь, наносил отработанные до автоматизма удары. Затем выбрасывал на выдохе в направлении стекла ногу, целясь в голову мнимому сопернику, и старательно удерживал ее в максимально высоком положении до тех пор, пока мышцы не начинали нестерпимо ныть.

В кабинет неслышно зашел капитан Виктор Серегин и несколько секунд наблюдал за занятием своего напарника:

— Да-да, в молодости я тоже не мог спокойно находиться один на один с зеркалом. Магическое стекло не может оставить к себе равнодушным даже самого отчаянного опера.

— Это «бой с тенью», капитан. Объясняю для тех, кто на бронепоезде, — смутившись самую малость, парировал Карпов.

— Скорее, это похоже на «ката» в исполнении затраханного в доску лейтенанта-оперативника Карпова.

— Так оно, собственно говоря, и есть. Не успели дело с

ювелиром закрыть, как полковник нам новый подарочек подбросил. — Никита в изнеможении рухнул в свое кресло и потянулся к пачке с сигаретами. — Когда мы с тобой, наконец, выспимся?

— Со мной? — хмыкнул Серегин и сел за стол.

— Витя, перестань прикалываться. Третьи сутки пошли, и все на кофе…

— С коньяком, заметь. А это очень стимулирует работу сердечной мышцы. Таким макаром можно неделю протянуть.

— А также голову набивает ватой, а глаза песком. Веки тяжелеют с каждой минутой. Кофе с коньяком — демоническое варево. А ты, кстати, чего такой веселый вернулся? Хороших новостей набрался по дороге? На фоне общей дерьмовости они были бы очень кстати.

— Для начала расскажу о забавных. Это разные вещи. Ты еще не слышал, что сегодня Егоров выкинул? — Капитан закурил и откинулся на спинку кресла.

— Какой Егоров? Костя? Из «наркоманского» отдела?

— Да, он, Костик.

— Где это, интересно, я мог слышать? Киргиза с тобой третий день крутим — никак не раскрутим. Трудимся и трудимся, не поднимая головы, не покладая кулаков…

— Это не отговорка. Чекист всегда должен быть в курсе последних событий, происходящих рядом. Особенно в кабинете напротив. Егоров сейчас в положении еще хуже, чем мы с тобой.

— Ты считаешь, что это меня должно радовать?

— Ну зачем же так жестоко? Просто очередной прикол с этими молодыми засранцами. Понабирали балбесов прямо с улицы. Кто только у нас сейчас не работает. Докатились до ручки!

— Это намек? — сразу ощетинился Никита.

— Когда будет намек, я тебя предупрежу…

— Типа: «Вы намеки понимаете? Да, когда предупреждают, что это намек! Так вот предупреждаю — это намек!» Так?

— Раз ты хочешь, могу и так предупредить. Неужели ты себя до сих пор молодым считаешь?

— Вопрос риторический. Неважно, кем считаешь себя ты сам, главное, кем тебя считают окружающие.

— Это правильно. А ты уже обстрелянный опер. Скоро будешь варягом…

— Спасибо.

— Не за что. Слушать будешь?

— Конечно, Виктор. «Беда с этими молодыми…» Ты на этом месте остановился. А потом добавил…

— Я сказал не «беда», Никита, а прикол. Хотя ты прав, в

данном случае это одно и тоже. Сегодня утром Егоров с Васиным… Васина ты знаешь?

— Игорек? Такой лопоухий? Конь редкостный. — Никита понимающе махнул рукой с дымящейся сигаретой. — Знаю. Он, как только пришел к нам пару месяцев назад, сразу же отличился. Влюбился в кабаке в прекрасную девицу. Изъяснил ей свои чувства в стихах. Бодлер, Шекспир, Есенин, Пушкин, Ахматова, наверное… Очень романтично. Женское сердце растаяло в тот же момент. И полюбил ее Игорек за весьма недорого тут же, в туалете. Хорошо им, наверное, было… Но она оказалась еще и на редкость сентиментальной особой — в придачу к бабкам у него мобилку, удостоверение и пистолет свистнула. Вся управа на следующий день ржала до слез над этим Дон Жуаном.

— Да, это и есть тот молодой. За такие дела его раньше бы не просто выгнали, а посадили. А сейчас ничего — служит дальше! Вот времена настали. — Серегин скривил угол рта, изображая горькую усмешку, и продолжил: — Но сегодня он еще круче фортель выкинул. Их отдел уже несколько недель вел залетных «верблюдов». Наркота в наличии, фигуранты установлены, перевалочная база — квартира в центре — отслежена, все чики-пики, но покупателей нащупать никак не удается. Даже толком понять не могут — груз для столицы пришел или просто транзитный. Получили разрешение поставить квартиру на прослушку. Сегодня с утра Костик взял этого молодого Васина…

— Угораздило же… — посочувствовал Никита.

— Это как раз то слово. Наружка маякнула, что хата пустая, и они ломанулись, не мешкая, ставить микрофоны. Егоров, естественно, взял на себя более сложное — подключиться к телефону, а Васину поручил прикрепить коробку с микрофоном скотчем на крышку стола. И вот сидит Костя, попадает иглой в провод… Ты же знаешь эту систему, чтоб запись срабатывала только при снятии трубки…

— Ну, еще бы. Не с тобой ли мы в том году Хрипатому такую тему делали? — Никита возмущенно передернул плечами.

— Точно. Костик сидит, мучается, а тут сигнал по рации от наружки, что оба квартиранта возвращаются. Он едва успел все поставить, и на выходе уже поинтересовался у Васина, справился ли тот с поставленной ему задачей.

— А что там справляться? Скотчем две полосы — шесть секунд делов! — хмыкнул Никита.

— Тот так и ответил. Тут им повезло. Успели выскочить. Закрыли аккуратно дверь и спрятались на пару этажей выше. Не столкнулись с хозяевами чудом. Зато те в квартире пробыли не больше минуты. Выскочили наркокурьеры, как ошпаренные, в

машину прыг и ходу…

— Чего так?

— Все этот вопрос себе и задали. Зашли снова в квартиру, а там посередине стола прикрепленный сверху скотчем крест-накрест…

— Микрофон… — фыркнул со смехом Карпов.

— Точно. Пришлось вязать по-быстрому этих ребятишек. Чтоб не успели отсемафорить кому следует. Сейчас колют их в кабинете у Егорова. На голом месте. Концы обрублены. Егоров извелся весь.

— А Васин?

— А он тут как раз ни при чем оказался.

— ???

— Полковник раздолбон устроил только Косте. По полной, причем. Мол, ты же сам сказал на стол закрепить, вот подчиненный так и сделал. Детальней и конкретней задачи надо учиться ставить. Сказал бы: под столешницу, он бы закрепил под. А так — какая вина лейтенанта Васина? Никакой. Четкое и оперативное выполнение указания вышестоящего по должности и званию офицера. Васин молодец, сработал четко и оперативно. А ты, Егоров, ко всему еще и не проверил исполнение своего приказа…

— Это действительно прикол! — Никита захохотал во все горло.

— А я тебе что говорил? Прикол он и есть прикол. Все беды от молодых. Чтоб вы без нас делали? — бросив хитрый взгляд на Карпова, закончил повествование Серегин.

— Ладно, сторожилы, варяги, вы тоже когда-то первый раз в руках ПМ держали и, млея от собственной значимости, демонстрировали его в кабаке девочкам и корешам, взахлеб рассказывая, что скоро будет табельным оружием «тетешник», и как это круто. И на стволы бандюков ходили по первой, мандражируя до судорог в коленях. И…

— Да, да, да, — скорчил ироничную гримасу капитан. — Все верно. Все правильно. Лучше скажи, что будем делать с Киргизом? Прямых улик нет, и изворачивается он не по-детски. Твое мнение?

— Третьи сутки бьемся, — согласился Карпов. — А девочка в каком-нибудь подвале мучается… Хорошо еще если мается, а то заложники, они того — как правило, долго не живут…

— Не каркай. Девочке восемь лет. Ребенок мало что может запомнить и рассказать. Должны ж эти скоты хоть это понимать. Зачем им лишняя кровь? Будем надеяться, что отпустят.

— Рискнем: будем брать остальных при передаче денег? — с

сомнением покрутил головой лейтенант.

— Нет, конечно. У нас есть Киргиз. Надо заниматься с ним, а работать с похитителями надо только на опережение.

— И как мы будем еще с ним работать? — не понял Карпов.

— Как обычно. Никакого новаторства. Головой. Интеллектуально, но без членовредительства, — Серегин расплылся в улыбке. — Если все будет нормально, к обеду Киргиз нам всех сдаст. И девочку мы освободим уже сегодня.

— Это уже пошли хорошие новости?

— Точно так, — кивнул Серегин. — И напишет явку с повинной.

— До обеда?

— Да я думаю, уже через пару часов она у нас будет на столе.

Никита недоверчиво улыбнулся уголками губ:

— Разрешите полюбопытствовать, это все будет без… тисков, плоскогубцев, противогазов и прочих… м-м-м… средств доверительного общения?

— Абсолютно.

— Десять минут назад ты сказал, что мы не в состоянии расколоть этого быка в принципе. Что изменилось? Поделись своими замыслами. Умираю от любопытства.

— Угадывать будешь?

— Нет. Не томи, Витя. Как мы его колонем, еще и до обеда, за пару часов? Да без вспомогательного инвентаря?

Серегин сделал серьезное лицо:

— А мы его и не будем трогать, — выдержав длинную паузу и отметив, что Никита заинтригован до предела, капитан добавил: — Ты забыл одну простую вещь. Если мы не можем его колонуть, то это совсем не значит, что его не сможет расколоть никто. Это за нас сделает Тихон. Он у нас старой формации — идейный и готов нам помочь практически бесплатно. Ради девочки-заложницы. Таких людей в этом здании почти не осталось. Я с ним, кстати, уже договорился. За две бутылки коньяка. Сейчас к нему в двести третью доставят этого красавца.

— Ну, тогда Киргизу действительно хана. Тихон человек-легенда. А уж мастер, что и говорить! — Никита начал демонстративно рыться в бумажнике. — У меня на одну бутылку коньяка есть, господин капитан. Но это все. Весь мой стартовый, основной, оборотный, равно как и запасный капитал.

— Не расстраивайся, лейтенант. На вторую я уж как-нибудь найду. Но деньги, Никита, пора бы и самому зарабатывать, — по-отечески напутствовал напарника Серегин. — К тому же, если вернем сегодня девочку, родители нас отблагодарят так, что твой кошелек станет толстым как котлета. Решение этого вопроса я

беру на себя. С тобой поделюсь, а то докатишься до «альпийского нищенствования».

— Это хорошо. Хотя и разово. Погоды в благосостоянии не сделает. Как зарабатывать на хлеб насущный? Наша зарплата — копейки — на сигареты не хватает. Звание «старшего» на днях должны дать, так там надбавка и вовсе незаметной будет. Так — слезы одни, — посетовал Карпов. — Ты меня в свои темы не пускаешь…

— С каких дел? Ищи свои, — возмущенно парировал Виктор.

— «Ищи». Было бы сказано. За вами разве угонишься? Варягами. Все каналы перекрыли. За последний год от нас на гражданку ушло полторы тысячи сотрудников. Это как раз те, которые не нашли своих приработков. Ты же помнишь, я сунулся крышевать транзит нелегалов, так чуть без башки не остался, — раздраженно высказался Никита.

— Нашел куда залезть, — насмешливо ответил капитан. — Я же тебе объяснил, чья это тема! Дослужись сперва! Еще бы на наркорынок полез или в торговлю оружием… Или к газу, к бензину, к металлу. Супермен. Молоко под носом высуши сперва.

— Вот, а говоришь: «ищи», — Карпов прикурил очередную сигарету от предыдущей и зло раздавил окурок в пепельнице. — Куда ни сунься, там везде чьи-то уши уже торчат.

— Послушайте, лейтенант, поучительную историю. — Капитан также закурил следующую сигарету и вальяжно развалился в кресле. — Это произошло около пяти лет назад, когда в нашей службе еще были какие-то принципы. Был тут у нас подполковник Мишка Волков. Ему, по нашему пониманию того времени, повезло. Сорвал миллион баксов, и не за счет службы. Получил подполковник заветный чемоданчик с зелеными бумажками и решил, что хватит своей жизнью рисковать. Хорошую, кстати, вещь придумали офицеры — трактовать левый заработок «не в ущерб службе», то есть, такой доход, который получается не от продажи государственных секретов, не от согласия установить «крышу», не от оказания специфических услуг с использованием любого служебного ресурса. В те годы это все было инфамита, другими словами — не есть хорошо и достойно презрения и порицания. А вот если офицер службы исхитрился снять бабки неким седьмым или тринадцатым способом, то он молодец. Подход грамотный. Закон — хороший инструмент для тех, кто умеет им пользоваться. Нищенствовать никому неохота. С каким неподдельным восхищением и тщетно маскируемой завистью смотрели на Мишку практически все, когда он, подполковник службы, орденоносец, приехал в управление на «БМВ» последней модели за восемьдесят семь

тысяч долларов и подал рапорт об отставке. Все управление прилипло к окнам, рассматривая немецкого Росинанта. Это был символ удачливости, богатства и свободы. И отпустили Мишку на гражданку, проводив алчными взглядами в спину. Зубами клацнули, а сказать никто ничего не смог. Потому как всем, в том числе и руководству, вплоть до председателя, было хорошо известно: подполковник Волков заработал миллион долларов «не в ущерб службе». А значит, молодец и имеет теперь полное право спокойно жить в свое удовольствие.

— И что ты этим хочешь сказать? — бросил на сослуживца подозрительный взгляд лейтенант.

— Делай выводы. Правильные! Шевели мозгами. Если тогда человек исхитрился провернуть такое дело, то в наше время все гораздо проще, — назидательно разъяснил Серегин.

— Да, беспредел сейчас полный, — по-своему понял капитана Карпов. — Твори, кто на что горазд!

— Вот и я тебе об этом же толкую. Только делать надо все по уму! Тем «жирных» вокруг полно.

— Например?

— Можно, разумеется, в пополаме продвинуть такую мульку, Никита, — понизил голос капитан. — Здесь в центре, на съемной квартире объявился новый конвертационный центр, моют деньги по-черному и в больших объемах. Они пока без крыши…

— Это же тема экономического отдела? — с сомнением в голосе потупился лейтенант, который уже неделю примерялся к этой «прачечной». — Профиль не совсем наш.

— Ха, а мы что хуже? Профиль? Ты шутишь? — весело хлопнул ладонью по столу Серегин. — Или тебе деньги нужны меньше, чем «экономистам»? Завтра подкатим туда и разыграем такой спектакль…

Я не стал дослушивать премудрости выбивания денег из разных «жирных» тем, смысл и так был понятен. Поспешил отправиться в двести третью комнату. Уж больно мне хотелось посмотреть на живую легенду, опера Тихона, так же широко известного в Киеве под псевдонимом Черный майор. Я слышал об этом уникальном человеке еще раньше. Его не брали все эти «новые» веяния. Он был и остался честным и порядочным офицером. Поэтому его боялись, как огня, все, кто жаждал на чужой крови, беде и боли нажить капиталы.

Так получилось, что с задержанным Киргизом мы попали в кабинет одновременно. Он, правда, прошел в сопровождении конвоя через двери, а я попал в двести третий прямо через стену.

Вошедший выглядел дерзко. Весь. От носков дорогих туфель до коротко стриженой макушки. На покрытом ссадинами и

синяками лице застыла брезгливая усмешка. В глазах светилась уверенность несломленного человека. Похоже, он воспринимал происходящее как испытание судьбы, которое ему необходимо пройти с честью, и был к этому полностью готов.

Стильный костюм темно-синего цвета был уже изрядно помят и испачкан. Белая рубашка вся в грязных разводах. Галстука, брючного ремня и шнурков в туфлях не просматривалось, что не оставляло повода для сомнений о последнем месте его пребывания. Он потер руками в наручниках щетину на подбородке:

— Не примите мою небритость как дань последней моде или элементарную бестактность. Просто в СИЗО почему-то мне не дают бриться, — почти весело заявил он с порога.

Тихон в ответ не издал ни звука. Только кивнул сопровождающему Киргиза на наручники. Тот вопросительно поднял бровь, хотел что-то сказать об опасности такого шага, но, вспомнив, кто будет вести допрос, молча снял браслеты и незамедлительно ретировался.

— А неплохо вы тут поживаете, — подследственный оглядел кабинет, — не то, что ментовские… И мебелишка стильная, модерновая. Импортная, небось? Обойки фирмовые, компьютер с плоским мониторчиком, телефончик японский… И…

Его взгляд упал на шуршащее покрытие пола. Киргиз замолчал и начал с интересом его осматривать. Поверх ковролина, прибитого под плинтус, была постелена по всей площади пола толстая строительная пленка. Целлофан неприятно потрескивал под ногами.

Киргиз недоуменно пожал плечами, потер запястья и без приглашения сел на стул напротив Тихона. Их разделял стол. Киргиз продолжал улыбаться, фиксируя цепким взглядом все детали кабинета.

Кроме странного покрытия пола, в глаза бросались выбоины в стене. Как будто кто-то в припадке бешенства колотил в нее чем-то острым и металлическим. Дырочки были маленькими, круглыми и глубокими. Они располагались на стене как раз за спиной допрашиваемого. Что-то было не так и со столом. Через мгновение Киргиз понял — полированная поверхность была абсолютна пуста. Ни листа бумаги, ни бланка, ни блокнота, ни ручки, ни карандаша, ни барсетки, ни пачки сигарет, ни зажигалки, ни часов, ни пепельницы, ни календаря, ни подставки — ничего.

Да и с типом этим что-то не то. Еще и слова не проронил. Сидит, молча разглядывает. Причем, совсем не так, как обычные дознаватели, которые ловят взгляд, гипнотизируют, устрашающе

вращают зрачками.

Тихон же дискретно и бесстрастно, словно сканируя, осматривал лицо подозреваемого: левая часть лба, правая, переносица, левая щека с родинкой, другая чистая, один глаз, другой, синяк на скуле, кровоподтек на виске.

Неторопливо, не прерывая осмотра, достал сигарету и зажигалку. Закурил. Не глядя, достал из-под столешницы пепельницу, поставил рядом с собой, стряхнул пепел. Подпер свободной рукой щеку. Выпустил к потолку через угол рта плотную струю дыма. Молча докурил сигарету. Раздавил окурок о дно пепельницы и убрал ее назад в стол.

— Ты чего, в гляделки со мной решил поиграть? — не совсем уверенно поинтересовался допрашиваемый.

В ответ ни звука. Такой же пристальный и бесстрастный взгляд. Киргиз обескуражено отвел глаза и скользнул взглядом по стенам. Задержался на отверстиях в стене. Затем перевел взгляд на пол. Какие-то рычажки в мозге клацнули. Он вздрогнул всем телом. Взглянул в каменное лицо Тихона:

— Ты чего, падла цветная, молчишь? — фраза вылетела сама собой, без участия мозга. Киргиз сразу же замолчал. В голове вихрем пронеслись ранее услышанные истории о ментовском и особенно конторском беспределе. Внутренне заметался. Еще раз мазнул взглядом по лицу оперативника. Оно было так же бесстрастно.

Тихон снова не глядя, достал пепельницу, поставил ее на стол, большим и указательным пальцами размял сигарету и щелкнул зажигалкой. Вторую сигарету он выкурил так же неторопливо, как и первую. После того, как с ней было покончено, он выложил на стол сразу три предмета.

Лист бумаги был аккуратно придвинут к Киргизу. Шариковая ручка легла сверху. Последним, с глухим ударом, на стол был помещен пистолет. Киргиз завороженно уставился на матовую поверхность «Тульского Токарева». Тихон положил руку на рукоятку «ТТ» и оттянул курок:

— У тебя пять минут, — и взглянул на часы.

Его голос хлестанул подследственного не хуже кнута. Киргиз дернулся, затем весь сжался и, просидев в состоянии ступора секунд пятнадцать, схватил ручку. Лист бумаги начал быстро покрываться мелкими, словно мышиные следы, буквами.

«Чистая работа, девочка будет спасена», — только и осталось констатировать мне, после знакомства с методами дознания Черного майора. Еще подумалось, что не зря его боятся. Ой, не зря! Пока в органах остались такие сотрудники, тем, кто собрался преступить черту закона, есть над чем подумать перед этим

шагом.

В следующем кабинете, просторной и светлой комнате, я попал на совещание начальников отделов, которое вел глава управления. Это был представительный мужчина в штатском костюме, при галстуке. Он председательствовал во главе огромного овального стола, за которым сидели полтора десятка офицеров среднего звена.

Его доклад сразу напомнил мне политинформации, которые повсеместно проводились во время моего детства в Советском Союзе. Эдакие плановые выступления на злобу дня. Немалый, судя по всему, чин с усердием хорошо налаженной радиоточки, то и дело заглядывая в исписанные листы бумаги, информировал своих подчиненных:

— …таким образом, наш народ является непосредственным и единственным источником власти в стране. Вспомним пятую статью Конституции: «…Носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине есть народ. Народ осуществляет свое управление непосредственно и через органы власти и органы местного самоуправления. Право определять и изменять конституционное устройство Украины принадлежит исключительно народу и не может быть узурпировано государством, ее органами или должностными лицами. Никто не может узурпировать государственную власть».

Фактически из-за этой статьи Основного Закона и произошли памятные, и я не побоюсь этого слова — знаковые события зимы две тысячи четвертого — две тысячи пятого года. Именно подозрение в нарушении ее положений и послужило поводом для возмущения нашего народа. Украинцы, несмотря на свою природную инертность в форме пресловутой «хаты с краю», вышли на улицы и площади городов. Аргументированная позиция народного возмущения может быть легко интерпретирована в нескольких тезисах.

А именно: «Мы, народ Украины, выбираем людей, которым доверяем руководить государством. Поскольку нас много, то победит тот кандидат, за которого проголосует большинство. Он и будет управлять Украиной, вне зависимости, нравится это тем гражданам, которые голосовали за других соискателей, или нет. Такой закон».

В таких посылках, само собой разумеется, нет места фальсификации народного волеизъявления. Никому не нужно государство, в котором правят только в угоду себе и своим приближенным выбранные на время политики. Этому произволу наше твердое: «нет!»

Что же произошло потом? Народ Украины кучкой

меркантильных политиков был введен в заблуждение пропорциональной выборной системой. Или иначе: распределением мест в парламенте по партийным спискам. Это позволило этой самой группке людей просто приватизировать законодательную ветвь власти. С точки зрения закона все выглядит хорошо и грамотно. Но что же мы имеем на самом деле? Как формируется пресловутый партийный список, который регистрируется в Центризберкоме?

Вы только вдумайтесь! На съезде партии предлагается утвердить людей согласно присвоенных порядковых номеров. И на этом все. Вот такая изнанка демократии получается. Всем же понятно, что как партийный лидеры его составят, так низовые партийцы и проголосуют. И в этом списке, как ни крути, обязательно окажутся только «нужные» люди: от олигархов до наследных отпрысков, друзей, любовниц и подельщиков.

Как в таком случае можно гарантировать исполнение статьи тридцать восемь Конституции о пассивном избирательном праве? Статья гласит: «Граждане имеют право принимать участие в управлении государственными делами, во всеукраинском и местных референдумах, свободно избирать и быть избранными в органы государственной власти и органов местного самоуправления». Получается, что никак! Поэтому…

Далее следовали правильные, местами изобличительные слова о поголовной нечистоплотности украинских депутатов, о невозможности в сегодняшнем правовом поле Украины лишить даже отпетого уголовника депутатского мандата, о возврате к мажоритарной выборной системе, о необходимости соблюдения Конституции, предоставлении большей власти местному самоуправлению и многое другое.

Я слушал знакомые до оскомины и избитые фразы в пол-уха, разглядывая собравшихся за овальным столом офицеров, которые непосредственно руководят работой вверенных им подразделений и курируют согласно долгу и присяге основные направления жизнедеятельности украинского государства.

Пришел к выводу, что объединяет их всех одно: особо бедных людей среди начальников отделов не было. Даже те, кто вырядился на совещание в форму, а не в дорогой костюм, как большинство, позабыли о некоторой атрибутике. Один не снял с запястья золотой «Роллекс». Второй пришпилил зеленый галстук булавкой с бриллиантом. Третий забыл на пальце золотой перстень с драгоценными камнями. Четвертый надел туфли из крокодиловой кожи под уставные брюки.

А большинство из них и не пыталось скрыть свой уровень доходов, который был явно выше среднего. Рубашки, галстуки,

туфли были из лучших магазинов Киева, а «тройки» почти у всех офицеров были сшиты на заказ. И сидели на фигурах офицеров элегантно, стильно и опрятно.

Да, здесь, похоже, людей, которые не понимают, в чем основное предназначение службы безопасности страны, не было. Сам докладчик в явно плохо сидящем мешковатом пиджаке, купленном в рядовом магазине готового платья, выглядел на их фоне ущербно. Как выяснилось чуть позже, в его оценке я не ошибся.

Зацепился за нечто, показавшееся интересным в его докладе. Вновь прислушался.

— …Эти люди создали такую систему государственной власти, в которой им удобно, комфортно и безопасно жить. Никто из них не думает и не хочет думать о государстве, все политики заняты только двумя вещами: грабежом страны и сохранением за собой кресел на ключевых постах. И то и другое выполняется с привлечением любых доступных средств, не говоря уже об использовании административного ресурса. Отсюда вытекают наши базовые задачи.

Согласно положений проекта Закона «Об административно-территориальной реформе» от четырнадцатого апреля две тысячи пятого года должно происходить сокращение чиновничьего аппарата.

Уменьшится количество районных советов, не говоря о сельсоветах. Будем надеяться, что сокращение пройдет шире и не только на уровне город-регион и область-регион. Это объективно правильно. Министерства и Государственные комитеты вполне могут напрямую рассылать свои нормативные документы на места. Кого-кого, а чиновников в Киеве хватает. К тому же, есть закон об электронной подписи и электронном документообороте. Такое реформирование произвести вполне реально, даже в сегодняшнем формате управления Украиной.

В таком случае, для координации и взаимодействия органов МВД, СБУ и Министерства по чрезвычайным ситуациям будут созданы, скорее всего, пять институций: Западного, Центрального, Северного, Восточного и Южного регионов. А мы, как и все остальные учреждения Украины, нуждаемся в реформах. Произойдет перераспределение полномочий. В этой перетасовке роль нашего Управления, если мы правильно себя поведем, станет решающей…

В этом месте все участники совещания оживились и начали обмениваться понимающими взглядами и перемигиваться. Вот, оказывается, куда ведет начальник! С чего начал и к чему подвел! Непрост. Мысль дельная! Еще бы! Чем больше полномочий, тем,

понятно, и больше приятных последствий, из них вытекающих. Так что закончил докладчик свою речь уже под нестройный одобрительный гул, из которого выделялись отдельные подобострастно-хвалебные реплики.

— …Будем надеяться, что определенные перестановки в государственных структурах выполнят свою глобальную функцию: украинская власть станет ближе к народу. Она станет более честной и открытой и, может, перестанет забывать, что народ и есть источник и носитель власти…

Я уже хотел покинуть этот кабинет, и даже двинулся в сторону выхода, но последние слова доклада задержали меня еще на некоторое время. Он резюмировал буквально следующее:

— …Таким образом, подводим итог. Я призываю все подразделения включиться в активную работу и начать давать показатели. Как стратегические, так и тактические. Как те, так и другие очень пригодятся в преддверии реструктуризации системы. Направления обсудим с каждым отделом индивидуально. К тому же, все вы знаете, что я человек на этом посту новый. Меня только недавно перевели на эту должность и для функционирования в нормальном рабочем графике мне категорично необходимо получить квартиру в Киеве. Ее я должен заслужить. Так что не подведите своего нового начальника…

— Еще надо добавить, что и одеться соответственно высокому званию главы Управления не помешало бы. А то что же это такое: подчиненные выглядят лучше руководителя? Не порядок! — если бы мог физически плюнуть, я бы, наверное, это сделал. Но в моей оболочке не было ничего похожего по консистенции на слюну. Поэтому я плюнул мысленно.

Посетив еще несколько кабинетов и послушав, что там происходит, пришел к неутешительным выводам. Вся структура службы безопасности страны разбита на удельные княжества — управления, которые тянут одеяло, в виде особых полномочий, на себя. Это первое. Второе: повсеместный кадровый голод. Объективный. Почти все грамотные сотрудники уже стали бывшими и трудятся за пределами этого учреждения. Третье: зарплата сотрудников — мизер. Имеют место массовые добровольные увольнения недовольных офицеров, не сумевших создать себе дополнительные источники дохода. Четвертое: более изворотливые находят приработки в виде взяток за любые услуги, за которые только можно взять деньги, и установки «крыш». Пятое: большая часть офицеров, подобно лейтенанту Карпову, просто не знает, чем заняться, и завидует тем кто берет мзду с любого начинания, но засунуть туда нос в силу молодости и служебной субординации не может.

В коридоре при переходе в очередной кабинет у меня все поплыло. Стены, пол, потолок начали сливаться в одно целое. Нечто серое и мутное. Если уж и в этом грозном с виду здании с сотрудниками, которые всегда считались элитой офицерского корпуса, дела обстоят так же, как и везде в Украине, то ей, действительно, конец. Некому заниматься ни государством, ни его защитой.

Многое мне хотелось еще посмотреть. Например, как выглядит кабинет председателя. Что это за человек и чем занимается, я знал и раньше. Это не было тайной ни для кого в Украине. А вот апартаменты его было бы увидеть любопытно. Есть ли в подвалах этого здания, как гласит народная молва, кислородные печи, в которых можно без проблем очень быстро сжечь и тонны документов, и десяток неугодных сограждан? Не помешало бы заглянуть и в камеры для подследственных и просто задержанных с целью узнать: кто там и по какому поводу нашел временное пристанище. И еще многое другое. Но сил уже не было. Похоже, моему нечеловеческому ресурсу пришел конец…

Последняя

Вот я и дометался по телам своих сограждан с благими намерениями и попытками понять… По ходу, конечно, замечал, что с каждым посещением мое самочувствие не просто, словно индикатор, изменяется то в лучшую, то в худшую сторону. Появились накопительные боли, которые в конце концов и сыграли свою фатальную роль… Только теперь до конца понял, что недосказал дядя Грач.

Я не просто получаю негатив от сограждан, я напрямую связан с украинским социумом, и, как только набирается критическая масса, я прекращаю свое существование вместе со страной. Значит все: и мне, и стране конец.

Перенес все, что осталось от меня — жалкие обрывки истерзанной и пульсирующей болью ауры — на скалу у берега моря. Чем не последняя обитель: теплые камни, закат, кровавая дорожка солнца на легкой морской ряби, одинокий парус на извечном пути к горизонту… «Опять тяга к театральным эффектам», — сострилось как-то мимо меня, само по себе.

Со мной ладно, я никогда не мечтал жить вечно, просто этот момент пришел раньше, чем хотелось. Но, если быть объективным, конец в любой момент жизни и ко всем приходит не вовремя. И никому, понятно, это не нравится. Но поделать с этим никто, увы, ничего не может. Я не исключение… А вот страна…

Очень, очень жаль, не смогли… Все мы, кто хотел, мечтал, творил, планировал, делал… Не получилось… Хочется верить, что когда-то она возродится. И будет совсем другой. Великой, сильной, могучей и мудрой державой!

Загрязненная хищническим бездумным вмешательством человека экология восстановится. На месте изгаженных полей возродятся плодоносные земли, на них вырастут и заколосятся прекрасные злаки. Вода в реках и озерах станет прозрачно-хрустальной, воздух чистым, небо голубым.

На месте вырубленных лесов загудят густыми кронами новые деревья. На их ветвях будут выводить задорные трели птицы, прыгать в своем неутомимом ритме белки. На месте ядерных могильников расцветут цветы. И жить в этой стране будут честные, гордые и свободные люди. Но все это будет… без меня… и пусть… лишь бы было… когда-нибудь…

Солнце спряталось уже на две трети. На рядом лежащий обломок скалы упала тень. Искрящиеся воды начали чернеть и расплываться. Картинка передо мной зарябила и расслоилась. Я

решил, что это уже все, и приготовился к последнему прощальному монологу… но тут совсем рядом раздался до боли знакомый голос:

— Не так! Не так ты все понял, — рядом, на истертый многовековыми солеными ветрами валун, легким облаком опустился дядя Грач. На его почти не просматривающемся в общем контуре лице все равно легко угадывалась саркастическая усмешка. — Не умираешь ты!

— ???

— Затеял тут прощанье по форме номер раз. Хотя место выбрал хорошее… Мне нравится.

— Спасибо за комплимент, — надежда робкой лапкой постучалась ко мне в сознание. — Не умираю? Так что со мной?

— Это ты просто окончательно расстаешься со всем, что есть в тебе от человека. Мелочность, суета, жадность, похоть, зависть… От глупых импортированных качеств, которые в последнее время в Украине стали национальными, освобождаешься, опять-таки, и становишься…

— Кем? Ангелом? — чувствуя резкие изменения в своем самочувствии, встрепенулся я.

— Если тебе нравится это название — пусть будет так. Ангел и Ангел. Разве дело в имени? Все гораздо серьезней: ты становишься тем, кто в ответе за это государство.

— Ангел Украины, — невольно вырвалось у меня.

— После того, как ты понял причину, пришла пора действовать! Твоя страна — полигон великой битвы! Ты заслужил свое место в строю. Теперь можешь называть меня, как все, Магистр… — пропустил мимо ушей мою вставку дядя Грач. — О готовности не спрашиваю, знаю, ты готов. Ты такой не один. Наделенных подобными качествами много. Но к превеликому сожалению, далеко не все нацелены на хорошее…

После этих слов я не разомкнул уст. Магистр уже перешел к деталям, о существовании которых я не мог предполагать даже в самом смелом фантастическом ракурсе. Как оно тут у нас оказывается все непросто. Моя наивность поражала: то, что я принял за всеобщую истину, оказалось каплей в бесконечном водовороте знаний этого мира. Слушал внимательно и, сопоставляя факты, только теперь смог осознать всю глубину возникшего у меня в жизни перелома. Ну ничего, раз так, то так. Боль прошла окончательно. Я почувствовал себя большим и сильным. Энергия буквально закипала под оболочкой. Если да, то да! Повоюем!